

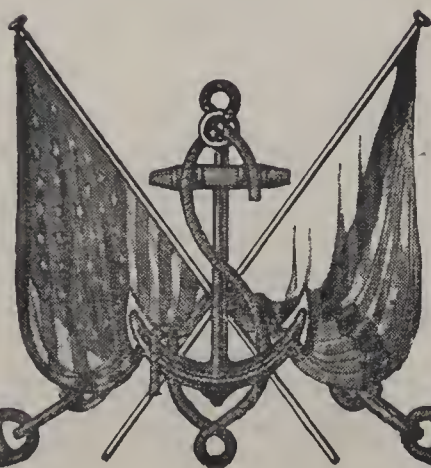
1961

МОРСКИЯ ЗАПИСКИ

THE NAVAL RECORDS

VOL. XIX, № 3/4

55

МОРСКІЯ ЗАПИСКИ

Издаваемая Обществомъ
Офицеровъ Россійскаго
Императорскаго Флота
въ Америкѣ

подъ редакціей
Ст. Лейт. Бар. Г. Н. ТАУБЕ

465, Лексингтонъ авеню
Нью-Йоркъ, С.Ш.А.

THE NAVAL RECORDS

Published by the Association
of Russian Imperial
Naval Officers
in America, Inc.

G. N. Taube, Editor.

465 Lexington Avenue,
New York 17, N. Y., U.S.A.

VOL. XIX, № 3-4 - (55) Price \$3.00 yearly November 1961

СОДЕРЖАНИЕ :

Стр.

Адмиралъ А. А. Эбергардъ.
Стар. лейт. Н. С. Чыриковъ . . . 3

60 лѣтъ въ компасномъ дѣлѣ
Памяти Б. А. Вилькицкаго
Кап. 1 р. Д. О. Дараганъ 36

Расцвѣтъ и упадокъ
военно-морского искусства
проф. А. Д. Бубновъ 59

Видс-адмиралъ А. И. Непенинъ
(Опытъ біографіи) Продолженіе
Контръ-адмиралъ Б. П. Дудоровъ 65

Рѣдкій юбилей 85

Подъ флагомъ адмирала Макарова
Д. В. Никитинъ-Фокагитовъ . . . 87

Военно-морскія дѣйствія въ Черномъ
морѣ во 2-ю Мировую войну.
Продолженіе.
Необходимое разъясненіе.
П. А. Варнекъ 91

Изъ прошлаго
Инж. мех. кап. 1 р. В. В. Саксъ 111

Морскія замѣтки 114

Къ статьѣ "Жуткіе днп..."
Я. В. Шрамченко 116

CONTENTS :

Page

Admiral A. A. Eberhard
by Lt. Cdr. N. S. Tchirikoff . . . 3

a. 60 years around the binnacle
b. To the memory of B. A. Vilkitsky
by Capt. D. J. Daragan 36

Rise and fall of Naval Science.
by Prof. A. D. Bubnov 59

Vice-Admiral A. I. Nepenin
(an essay in biography) Continued.
by Rear-Admiral B. P. Doudoroff 65

An Exeptional Anniversary . . . 85

Under the command of Admiral
Makaroff
by D. V. Nikitin-Fokagitov . . . 87

a. Naval actions on the Black Sea
during the Second World War,
Continued.
b. Necessary commentaries
by P. A. Warneck 91

Out of the past
by Eng. Capt. V. V. Saks . . . 111

Naval Notes 114

Corrections to the article
"Days of terror..." (No. 54)
by J. V. Schramchenko 116

ALL RIGHTS RESERVED

by
The Association of Russian Imperial Naval Officers
in America, Inc.
New York, N. Y.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на

МОРСКІЯ ЗАПИСКИ

на 1962 годъ.
20-ый годъ изданія.

Цѣна \$3.00 въ годъ
съ пересылкой.

Вышла и поступила въ продажу книга

контръ-адмирала С. Н. Тимирева

« ВОСПОМИНАНІЯ МОРСКОГО ОФИЦЕРА »

БАЛТІЙСКІЙ ФЛОТЪ ВЪ ВОЙНУ И РЕВОЛЮЦІЮ
1914 - 1918

Цѣна съ пересылкой — 3.00

Для приобрѣтающихъ книгу черезъ «Морскія Записки»
цѣна 2.50 съ пересылкой.

Подписка принимается у:

S. V. Glad, 3604 Broadway, New York 31, N. Y.

G. C. Dvorjitsky, 634 West 135th St. New York 31, N. Y.

Y. V. Solovieff, 75 East 93rd Street, New York 28, N. Y.

G. N. Taube, 465 Lexington Ave., New York 17, N. Y.

Редакція

благодарить подписчиковъ и друзей «Морскихъ Записокъ» за поддержку и надѣется, что и въ будущемъ они дадутъ возможность продолжать изданіе этого журнала.

Редакція

не имѣя возможности разсылать напominанія, просить постоянныхъ подписчиковъ не задерживать присылку подписной платы.

Адмиралъ А. А. Эбергардъ

Докладъ, составленный и прочитанный
кап. 2 р. Н. С. Чириковымъ
въ Морскомъ Собраніи въ Парижѣ 28 мая 1961 г.

Полъ вѣка тому назадъ, осенью 1911 года на должность Начальника Морскихъ Силъ Чернаго моря Высочайшимъ Приказомъ по Морскому Вѣдомству, былъ назначенъ вице-адмиралъ Андрей Августовичъ Эбергардъ.

Адмиралу Эбергарду пришлось командовать, руководить и управлять ввѣреннымъ ему Черноморскимъ флотомъ не только въ мирные, предвоенные годы, но и нести всѣ тяготы суровой боевой страды на этомъ морскомъ театрѣ въ теченіе первыхъ 2-хъ съ половиной лѣтъ войны 1914 года.

Достигнутые Черноморскимъ флотомъ боевые успѣхи подъ командованіемъ доблестнаго, славнаго Командующаго Андрея Августовича Эбергарда возводятъ адмирала до степени искуснаго, замѣчательнаго, блестящаго флотоводца современной намъ эпохи.

Тѣ, кто лично знали адмирала и имѣли честь служить подъ его начальствомъ, могли воочию судить и оцѣнивать его боевую дѣятельность въ должности Командующаго Черноморскимъ флотомъ, — широкій горизонтъ его государственнаго ума, искусное управленіе флотомъ, обширныя позна-

нія, опытъ, холодное мужество и выдержку передъ лицомъ опасности и, наконецъ, его исключительное рыцарское благородство.

Слѣдуетъ отмѣтить, что адмиралъ всей своей предшествовавшей службой родному русскому Императорскому флоту былъ всецѣло подготовленъ для занятія такой отвѣтственной должности.

Андрей Августовичъ Эбергардъ родился 9-го ноября 1856 года на островѣ Патрасъ въ Греціи, гдѣ его отецъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Августъ Ивановичъ Эбергардъ состоялъ въ должности Императорскаго Россійскаго Генеральнаго Консула. Мать адмирала, — рожденная Анна Александровна Афанасьева.

Родъ Андрея Августовича Эбергардъ шведскаго происхожденія. Предокъ адмирала, Юаннъ Эбергардъ еще въ первой половинѣ 18-го столѣтія прибылъ въ Россію изъ Швеціи, а потомки его обосновались у насъ на родинѣ и совершенно обрусѣли.

Андрей Августовичъ Эбергардъ окончилъ Морское Училище въ С.-Петербургѣ въ 1878 году и былъ произведенъ въ званіе гардемарина. Въ слѣдующемъ 1879 году онъ былъ произведенъ въ чинъ мичмана; въ чинъ лейтенанта — въ 1884 году; въ чинъ капитана 2-го ранга «за отличіе» — въ 1895 году; въ чинъ капитана 1-го ранга «за отличіе» — въ 1902 году; въ чинъ контръ-адмирала — въ 1907 году; въ вице-адмирала — въ 1909 году и въ чинъ адмирала — 14-го апрѣля 1913 года.

Андрей Августовичъ Эбергардъ послѣдовательно занималъ слѣдующія служебныя должности: состоялъ въ должности старшаго флагъ-офицера при Командующемъ отрядомъ въ Тихомъ океанѣ въ 1883 и 1884 годахъ; въ должности флагъ-офицера при Управляющемъ Морскимъ Министерствомъ адмиралъ Шестаковъ въ 1890 году; въ должности старшаго флагъ-офицера Штаба Начальника эскадры Тихаго океана въ 1891 и 1892 годахъ; въ должности военно-морского агента въ Константинополѣ съ 1894 по 1896 годъ; въ должности старшаго офицера мореходной канонерской лодки «Донецъ» въ 1896 и 1897 годахъ; старшаго офицера эск. броненосца «Екатерина II» съ 1897 по 1898 годъ; старшаго офицера эск. бро-

неносца «Чесма» съ 1898 по 1899 годъ; въ должности командира мореходной канонерской лодки «Манджуръ» съ 1899 по 1901 годъ; въ должности временно командующаго крейсера 1-го ранга «Адмиралъ Нахимовъ» въ 1901 году; въ должности флагъ-капитана Штаба Начальника эскадры Тихаго океана съ 1903 по 1904 годъ; въ должности командира эск. броненосца «Цесаревичъ» въ 1904 году; въ должности флагъ-капитана Морского Походнаго Штаба Намѣстника Государя Императора на Дальнемъ Востокѣ въ 1904 году; въ должности командира эск. броненосца «Императоръ Александръ II» съ 1905 по 1906 годъ; командиромъ броненосца «Пантелеймонъ» въ 1906 году; командующимъ отдѣльнымъ отрядомъ судовъ, назначенныхъ для плаванія съ корабельными гардемаринами, въ 1907 и 1908 годахъ; Помощникомъ Начальника Главнаго Морского Штаба съ 1906 по 1907 годъ; Начальникомъ Морского Генеральнаго Штаба съ 1908 по 1911 годъ.

Ко времени назначенія на должность Начальника Морскихъ Силъ Чернаго моря вице-адмирала Эбергарда, вопросъ морской политики и программъ новаго военно-морского судостроенія Россіи находился въ нижеслѣдующемъ состояніи: — не взирая на богатый, вѣковой историческій опытъ, въ началѣ 20-го столѣтія русское образованное общество не вполне сознавало государственной необходимости военнаго флота для нашего Отечества. Напримѣръ, членъ Государственной Думы Стаховичъ сказалъ какъ-то, что «флотъ нуженъ Россіи такъ же, какъ большому барину псовая охота».

Причина существованія подобныхъ взглядовъ была видимо та, что русскіе люди считали свою державу вполне сухопутной. Хотя тутъ же слѣдуетъ указать, что сухопутныхъ державъ и державъ морскихъ не существуетъ, а есть державы, понимающія значеніе военно-морской силы, и державы этого значенія не понимающія. Кромѣ того огромныя земельныя пространства наполняли русскую жизнь такимъ мощнымъ «пульсомъ земли», что за нимъ, очевидно, не былъ слышенъ прибой далекаго моря.

А между тѣмъ знаменитое Петровское, прорубленное въ Европу окно на сѣверѣ, и другое, южное, давно обратились для Россіи въ «легкіе», коими дышалъ русскій государствен-

ный организмъ. По довоенной статистикѣ начала 20-го столѣтія считалось, что 80 проц. всего русскаго вывоза идетъ моремъ, причемъ 60 проц. общаго количества черезъ черноморскіе порты.

Но вотъ все же, несмотря на то, что промышленная и торговая жизнь Россіи зависѣла на 80 проц. отъ морского судоходства, не взирая на грозное наростаніе въ Балтійскомъ морѣ германской морской силы, необезпеченный со стороны моря Петербургъ и легко подверженный ударамъ прибалтійскія провинціи, а въ Черномъ морѣ явно агрессивную на Балканахъ политику державъ тройственнаго союза и пробужденіе національно-шовинистической Турціи, Государственная Дума въ 1909 году не только отказала ассигновать кредиты на флотъ, но даже выразила сомнѣніе, — нуженъ ли вообще Россіи флотъ?

Назначенный въ 1908 году на должность Морского Министра генералъ-адъютантъ адмиралъ Диковъ, поставленный подобнымъ сомнѣніемъ Государственной Думы въ совершенно необычное, пожалуй даже траги-комическое положеніе, черезъ два столѣтія послѣ Великаго Преобразователя земли русской и создателя Россійскаго Императорскаго флота Петра I, принужденъ былъ начать съ буквы «азъ».

На квартирѣ у октябриста Милютина, передъ многочисленными членами Государственной Думы былъ устроенъ рядъ докладовъ, прочитанныхъ морскими офицерами, только что созданнаго Морского Генеральнаго Штаба: капитана 2-го ранга Римскаго-Корсакова — «Зачѣмъ Россіи нуженъ флотъ»; — капитана 2-го ранга Колчака — «Какой Россіи нуженъ флотъ»; — капитана 2-го ранга Щеглова — «Программы судостроенія»; — старшаго лейтенанта Смирнова — «Реформы Морского Вѣдомства» и капитана 2-го ранга Немитцъ — «Морской вопросъ въ Россіи».

Затѣмъ состоялись такіе же доклады у правыхъ, у Пуришкевича и съ кадетами у Милюкова. Въ итогѣ члены Государственной Думы заявили, что они убѣдились въ необходимости флота для Россіи, но ассигновать кредиты на его постройку не могутъ, вслѣдствіе недовѣрія къ умѣнію Морского Министерства справиться съ этой задачей. Такимъ образомъ вопросъ государственной обороны посредствомъ примѣне-

нія военно-морскихъ силъ попалъ въ тупикъ, въ коемъ и отавался до 1911 года.

Тѣмъ временемъ Турція, сдѣлавъ огромное финансовое усиліе, собравъ народныя пожертвованія, заказала на судостроительныхъ заводахъ Великобританіи два мощныхъ, современныхъ линейныхъ корабля-дредноута — «Османіе» и «Решадіе». По ихъ готовности русскій слабый, устарѣвшій Черноморскій флотъ не только терялъ свое преимущество на этомъ морѣ, но какъ военная сила практически сводился, передъ ними, на нѣтъ. Лишь съ назначеніемъ на должность Морского Министра адмирала И. К. Григоровича, опасное положеніе быстро и радикально измѣнилось, отношеніе съ Государственной Думой наладилось, была произведена реформа судостроительныхъ заводовъ и всѣхъ отдѣловъ Морского Министерства. Первѣйшей и срочной задачей новый Морской Министръ поставилъ себѣ закладку и постройку на отечественныхъ судостроительныхъ заводахъ въ Черномъ морѣ 3-хъ мощныхъ, современныхъ линейныхъ корабля-дредноута. Однако, вслѣдствіе упущеннаго времени, эти корабли предполагались къ готовности лишь въ 1915 году, т. е. на годъ позже турецкихъ и, такимъ образомъ, 1914 и первая половина 1915 года становились для Россіи на Черномъ морѣ критическими. Легко можно себѣ представить, что пришлось пережить русскому національному самолюбію, если бы слабому, устарѣвшему Черноморскому флоту пришлось имѣть въ началѣ войны 1914 года своими противниками эти два мощныхъ турецкихъ линейныхъ корабля-дредноута.

Къ счастью, оба эти корабля, благодаря искуснымъ переговорамъ съ отвѣтственными представителями британскихъ судостроительныхъ заводовъ и достигнутому съ британскимъ правительствомъ соглашенію, были реквизированы въ Великобританіи. Этому достиженію наше Отечество обязано Морскому Министру, стоявшему въ ту пору во главѣ Морского Вѣдомства, адмиралу Ивану Константиновичу Григоровичу.

Однако, нависшая было такимъ образомъ грозная опасность была устранена лишь временно, ибо германскій Морской Штабъ, чтобы возмѣстить эту явную утрату въ составѣ своихъ союзныхъ морскихъ силъ, тотчасъ же измыслилъ къ

осуществленію использовать противъ Черноморскаго флота присутствіе въ Средиземномъ морѣ своего ударнаго, крайне удачно созданнаго тактическаго соединенія, состоявшаго изъ линейнаго крейсера «Гебенъ» и легкаго крейсера «Брестлау». линейнаго крейсера «Гебенъ» и легкаго крейсера «Бреслау». германскихъ судовъ, очень искусно обманувъ бдительность огромныхъ силъ франко-британскаго флота, сосредоточенныхъ въ Средиземномъ морѣ, а также вслѣдствіе несомнѣннаго попустительства командовавшихъ здѣсь союзныхъ морскихъ начальниковъ, успѣшно прорвался на востокъ и 28-го іюля ст. ст. 1914 года вошелъ въ проливъ Дарданеллы, а на слѣдующій день появился у береговъ пролива Босфоръ.

Обстановка на Черноморскомъ театрѣ въ началѣ первой мировой войны сложилась слѣдующая. — Турція, Болгарія и Румынія въ войну не вступили, поэтому русскій Черноморскій флотъ не имѣлъ здѣсь противника. Однако, съ первыхъ же дней войны между воюющими государствами развернулась усиленная борьба за привлеченіе на свою сторону этихъ странъ, хотя они и заявили о своемъ нейтралитетѣ. Особенно острой явилась борьба за привлеченіе Турціи на свою сторону между Германіей и Великобританіей. Расположенная на стыкѣ наземныхъ путей изъ Европы въ Азію, Имперія Османовъ обладала чрезвычайно выгоднымъ стратегическимъ положеніемъ. Выступленіе ее на сторонѣ Германіи создало бы угрозу колоніальнымъ владѣніямъ Великобританіи и Франціи. Кромѣ того, въ случаѣ присоединенія Турціи къ Германіи наше Отечество оказалось бы изолированнымъ отъ своихъ союзниковъ, что значительно затруднило бы британцамъ и французамъ использованіе русскихъ сырьевыхъ и людскихъ ресурсовъ.

Весьма своеобразнымъ было отношеніе къ вопросу о выступленіи Турціи русскаго Императорскаго Правительства. Съ одной стороны, закрытіе Турціей, при выступленіи на сторонѣ Германіи, проливовъ и отвлеченіе значительныхъ силъ войскъ на турецкій фронтъ, были невыгодны для Россіи. Но, съ другой стороны, русское Императорское Правительство не было заинтересовано въ выступленіи Турціи на сторонѣ державъ Согласія, потому что это воспрепятствовало бы Россіи овладѣть проливами. Въ самой Турціи находилось немало сторонниковъ какъ державъ Согласія, такъ и германской ко-

алиции. Однако, несмотря на большую зависимость Турціи отъ державъ Согласія, вліяніе Германіи оказалось сильнѣе, и 20-го іюля 1914 года Турція заключила военный союзъ съ Германіей. Заключение этого союза было осуществлено тайно и для дипломатовъ державъ Согласія, и Россіи оставалось неизвѣстнымъ до послѣдовавшаго 16-го октября 1914 года военного выступленія Турціи въ видѣ внезапнаго, вѣроломнаго нападенія германо-турецкаго флота на русскіе черноморскіе порты.

По договору Турція обязалась выступить на сторонѣ Германіи, причемъ турецкая армія поступала въ полное распоряженіе германской военной миссіи, возглавляемой генераломъ Лиманъ фонъ Сандерсъ. Послѣ прибытія въ Константинополь германскихъ крейсеровъ «Гебенъ» и «Бреслау», во главѣ турецкаго флота сталъ германскій адмиралъ Сушонъ. Комендантомъ Дарданельскаго укрѣпленнаго района былъ назначенъ генералъ Веберъ. Такимъ образомъ въ вооруженныхъ силахъ Турціи всѣ главныя командныя должности оказались въ рукахъ германскихъ начальниковъ.

Передъ войной русскій флотъ на Черномъ морѣ обладалъ подавляющимъ превосходствомъ въ силахъ надъ флотомъ Турціи. Съ прибытіемъ германскихъ крейсеровъ въ Константинополь, русскій Черноморскій флотъ утратилъ это превосходство. Чтобы показать истину этого утвержденія, необходимо совершить экскурсъ въ область, хотя бы краткаго, бѣглаго обзора тактико-техническихъ свойствъ германскихъ крейсеровъ «Гебенъ» и «Бреслау» и кораблей русскаго Черноморскаго флота.

Линейный крейсеръ «Гебенъ» обладалъ водоизмѣщеніемъ въ 23100 тоннъ. Онъ былъ построенъ на заводѣ Бломъ и Фоссъ въ Гамбургѣ по германской судостроительной программѣ 1909 года. Его главные машины развивали мощность до 86 000 лш. силъ, сообщавшія этому огромному линейному крейсеру скорость хода до 28-ми узловъ. Главныя машины — турбины Парсонса. Гребныхъ винтовъ 4. Число котловъ — 24 Шульца-Торникрофта. Запасъ угля 2,5 тысячи тоннъ. Районъ дѣйствія 3 000 миль при скорости хода 15 узловъ. Комплектъ команды 1050 человѣкъ.

Его наступательными средствами было слѣдующее вооруженіе: 10 — 11-ти дюймовыхъ орудій въ 50 калибровъ дли-

ны, расположенныхъ въ 5-ти двухорудійныхъ башняхъ. 10 — 6-ти дюймовыхъ орудій въ 45 калибровъ длины, расположенныхъ въ бронированныхъ казематахъ, 8 — 88-ми милл. орудій, 2 пулемета, 3 торпедныхъ аппарата и 8 прожекторовъ.

Этотъ германскій линейный крейсеръ кромѣ того обладалъ весьма развитой водонепроницаемой, противоминной системой отсѣковъ. При составленіи его проекта и созданіи его теоретическихъ чертежей въ 1909-1910 годахъ, были приняты во вниманіе особенности проекта корабля итальянскаго инженера кораблестроителя Сальваторе Орландо, предложившаго новую тогда конструкцію корпуса судна, въ коей нижняя палуба создана съ уступомъ и пониженной частью вдоль борта подъ броней. Какъ извѣстно, это давало значительное преимущество: во-первыхъ, въ случаѣ пробоины въ борту, уменьшался объемъ влившейся въ пробитое отдѣленіе воды, отчего уменьшался кренъ; во-вторыхъ, что являлось особенно существеннымъ, отдѣленіе заполнялось до верху, а площадь грузовой ватерлиніи оставалась прежней и метацентрическая высота не уменьшалась; въ-третьихъ, сокращалась площадь, а слѣдовательно, уменьшался вѣсь продольныхъ и поперечныхъ переборокъ и общее давленіе на нихъ. Кромѣ того пониженіе броневой палубы и продольной переборки, понижало и общій центръ тяжести корабля, — что въ свою очередь увеличивало метацентрическую высоту, а уменьшеніе площади продольной переборки давало ей возможность лучше сопротивляться дѣйствію миннаго взрыва. Удаленіе главной броневой противоминной, водонепроницаемой переборки отъ наружнаго борта на этомъ крейсерѣ, было весьма значительнымъ — а именно 14 футъ, что также способствовало большей сопротивляемости разрушительному дѣйствію миннаго взрыва.

Такимъ образомъ всѣ эти, такъ называемыя, оборонительныя средства этого крейсера, увеличивали до предѣла его живучесть. Главный броневой поясъ крейсера «Гебенъ» былъ толщиною въ 8 дюймовъ круповской брони, боевая рубка и орудійные башни 10 дюймовъ, а казематы шести-дюймовой артиллеріи — 4 дюйма.

Легкій крейсеръ «Бреслау» имѣлъ водоизмѣщеніе 4550 тоннъ. Турбинные двигатели въ 33500 лош. силъ, сообщавшія

ему скорость хода въ 28 узловъ. Артиллерійское вооруженіе состояло изъ 12-ти орудій въ 105 милл., 2 торпедныхъ аппарата. Это былъ прекрасный, быстроходный развѣдчикъ при могучемъ, сильномъ линейномъ крейсере «Гебенъ».

Британцы въ Сѣверномъ морѣ съ пренебреженіемъ называли 2-ую германскую эскадру, подобную нашей русской черноморской, состоявшей изъ линейныхъ кораблей, созданныхъ и заложенныхъ еще до русско-японской войны, — «пяти-минутными кораблями», или «сардиночными коробками». Они считали, что такой корабль не въ состояніи дольше пяти минутъ выдержать огонь современнаго въ ту пору дредноута. Приблизительно такъ же относился къ русской черноморской эскадрѣ личный составъ германскихъ крейсеровъ «Гебенъ» и «Бреслау». Благодаря своему огромному, въ 12 узловъ, преимуществу въ скорости хода, «Гебенъ» всегда располагалъ инициативой, — могъ завязать по своему желанію бой или уклониться; держать такую дистанцію боя, съ коей сго болѣе дальнобойныя орудія могли безнаказанно поражать русскіе корабли. У него было также и другое большое преимущество въ видѣ сосредоточенія всей своей артиллеріи на одной палубѣ, между тѣмъ какъ русскіе корабли, чтобы успѣшно противостоять «Гебену», принуждены были держаться соединенно и стрѣлять, такъ называемымъ, централизованнымъ огнемъ, управленіе коимъ несравненно сложнѣе, вслѣдствіе условій связи между кораблями. Да и въ этомъ случаѣ превышая лишь на два, число крупныхъ орудій «Гебена». Онъ могъ поэтому, съ серьезными шансами на успѣхъ вступать въ бой съ русской эскадрой при всякой встрѣчѣ и въ полномъ ея составѣ.

Общій вѣсъ снарядовъ бортового залпа линейнаго крейсера «Гебенъ» равнялся 3 276 килограммамъ, тогда какъ общій вѣсъ снарядовъ бортового залпа cadaго изъ трехъ русскихъ кораблей типа «Евстафій» былъ равенъ всего 1731-му килограмму. Вѣсъ 11-ти дюймоваго снаряда орудій крейсера «Гебенъ» равнялся 300-мъ килограммамъ съ начальной скоростью полета въ 940 метровъ въ секунду, тогда какъ вѣсъ 12-ти дюймоваго снаряда крупныхъ орудій русской эскадры былъ хотя на 24 килограмма больше, т. е. 324 килограмма, но зато начальная скорость полета этихъ 12-ти дюймовыхъ снарядовъ была лишь 793 метра въ секунду. Поэтому на раз-

ныхъ дистанціяхъ между противниками, живая сила, сообщенная 11-ти дюймовымъ орудіемъ снаряду крейсера «Гебенъ», была больше живой силы, сообщенной 12-ти дюймовымъ орудіемъ русскому снаряду, хотя и на 1 дюймъ большаго калибра. Слѣдовательно, сила удара германскаго снаряда въ бронированный бортъ противника была больше силы удара русскаго снаряда въ 12 дюймовъ. Естественно, что траекторія полета германскаго снаряда была болѣе настильна и, слѣдовательно, позволяла достигать большую мѣткость попаданія въ цѣль, т. е. въ бортъ противника.

Изъ этого сравненія явствуетъ, что и въ этой артиллерійской области, всѣ преимущества были на сторонѣ германскаго линейнаго крейсера «Гебенъ». — Все вышесказанное свидѣлствуетъ о томъ, что этотъ германскій крейсеръ являлся противникомъ весьма грознымъ и опаснымъ для устарѣлыхъ судовъ русской черноморской эскадры.

Какъ только было получено въ Севастополѣ извѣстіе о томъ, что оба германскихъ крейсера прибыли въ Константинополь, Командующій Черноморскимъ флотомъ адмиралъ Эбергардъ тотчасъ же отправилъ шифрованную телеграмму Государю Императору. Въ этой телеграммѣ адмиралъ доносилъ, что получивъ свѣдѣнія о прибытіи «Гебена» и «Бреслау» въ Константтинополь, онъ рѣшилъ послѣзавтра съ лучшими кораблями и миноносцами идти въ проливъ Босфоръ на томъ же основаніи, на какомъ нѣмцы вошли въ Дарданеллы. Если послѣдніе не выйдутъ изъ проливовъ, то адмиралъ Эбергардъ уничтожитъ ихъ, вполнѣ учитывая, что если этого не сдѣлать, Турція будетъ вовлечена въ войну.

На эту телеграмму, совершенно вѣрно оцѣнивавшую создавшуюся обстановку и предлагавшую вѣрное рѣшеніе вопроса, послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ: «Въ полномъ согласіи съ союзниками и не считая возможнымъ чѣмъ бы то ни было дать Турціи право обвинить насъ въ попыткахъ толкнуть ее на войну, Государь Императоръ повелѣлъ принять къ неуклонному исполненію слѣдующую директиву: — главнымъ силамъ Черноморскаго флота воспрещается удаляться изъ зоны крѣпости Севастополь. Всѣмъ вообще судамъ флота запрещается показываться западнѣ меридіана Одессы, и ни одинъ корабль не долженъ ни подъ какимъ видомъ появляться въ виду турецкихъ береговъ».

Основаніємъ къ посылкѣ такой телеграммы съ указанной въ ней директивой Черноморскому флоту, послужило соображеніе пословъ союзныхъ державъ, что Турція враждебна лишь по отношенію Россіи, вслѣдствіе стремленія послѣдней захватить проливы и, наоборотъ, вполне расположена къ Франціи и Великобританіи. Союзная дипломатія была твердо убѣждена, что Турцію можно удержать отъ войны не уничтожая крейсеровъ «Гебена» и «Бреслау», тогда какъ Командующій флотомъ адмиралъ Эбергардъ былъ твердо убѣжденъ въ обратномъ. Дальнѣйшія событія, однако, подтвердили правильность мнѣнія прозорливаго и вѣрно оцѣнивавшаго сложившуюся обстановку адмирала Командующаго.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ примѣромъ рѣдкой неосвѣдомленности какъ нашей русской, такъ и союзной дипломатіи.

Директива политическаго характера была сообщена министромъ иностранныхъ дѣлъ Сазоновымъ въ его телеграммѣ Командующему флотомъ адмиралу Эбергарду отъ 16-го августа 1914 года, слѣдующимъ образомъ: «... Самъ по себѣ выходъ «Гебена» въ Черное море не означаетъ разрыва, и мѣры противъ него допустимы только въ случаѣ полной увѣренности въ успѣхѣ. Съ общей политической точки зрѣнія, раздѣляемой Франціей и Англіей, весьма важно, чтобы война съ турками, если бы она оказалась неизбежной, была вызвана самой Турціей. Всѣ эти соображенія склоняютъ меня къ выводу о нежелательности инициативы разрыва съ Турціей съ нашей стороны». Однако, это мнѣніе не было согласовано со взглядами верховнаго командованія, кое черезъ три дня, т. е. 19-го августа 1914 года, на предложеніе адмирала Эбергарда считать «Гебена» и «Бреслау», въ случаѣ появленія ихъ въ Черномъ морѣ даже подъ турецкимъ флагомъ, кораблями германскаго флота и принять всѣ мѣры для защиты отъ ихъ покушеній, отвѣтило, что «если адмиралъ Эбергардъ считалъ бы для себя выгоднымъ атаковать непріятеля сейчасъ же послѣ выхода «Гебена» въ Черное морѣ, не дожидаясь агрессивныхъ дѣйствій съ его стороны, оно разрѣшаетъ это выполнить». Но столь рѣшительное согласіе черезъ полтора мѣсяца, а именно 30-го сентября 1914 года телеграммой ставки за № 73, было отмѣнено другой директивой: «Не искать встрѣчи съ турецкимъ флотомъ, если онъ не займетъ явно угрожа-

ющаго положенія». Такимъ образомъ, командующій Черноморскимъ флотомъ адмиралъ Эбергардъ получалъ указаніе не вызывать разрыва и въ будущемъ.

Не свидѣлствуютъ ли всѣ эти директивы о томъ, что инициатива атаки противника была отнята Верховнымъ русскимъ Командованіемъ у Командующаго Черноморскимъ флотомъ адмирала Эбергарда и слѣдовательно предоставлялась инициатива германскому морскому командованію на Босфорѣ. — Этимъ предрѣшалось то, что въ дальнѣйшемъ въ дѣйствительности и произошло.

Если атаковать германскіе крейсера въ проливѣ было исполнѣ возможно въ первые дни августа 1914 года, по прибытіи ихъ въ Константинополь, то послѣ 2-хъ, 2-хъ съ половиной мѣсяцевъ усиленной, можно сказать, лихорадочной работы нѣмцевъ по основательному вооруженію фортовъ и укрѣпленіи проливовъ и полной реорганизации турецкихъ морскихъ силъ, эта задача стала для русскаго Черноморскаго флота совершенно невыполнимой.

Время было, такимъ образомъ, безвозвратно упущено и, конечно, какъ это явствуетъ изъ всего вышеизложеннаго, не по винѣ Командующаго флотомъ адмирала Эбергарда. Объ этомъ ярко свидѣлствуетъ офиціальнй историческій трудъ германскаго контръ-адмирала Лорей. Авторъ этого труда пишетъ, что Германія неоднократно настаивала на ускореніи выступленія Турціи. Такъ 25-го августа 1914 года, начальникъ германской военной миссіи генералъ Лимаъ фонъ Сандерсъ получилъ отъ начальника большого генеральнаго штаба генерала Мольтке слѣдующую телеграмму: «Желательно, чтобы Турція выступила возможно скорѣе, не позднѣе окончанія организациі обороны проливовъ, которую необходимо ускорить». 26-го августа 1914 года германскій посолъ въ Константинополь Вагенгеймъ также получилъ предписаніе вынудить Турцію къ выступленію. 2-го сентября это предписаніе было подтверждено рейхсканцлеромъ Бетманъ-Гольвегомъ съ требованіемъ энергичныхъ дѣйствій на Черномъ морѣ. «Въ концѣ-концовъ, — пишетъ офиціальнй германскій морской историкъ контръ-адмиралъ Лорей, — Турція поставила свое согласіе на выступленіе въ зависимость отъ полученія отъ Германіи займа въ размѣрѣ 2-хъ милліоновъ турецкихъ фунтовъ. Эта сумма была обѣщана. Когда эти деньги, послѣ случай-

ной задержки, попали, наконецъ, въ Константинополь, турецкій военный министръ Энверъ-паша былъ готовъ идти на выступленіе, но его коллеги министры хотѣли еще выиграть время и рѣшили послать въ Берлинъ министра иностранныхъ дѣлъ Халила, чтобы тамъ договориться о наиболѣе удобномъ моментѣ для выступленія».

Какъ извѣстно, германскій адмиралъ Сушонъ, поддержанный турецкимъ военнымъ министромъ Энверъ-пашой, не сталъ ожидать результатовъ переговоровъ и, обезпечивъ себѣ оперативное подчиненіе турецкаго флота, началъ военныя дѣйствія вѣроломнымъ, безъ объявленія войны, нападеніемъ на русскіе черноморскіе порты. Любопытно вспомнить о томъ, что русской развѣдкѣ Черноморскаго флота сталъ извѣстенъ разговоръ, происшедшій между турецкимъ военнымъ министромъ Энверъ-пашой и германскимъ адмираломъ Сушонъ передъ нападеніемъ на русскіе порты. Энверъ-паша задалъ вопросъ Сушону: «Что вы разсчитываете сдѣлать съ русскимъ флотомъ?» — На это Сушонъ отвѣтилъ: «Я раздавлю русскій Черноморскій флотъ». По нѣмецки это гласитъ такъ: "Ich werde die russische Schwarze-Meer-Flotte zerschmettern".

Насколько это хвастливое обѣщаніе было выполнено, показали дальнѣйшія событія. 16-го октября 1914 года германо-турецкій флотъ совершилъ провокаціонное нападеніе на русскіе черноморскіе порты: Севастополь, Одессу, Феодосію и Новороссійскъ. Организуя это нападеніе, адмиралъ Сушонъ преслѣдовалъ двѣ цѣли — политическую и оперативную. Политическая цѣль состояла въ томъ, чтобы завязать войну между Россіей и Турціей; оперативная — въ томъ, чтобы воспользовавшись преимуществомъ внезапности, еще до начала войны ослабить русскій Черноморскій флотъ, нанеся ему тяжкія потери. Политическая цѣль, какъ извѣстно, этимъ нападеніемъ была достигнута — 19-го октября 1914 года Россія объявила войну Турціи. Оперативная же цѣль — внезапнымъ набѣгомъ германо-турецкаго флота ослабить русскій Черноморскій флотъ, нанеся ему тяжкія потери — достигнута не была. Черноморскій флотъ существенно ослабленъ не былъ. Въ Одессѣ, въ гавани была потоплена устарѣвшая канонерская лодка «Донецъ», вскорѣ затѣмъ поднятая и послѣ небольшого ремонта вступившая въ строй, а близъ Севастополя крейсеръ «Гебенъ» утопилъ минный заградитель

«Прутъ». Эта послѣдняя потеря была болѣе существенна, ибо на этомъ минномъ заградителѣ находилось 700 минъ загражденія. Крейсеръ «Гебенъ» бомбардировалъ Севастополь, выпустивъ по рейду, на коемъ стоялъ русскій флотъ, около 60-ти крупныхъ снарядовъ, но никакихъ поврежденій судамъ не нанесъ. Приморская Севастопольская крѣпость, отражавшая нападеніе огнемъ своихъ орудій, достигла 3-хъ попаданій въ «Гебенъ».

Во время этого нападенія на русскіе черноморскіе порты, въ ночь съ 15-го на 16-ое октября, гермапо-турецкій минный заградитель «Нулиферъ», подъ покровомъ ночной темноты, поставилъ линію минныхъ загражденій на подходахъ къ Севастополю, на ведущемъ въ портъ фарватерѣ, коимъ постоянно пользовался русскій Черноморскій флотъ при выходахъ въ море и возвращеніи въ базу. Эта линія минныхъ загражденій противника оставалась необнаруженной до конца военныхъ дѣйствій и стала извѣстна лишь по опубликованнымъ даннымъ, появившимся въ германской морской литературѣ по окончаніи войны. Послѣ обстрѣла крейсеромъ «Гебенъ» Севастополя, по личному приказанію Командующаго флотомъ адмирала Эбергарда, фарватеръ флота былъ тотчасъ же измѣненъ, а прежнимъ строжайше запрещено было пользоваться, хотя фактическихъ данныхъ о засореніи этого прежняго фарватера, въ ту пору не было никакихъ. Такимъ образомъ, суда русскаго флота были избавлены отъ большой опасности напоротья на эти вражескія мины. Въ этомъ случаѣ, адмиралъ Командующій проявилъ незаурядное военное чутье и безошибочное предвидѣніе, предугадавъ дѣйствіе непріятеля, увѣренно считая, что противникъ не преминетъ воспользоваться случаемъ, создать обструкцію на обычныхъ путяхъ слѣдованія русскаго Черноморскаго флота.

Черноморскій флотъ къ началу военныхъ дѣйствій не имѣлъ плана войны, поэтому задачи флота не были точно и четко опредѣлены. Въ ходѣ военныхъ дѣйствій флотъ получалъ директивы военно-морского Управленія Ставки Верховнаго Главнокомандующаго.

Командующій Черноморскимъ флотомъ адмиралъ Эбергардъ послѣ прибытія въ Константинополь крейсеровъ «Гебенъ» и «Бреслау» полагалъ, что съ объявленіемъ войны

германо-турецкій флотъ предприметь нападеніе на Севастополь съ цѣлью уничтоженія русскаго флота въ его базѣ. Исходя изъ этого предположенія, адмираль считалъ, что главной задачей флота съ началомъ войны явится бой съ противникомъ на заранѣ подготовленной позиціи Севастополя. Во время боя Командующій флотомъ адмираль Эбергардъ намѣчалъ поставить при посредствѣ эскадренныхъ миноносцевъ, минное загражденіе у подходовъ къ Босфору съ цѣлью затрудненія отхода противника послѣ боя. Вслѣдствіе такого взгляда на ближайшія задачи русскаго флота, Командующій стремился держать всѣ силы въ Севастополѣ. Въ дальнѣйшемъ, въ случаѣ сохраненія инициативы за русскимъ Черноморскимъ флотомъ, Командующій предполагалъ осуществить минированіе подходовъ къ Босфору и походъ всего флота къ проливу съ цѣлью завязать бой съ флотомъ противника при его выходѣ въ Черное море. На основѣ этихъ предположеній развернулись первые боевые дѣйствія русскаго Черноморскаго флота.

16-го октября 1914 года, послѣ обстрѣла Севастополя германскимъ линейнымъ крейсеромъ «Гебенъ», Командующій флотомъ адмираль Эбергардъ установилъ наблюдение за противникомъ съ самолетовъ. Это былъ въ ту пору первый примѣръ среди флотовъ всего міра использованія воздушной развѣдки въ цѣляхъ наведенія своего флота на противника. Во второй половинѣ дня 16-го октября, Черноморскій флотъ съ Командующимъ флотомъ вышелъ въ море, но встрѣчи съ противникомъ не произошло, потому что германо-турецкіе морскія силы, произведя набѣгъ, успѣшно возвратились въ Босфоръ. Черноморскій флотъ послѣ 3-хсуточного крейсерства въ центральной части Чернаго моря возвратился въ Севастополь. Тѣмъ временемъ, пока русскій флотъ находился въ центральной части Чернаго моря, 7 русскихъ минныхъ заградителей поставили на подступахъ къ своимъ портамъ у Севастополя, Одессы, въ Каркинитскомъ заливѣ, у Балаклавы, въ Керченскомъ проливѣ, у Поти и Батума, въ общей сложности около 3 000 минъ загражденія на оборонительныхъ у этихъ портовъ позиціяхъ.

Русская Ставка Верховнаго Главнокомандующаго послѣ набѣга германо-турецкаго флота на Черноморскіе порты, считала возможной попытку противника высадить десантъ на по-

бережье. Наибольше вѣроятнымъ райономъ высадки десанта противника она считала сѣверо-западное побережье. Поэтому, 22-го октября 1914 года Ставка специальной директивой поставила Черноморскому флоту главную задачу: не допустить высадки десанта противника, особенно въ районѣ Одессы. Эта задача не вытекала изъ анализа создавшейся здѣсь обстановки. Германо-турецкое командованіе не располагало для высадки стратегическаго десанта необходимыми силами и средствами. Высадка же тактическаго и даже оперативнаго десанта въ глубокомъ тылу русскихъ была совершенно безцѣльна. Германо-турецкое командованіе и не предполагало никакого десанта. Такимъ образомъ, главная задача Черноморскому флоту Ставкой была поставлена совершенно невѣрно и неправильно. Неосвѣдомленность русскаго Морского Генеральнаго Штаба о намѣреніяхъ противника объясняется главнымъ образомъ плохо поставленной, въ ту пору начала войны, развѣдкой.

Командующій Черноморскимъ флотомъ адмиралъ Эбергардъ былъ не согласенъ съ поставленной флоту задачей и даже пытался дѣйствовать вопреки указаніямъ Морского Генеральнаго Штаба и Ставки.

22-го октября Командующій флотомъ въ составѣ 5 линейныхъ кораблей, 3-хъ крейсеровъ и частью миноносцевъ вышелъ въ море съ флотомъ и пошелъ къ Босфору. Цѣлью похода было поставить минное загражденіе у входа въ Босфоръ, начавъ этимъ его блокаду, произвести обстрѣлъ Зугулдака и, въ случаѣ появленія противника, дать ему бой. Командующій флотомъ адмиралъ Эбергардъ стремился захватить инициативу въ свои руки, что гораздо болѣе соответствовало требованіямъ обстановки, чѣмъ распоряженіе Ставки. Первая и вторая задачи похода были рѣшены. Хотя встрѣчи съ боевыми кораблями противника не произошло, но русскій флотъ послѣ бомбардировки Зугулдака, удаляясь отъ берега, въ туманѣ натолкнулся на шедшіе соединенно 4 крупныхъ германо-турецкихъ парохода-транспорта, груженныхъ многочисленнымъ снабженіемъ для турецкой, анатолійской арміи. Всѣ четыре транспорта были уничтожены артиллерійскимъ огнемъ русскихъ кораблей. При возвращеніи въ Севастополь русскій флотъ выдержалъ рѣдкой силы, свирѣпый НО-ый штормъ. Сила вѣтра доходила до 12-ти балловъ по

шкалъ Бофорта. Русскіе корабли оказались не въ состояніи держаться въ строю и были разсѣяны штормомъ, соединившись лишь при подходѣ къ Севастополю.

Дѣйствія Командующаго флотомъ адмирала Эбергарда, имѣвшія цѣлью блокаду Босфора, одобренія Ставки не получили. Ставка Верховнаго Главнокомандующаго, отказавшись отъ блокады Босфора, подчеркнула, что главная задача флота противодесантная оборона остается безъ измѣненій. Кромѣ того, Ставка указала на необходимость нарушенія морскихъ сообщеній противника и поддержки фланга кавказскихъ войскъ.

Слѣдовательно, въ ходѣ боевыхъ дѣйствій передъ Черноморскимъ флотомъ Ставкой были поставлены на кампанію 1914 года три задачи:

- Противодѣйствіе высадкѣ десанта противника на сѣверо-западное побережье Чернаго моря;
- нарушеніе морскихъ сообщеній противника вдоль анатолійскаго побережья;
- поддержка фланга кавказской арміи.

Для обороны сѣверо-западнаго района Чернаго моря еще до начала военныхъ дѣйствій былъ созданъ спеціальнй отрядъ. Силъ этого отряда для предотвращенія высадки десанта противника было бы недостаточно. Но вслѣдствіе того, что германо-турецкое командованіе не пыталось производить высадку десанта въ сѣверо-западномъ районѣ, то командованіе Черноморскимъ флотомъ дополнительныхъ силъ, для обороны этого участка въ ходѣ кампаніи 1914 года, не выдѣляло. Для поддержки фланга кавказской арміи формировался Батумскій отрядъ судовъ. Однако, вслѣдствіе того, что военныя дѣйствія на кавказскомъ фронтѣ въ 1914 году происходили большей частью въ отдаленіи отъ берега, боевыя дѣйствія по поддержкѣ фланга арміи были весьма ограниченными. Наибольшее значеніе въ кампаніи 1914 года имѣли дѣйствія на морскихъ сообщеніяхъ противника.

Основныя турецкія морскія сообщенія на Черномъ морѣ тянулись вдоль анатолійскаго побережья между Босфоромъ и Трапезундомъ и были длиною около 600 миль. При условіи отсутствія у Турціи желѣзныхъ дорогъ, кои связывали

бы Константинополь съ черноморскими портами на анатолійскомъ побережѣ, морскія сообщенія имѣли исключительно большое значеніе въ военное время. Перевозки моремъ являлись по существу единственнымъ способомъ пополненія и снабженія турецкихъ войскъ на кавказскомъ фронтѣ и вывоза гераклійскаго каменнаго угля изъ единственнаго въ странѣ Зунгулдакско-Гераклійскаго угольнаго бассейна. Наиболѣе интенсивными турецкія перевозки были на участкѣ пути между Зунгулдакомъ и Босфоромъ, на коемъ происходило движеніе транспортовъ съ войсковыми грузами и углемъ. На участкѣ между Зунгулдакомъ и Трапезундомъ проходили главнымъ образомъ транспорты съ войсковыми грузами. Поэтому на этомъ участкѣ движеніе было менѣе интенсивнымъ. Основнымъ портомъ по вывозу угля являлся Зунгулдакъ, а по снабженію турецкой арміи — Трапезундъ. Большое протяженіе турецкихъ прибрежныхъ морскихъ сообщений, ограниченное число удобныхъ якорныхъ стоянокъ въ пути, приглубый и открытый характеръ береговъ затрудняли оборону и охрану ихъ во время войны. Наиболѣе уязвимымъ участкомъ являлся Босфоръ- Зунгулдакъ.

Дѣйствія Черноморскаго флота подъ командованіемъ адмирала Эбергардъ, по нарушенію морскихъ сообщений противника были затруднены большимъ удаленіемъ базъ Черноморскаго флота отъ морскихъ сообщений противника, отсутствіемъ необходимаго количества судовъ, приспособленныхъ для боевыхъ дѣйствій на путяхъ сообщенія противника, а также наличіемъ въ составѣ турецкаго флота германскаго линейнаго крейсера «Гебенъ», изъ-за коего русскій флотъ для дѣйствій на морскихъ путяхъ сообщенія противника каждый разъ вынужденъ былъ выходить почти всѣмъ своимъ составомъ.

Во время дѣйствій по нарушенію морскихъ сообщений Турціи, Черноморскій флотъ примѣнялъ четыре способа : уничтоженіе судовъ противника на переходѣ моремъ, обстрѣлы портовъ корабельной артиллеріей, минныя постановки и загражденіе входныхъ фарватеровъ турецкихъ портовъ. Сначала корабли производили артиллерійскій обстрѣлъ портовъ противника и ставили минныя загражденія, а затѣмъ осуществляли поискъ и уничтоженіе транспортовъ въ морѣ. Артиллерійскому обстрѣлу подвергались основные порты противника — Зунгулдакъ и Трапезундъ. Обстрѣлъ портовъ и

судовъ, находившихся въ нихъ, производили устарѣвшій линейный корабль «Ростиславъ», крейсера и миноносцы, а остальные линейные корабли въ это время держались мористѣе, прикрывая стрѣлявшія суда на случай появленія германо-турецкихъ крейсеровъ. Крейсерство и обстрѣлъ портовъ обычно продолжалось отъ трехъ до шести сутокъ, послѣ чего флотъ возвращался въ Севастополь для пополненія запасовъ.

Съ начала военныхъ дѣйствій на Черномъ морѣ и до конца кампаніи, т. е. вторую половину октября, ноябрь и декабрь 1914-го года русскій Черноморскій флотъ совершилъ семь походовъ къ побережью Турціи съ цѣлью нарушенія морскихъ сообщеній противника, сдѣлавъ въ морѣ 5638 миль: изъ нихъ два похода въ районъ Босфоръ-Зунгулдакъ и пять походовъ въ районъ Синопъ-Трапезундъ. Такое значительное число походовъ въ юго-восточную часть моря объясняется крайне нервными въ большинствѣ случаевъ необоснованными требованіями командованія кавказской арміи, предъявляемыми флоту черезъ Ставку. Периодическіе походы русскаго флота для дѣйствій на морскихъ сообщеніяхъ не могли привести къ полному прекращенію перевозокъ противника. Во время нахождения русскаго флота въ Севастополѣ, турецкіе транспорты безпрепятственно ходили между Босфоромъ и Трапезундомъ. Но вслѣдствіе того, что турецкія морскія сообщенія зъ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ кампаніи 1914 года периодически находились подъ контролемъ русскихъ кораблей, то перевозки противника, несомнѣнно, были весьма затруднены.

Имѣя задачу непрерывно воздѣйствовать на морскія сообщенія противника, Черноморскій флотъ поставилъ минныя загражденія у Босфора и у турецкихъ портовъ, расположенныхъ на анатолійскомъ побережьи. Минныя постановки у Босфора преслѣдовали слѣдующія цѣли:

- затруднить доставку угля въ Константинополь;
- нарушить снабженіе турецкой арміи на кавказскомъ фронтѣ;
- создать угрозу боевымъ кораблямъ германо-турецкаго флота при ихъ входѣ въ Черное море.

Такимъ образомъ, этими минными постановками создавалось серьезное препятствіе морскимъ сообщеніямъ Турціи

и въ извѣстной степени прикрывались русскія суда и миноносцы, дѣйствовавшія у анатолійскаго побережья, потому что уменьшалась возможность противодѣйствія германо-турецкихъ кораблей, находившихся въ Константинополѣ.

Въ кампанію 1914 года русскій Черноморскій флотъ произвелъ 6 минныхъ постановокъ у турецкаго побережья: — двѣ — у Босфора и 4 у турецкихъ портовъ анатолійскаго побережья.

Первая постановка миннаго загражденія на наступательной позиціи у Босфора была произведена 23-го октября. Мины ставили четыре эскадренныхъ миноносца типа «Гнѣвный». Всего было поставлено 240 минъ. Одновременно съ постановкой Черноморскій флотъ обстрѣлялъ Зунгулдакъ. Слѣдующія четыре минныхъ постановки были произведены 4-го ноября у турецкихъ портовъ Трапезундъ, Платана, Уніе и Самсунъ. Два русскихъ минныхъ заградителя поставили 400 минъ. Минная постановка покрывалась флотомъ, развернутымъ между Самсуномъ и Трапезундомъ. Послѣ минной постановки линейный корабль «Ростиславъ» и крейсера обстрѣляли Трапезундъ.

Шестая, крупная по своимъ масштабамъ, минная постановка была произведена въ ночь на 9-ое декабря. Отрядъ минныхъ заградителей въ составѣ 4-хъ судовъ подъ командованіемъ контръ-адмирала Львова, поставилъ у Босфора 750 минъ на вѣроятныхъ путяхъ слѣдованія германо-турецкихъ, входящихъ и выходящихъ изъ пролива, судовъ. За эти 6 минныхъ постановокъ русскій Черноморскій флотъ поставилъ у побережья противника 1400 минъ. Русскія минныя загражденія затрудняли не только перевозки, но и выходъ боевыхъ германо-турецкихъ судовъ въ Черное море, потому что въ составѣ германо-турецкаго флота не было необходимаго количества тральщиковъ.

Подъ вліяніемъ минной угрозы, а также угрозы нападенія русскихъ кораблей, германо-турецкое командованіе сократило движеніе на анатолійскомъ прибрежномъ коммуникаціонномъ морскомъ пути крупныхъ транспортовъ и перешло къ широкому использованию парусно-моторныхъ шхунъ фелюгъ, кои плавали у самаго берега, переходя отъ одного порта къ другому. Нѣкоторые крупные транспорты стали посы-

лать подъ охраной военныхъ судовъ. Особенно сложной оказалась борьба противъ перевозокъ угля. Небольшое протяженіе морского сообщенія по пути Босфоръ-Зунгулдакъ позволяло германо-турецкимъ судамъ проходить этотъ участокъ въ теченіе ночи. Для прекращенія угольныхъ перевозокъ русское командованіе рѣшило закупорить входъ въ портъ Зунгулдакъ, затопивъ 11-го декабря на входномъ фарватерѣ пароходы груженные камнемъ. Однако, предпринятая попытка закупорки фарватера успѣха не имѣла, потому что была наспѣхъ плохо подготовлена.

Дѣйствія Черноморскаго флота подъ командованіемъ адмирала Эбергарда создавали угрозу морскимъ сообщеніямъ противника, вынуждая его использовать боевые корабли, какъ непосредственно для обезпеченія морскихъ перевозокъ, такъ и для отвлеченія русскихъ морскихъ силъ. Вслѣдствіе этого русскій флотъ получалъ возможность встрѣчи съ кораблями противника въ морѣ и уничтоженія ихъ, къ чему адмиралъ Эбергардъ и стремился.

Во время дѣйствій на морскихъ сообщеніяхъ противника русскій Черноморскій флотъ имѣлъ нѣсколько боевыхъ соприкосновеній съ германскими крейсерами «Гебенъ» и «Бреслау» и турецкими военными судами. Германскіе крейсера благодаря своему превосходству въ скорости хода уклонились отъ боя съ русскимъ флотомъ.

Наконецъ, 5-го ноября 1914 года произошла долгожданная встрѣча съ главными противниками. Получивъ свѣдѣнія, что русскій флотъ 4-го ноября обстрѣлялъ Трапезундъ, крейсера «Гебенъ» и «Бреслау» направились къ Севастополю, чтобы, какъ повѣствуетъ официальное германское описаніе, «отрѣзать путь отступленія».

На слѣдующій день около полудня русскій флотъ находился по счисленію примѣрно въ 20-ти миляхъ на югъ отъ маяка Сарычъ, самой южной точки крымскаго полуострова. По принятому въ то время походному, дневному ордеру, флотъ слѣдуя курсомъ 292 гр. (Нордъ-вестъ 68 гр.) держа ходъ въ 12 узловъ, шелъ въ одной кильватерной колоннѣ. Флагманскій корабль «Евстафій» подъ флагомъ Командующаго адмирала Эбергарда; за нимъ линейные корабли «Іоаннъ Златоустъ», «Пантелеймонъ», «Три Святителя» и «Ростиславъ».

Нависшія дождевыя облака, мгла и часто проносившіяся полосы густого тумана, совершенно скрывали горизонтъ. Поэтому завѣса дозорныхъ крейсеровъ: «Алмазь», «Кагуль» и «Память Меркурія», держались впереди всего лишь въ разстояніи одной мили, вмѣсто обычныхъ въ ясную погоду, установленныхъ 10-ти миль. Въ кильватерѣ за концевымъ кораблемъ «Ростиславъ» по-дивизионно шли 4 дивизиона миноносцевъ.

Въ 12 час. 10 мин. пополудни дозорный крейсеръ «Алмазь», державшійся прямо впереди по курсу флагманскаго корабля, увидѣлъ въ туманѣ на 7 гр. слѣва по носу два неясныхъ, крупныхъ силуэта, оказавшихся германскими крейсерами «Гебенъ» и «Бреслау». Распознавъ непріятеля, «Алмазь» тотчасъ же прожекторомъ сдѣлалъ сигналъ «Глаголь» на флагманскій корабль. Это означало «вижу противника въ носовомъ секторѣ». «Алмазь» положилъ «право на бортъ», далъ полный ходъ, чтобы удалиться отъ столь непріятнаго сосѣдства и занять свое мѣсто по боевому ордеру въ кильватерѣ кораблю «Ростиславъ». Во время поворота «Алмаза», разстояніе до противника, взятое при помощи 9-ти футоваго дальномѣра Барра и Струда, было 32 каб. или 6400 метровъ.

Принявъ сигналъ «Алмаза», флагманскій корабль увеличивая ходъ до полного, т. е. 16-ти узловъ, повернулъ влѣво на 8 румбовъ и привелъ на боевой курсъ примѣрно зюйдъ. Корабли, слѣдовавшіе за флагманомъ, повернули послѣдовательно за «Евстафіемъ», выстраиваясь въ кильватерную колонну въ боевой порядокъ на лѣвое крыло дозора. Крейсера дозора заняли свои мѣста по боевой диспозиціи — «Кагуль» впереди «Евстафія, а «Алмазь» и за нимъ «Память Меркурія» въ кильватерѣ концевому кораблю линіи русскаго флота «Ростиславу». Весь маневръ перестроенія былъ осуществленъ примѣрно въ 7 минутъ времени. Миноносцы 4-го и 5-го дивизионовъ заняли позицію впереди лѣваго траверза флагманскаго корабля «Евстафій». Миноносцы 1-го и 3-го дивизионовъ держались въ кильватерѣ концевога крейсера «Память Меркурія». Таково было сомкнутое построеніе русскаго Черноморскаго флота во время этого боя.

Линейный крейсеръ «Гебенъ», обнаруживъ «Евстафія» и шедшіе за нимъ корабли русскаго флота, прекратилъ поворотъ въ сторону «Алмаза», рѣзко положилъ руля «право», сталъ

увеличивать ходъ до своихъ полныхъ 28-ми узловъ и пошелъ полнымъ ходомъ вдоль колонны выстраивавшихся кораблей русскаго флота параллельнымъ курсомъ, повернувъ всѣ башни своихъ 11-ти дюймовыхъ орудій на лѣвый бортъ.

Тѣмъ временемъ въ боевой рубкѣ флагманскаго линейнаго корабля «Евстафій», Командующій флотомъ адмиралъ Эбергардъ ждалъ, когда идущій въ кильватеръ 2-мъ мателотомъ линейный корабль «Іоаннъ Златоустъ» дастъ установку прицѣла для открытія огня. По принятой организаціи, этотъ 2-ой корабль линіи долженъ былъ вести пристрѣлку и управлять централизованнымъ огнемъ флота, давая свою установку прицѣла остальнымъ кораблямъ по радіо и особой визуальной сигнализаціей. — Но «Іоаннъ Златоустъ» молчалъ. — «Вѣроятно плохо видитъ цѣль... мѣшаютъ полосы тумана»... — совершенно вѣрно опредѣлилъ адмиралъ Командующій.

«По дальномѣру 40 кабельтовыхъ» — раздалась въ это время передача артиллерійскому офицеру лейтенанту Невинскому, стоявшему тутъ же рядомъ въ боевой рубкѣ. «Больше ждать нельзя... это не ученье... открывайте немедленно огонь...», — рѣзко и рѣшительно приказалъ адмиралъ Командующій.

Было точно 12 часовъ 18 минутъ, когда грянулъ первый залпъ носовой башни линейнаго корабля «Евстафій». — На борту, позади команднаго мостика, чуть впереди первой дымовой трубы и между двумя дымовыми трубами крейсера «Гебень» вспыхнули два огромныхъ, свѣтложелтыхъ, огненныхъ пятна. Первый же залпъ двухъ 12-ти дюймовыхъ орудій носовой башни флагманскаго корабля, коей командовалъ лейтенантъ Гатенбергерь, далъ два мѣткихъ попаданія. Попаданіе въ цѣль было достигнуто противъ всѣхъ правилъ артиллерійской стрѣльбы, какъ извѣстно требовавшихъ трехъ залповъ для отысканія показаній прицѣла искомой дистанціи стрѣльбы. Но, конечно, дѣло было не въ соблюденіи правилъ, а въ пораженіи противника. По этому залпу остальные корабли русскаго флота тотчасъ же открыли мѣткій огонь. Черезъ минуту, а именно въ 12 час. 19 мин. крейсеръ «Гебень» началъ отвѣчать 4-мя орудіями двухъ башенъ. Первый залпъ противника, стрѣлявшаго по флагманскому кораблю «Евстафій», легъ кучно въ разстояніи около 15-20 сажень перелетомъ.

Второй залп противника легъ недолетомъ по правому борту «Евстафія» и третій далъ два попаданія въ бортъ флагманскаго корабля. Четвертый залпъ далъ еще два попаданія. Въ дальнѣйшемъ вся стрѣльба «Гебена» прошла на недолетахъ, за исключеніемъ двухъ снарядовъ, упавшихъ въ кильватерную струю линейнаго корабля «Ростиславъ» въ интервалъ между этимъ кораблемъ и слѣдовавшимъ за нимъ «Алмазомъ».

Вслѣдствіе прослоекъ тумана остальные корабли русскаго флота почти не видѣли «Гебена». На «Іоаннѣ Златоустѣ», еле различая цѣль, начала пристрѣлку лишь носовая башня. «Пантелеймонъ» совсѣмъ не стрѣлялъ, не видя цѣли. На «Трехъ Святителейъ» младшій артиллерійскій офицеръ, лейтенантъ Милашевичъ въ бинокль по дѣленіямъ сѣтки окуляровъ по высотѣ дымовыхъ трубъ и рангута «Гебена» быстро разсчиталъ дистанцію и давъ установку прицѣла 7-ми орудіями 6-ти дюймовой батареи, коей командовалъ, открылъ мѣткій дѣйствительный огонь по противнику. «Ростиславъ» стрѣлялъ по удалявшемуся полнымъ ходомъ крейсеру «Бреслау».

Такимъ образомъ дѣйствительный огонь по противнику вели только корабли «Евстафій» и «Три Святителя». Кораблями всего было выпущено 30 — 12-ти дюймовыхъ снарядовъ и 162 шестидюймовыхъ. Въ «Гебенъ» попало 3 — 12-ти дюймовыхъ и 11 шестидюймовыхъ. Противникъ же успѣлъ выпустить всего 19 — 11-ти дюймовыхъ снарядовъ. Его шестидюймовая батарея почему-то молчала, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Бой длился всего 14 минутъ, ибо крейсеръ «Гебенъ», круто положивъ руля, сталъ въ 12 час. 32 мин. ворочать вправо и рѣзко пошелъ на удаленіе, тотчасъ же скрывшись въ набѣжавшей полосѣ густого тумана. — Такъ окончился этотъ краткій, славный бой.

За это кратковременное боевое столкновеніе, все же противники успѣли нанести другъ другу значительныя поврежденія и потери въ личномъ составѣ. На флагманскомъ кораблѣ «Евстафій» пали смертью храбрыхъ 5 офицеровъ: — лейтенантъ Мязговскій, мичмана Гнилосыровъ, Григоренко, Семеновъ, Эйлеръ и 29 человѣкъ команды. 24 человѣка команды получили тяжкія раненія. На «Гебенѣ», по провѣренными агентурнымъ свѣдѣніямъ было убито 12 офицеровъ и 103

человѣка команды, ранено 7 офицеровъ и 52 человѣка команды. Русскими снарядами на немъ былъ произведенъ пожаръ, пробита броня и нанесены серьезныя поврежденія, для исправленія коихъ потребовалось двѣ недѣли работы днемъ и ночью. Поэтому не удивительно, что уже черезъ 14 минутъ боя, «Гебенъ», пользуясь своимъ огромнымъ преимуществомъ въ скорости хода, поспѣшилъ скрыться въ туманѣ и бѣжалъ въ Босфоръ.

Такимъ образомъ хвастливое обѣщаніе, данное германскимъ адмираломъ Сушонъ турецкому военному министру Энверъ-пашѣ, «раздавить» русскій Черноморскій флотъ, обернулось на дѣлѣ явнымъ поражениемъ и поспѣшнымъ бѣгствомъ. Тевтонскому высокомѣрному презрѣнію къ русскому устарѣвшему флоту, былъ данъ хорошій урокъ. — Это была первая проба силъ. Командующій флотомъ адмиралъ Эбергардъ проявилъ себя въ этомъ бою смѣлымъ, рѣшительнымъ, искуснымъ и удачливымъ флотоводцемъ.

Иностранные военно-морскіе круги до сего времени въ подробностяхъ не освѣдомлены объ этомъ, можно смѣло сказать, блестящемъ и безпримѣрномъ боѣ русскаго стараго корабля съ германскимъ современнымъ линейнымъ крейсеромъ-дредноутомъ. Нѣмцы замалчиваютъ о немъ. Въ ихъ офиціальномъ описаніи этого боя глухо сказано: «русскіе стрѣляли хорошо». Однако, послѣ этой встрѣчи, больно почувствовавъ русское превосходство, «Гебенъ» не только не осмѣливался больше предпринимать какія-либо боевыя дѣйствія противъ линейныхъ кораблей Черноморскаго флота, но каждый разъ избѣгалъ встрѣчи съ ними. Вѣра въ себя у нѣмцевъ была поколеблена, ихъ боевая мораль пошатнулась. У русскаго личнаго состава флота она окрѣпла и превратилась въ увѣренность своего превосходства надъ противникомъ. Въ этомъ случаѣ, можно смѣло сказать, — духъ побѣдилъ броню и пушки.

Совѣтскіе морскіе писатели, имѣя въ своемъ распоряженіи всѣ архивы, въ своихъ описаніяхъ намѣренно и систематически стремятся очернить славное прошлое, искажая истину и подтасовывая факты, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда успѣхъ русскаго Императорскаго флота несомнѣненъ. Будемъ надѣяться, что имъ не удастся скрыть правду, и она вос-

торжествуетъ. Нынѣ, въ 47-ую годовщину этого славнаго боя, молитвенно преклонимъ головы передъ памятью доблестнаго адмирала Эбергарда и всѣхъ погибшихъ въ этомъ бою офицеровъ и матросовъ, жизнь свою положившихъ за наше Отечество и во славу Андреевскаго флага. Въ бою 5-го ноября 1914 года Черноморскій флотъ вписалъ въ исторію дѣйствій русскаго флота въ первую міровую войну одну изъ самыхъ яркихъ страницъ, гордиться коей русскіе люди имѣютъ полное право. За этотъ славный бой Командующій флотомъ адмиралъ Эбергардъ былъ награжденъ высокимъ боевымъ отличіемъ, орденомъ Бѣлаго орла съ мечами.

За два съ половиною мѣсяца эпизодическихъ дѣйствій на морскихъ сообщеніяхъ Турціи, русскій Черноморскій флотъ нанесъ противнику существенный уронъ въ боевыхъ корабляхъ и въ транспортныхъ средствахъ. Въ серединѣ ноября 1914 года при выходѣ изъ Босфора взорвался на русской минѣ загражденія и погибъ со всѣмъ своимъ личнымъ составомъ германо-турецкій минный заградитель «Нулиферъ». Мина принадлежала къ линіи загражденія поставленнаго 4-мя русскими эскадренными миноносцами типа «Гнѣвный» 23-го октября 1914 года. 13-го декабря 1914 года въ 13 час. 30 мин. на виду вышедшихъ изъ пролива Босфоръ къ нему навстрѣчу съ тралами миноносцевъ, линейный крейсеръ «Гебенъ» взорвался на двухъ русскихъ минахъ загражденія, поставленнаго въ ночь на 9-ое декабря 1914 года отрядомъ 4-хъ русскихъ минныхъ заградителей подъ командованіемъ контръ-адмирала Львова. Съ трудомъ справившись съ огромными пробоинами, изъ коихъ пробоина праваго борта равнялась 50-ти квадратнымъ метрамъ, а пробоина лѣваго борта 60-ти квадратнымъ метрамъ, имѣя значительный кренъ на лѣвый бортъ, крейсеръ «Гебенъ» едва дотащился до бухты Стенія въ Босфоръ и вышелъ изъ строя болѣе чѣмъ на три мѣсяца до 21-го марта 1915 года. Крейсеръ принялъ около 2 000 тоннъ воды и сохранилъ пловучесть лишь благодаря тому, что остались неповрежденными и выдержали давленіе воды противоминныя, продольныя переборки, а также вслѣдствіе особенностей своей конструкціи, о чемъ было сказано ранѣе. Кромѣ того, для этого крейсера оказалось чрезвычайно удачнымъ то обстоятельство, что двѣ мины, на коихъ онъ взорвался, образовали пробоины на противоположныхъ его обоихъ

бортахъ, вслѣдствіе чего проникавшая внутрь вода въ количествѣ около 2 000 тоннъ не позволила созданія гибельнаго крена; только его углубленіе штевной увеличилось на одинъ метръ, и это независимо отъ его системы непотопляемости.

Эти взрывы минъ подъ днищемъ крейсера «Гебень» явились своего рода боевымъ привѣтствіемъ, посланнымъ противнику ко входу въ Босфоръ, Командующимъ русскимъ Черноморскимъ флотомъ адмираломъ Эбергардомъ.

20-го декабря 1914 года германо-турецкій минный крейсеръ «Берки-Сответъ» при выходѣ изъ Босфора въ 19 часовъ взорвался на минѣ, поставленной 23-го октября 1914 года 4-мя эскадренными миноносцами типа «Гнѣвный». Крейсеръ не погибъ, — его удалось отбуксировать до Босфора. Но онъ былъ выведенъ изъ строя на все время военныхъ дѣйствій въ Черномъ морѣ. Отъ артиллерійскаго огня русскихъ кораблей и на минахъ, поставленныхъ русскими, германо-турки потеряли 11 транспортовъ и 120 парусно-моторныхъ шхунъ.

Операциі русскаго Черноморскаго флота могли бы быть еще болѣе дѣйствительными, однако, вслѣдствіе слабо поставленной агентурной развѣдки, имѣли мѣсто бесполезные выходы и походы флота. Въ ходѣ войны этотъ недостатокъ былъ устраненъ и была создана прекрасная тайная развѣдка, во главѣ коей стоялъ капитанъ 2-го ранга Нищенковъ.

Обстановка на Черноморскомъ театрѣ войны въ началѣ кампаніи 1915 года сложилась для нашего Отечества благоприятно. Успѣшное завершеніе войсками доблестной кавказской арміи въ январѣ 1915 года Сарыкамышской операциі, привело къ значительному ослабленію турецкой арміи и надолго лишило ее возможности вести крупныя наступательныя дѣйствія. Съ другой стороны удачными дѣйствіями Черноморскаго флота, главному противнику, германскому линейному крейсеру «Гебень» были нанесены существенныя поврежденія, и онъ оказался выведеннымъ изъ строя на три мѣсяца. При чемъ слѣдуетъ отмѣтить, что этотъ успѣхъ былъ достигнутъ постановками минныхъ загражденій у Босфора, т. е. дѣйствіями не получившими одобренія Ставки Верховнаго Главнокомандующаго, отказавшейся отъ блокады Босфора. Такимъ образомъ этотъ успѣхъ принадлежитъ всецѣ-

ло личному почину Командующаго флотомъ адмиралу Эбергарду.

Въ ходѣ кампаніи 1915 года силы русскаго Черноморскаго флота существенно возросли въ связи съ вступленіемъ въ строй двухъ новыхъ линейныхъ кораблей-дредноутовъ, «Императрицы Маріи» и «Императрицы Екатерины Великой», 5-ти новыхъ эскадренныхъ миноносцевъ съ турбинными двигателями и 6-ти крупныхъ мореходныхъ подводныхъ лодокъ.

Исходя изъ анализа обстановки, Ставка Верховнаго Главнокомандующаго поставила Черноморскому флоту на кампанію 1915 года слѣдующія задачи:

— нарушать морскія сообщенія противника вдоль анатолійскаго побережья;

— не допустить высадки крупныхъ силъ противника на територію Россіи.

Въ связи съ операціей франко-британскихъ войскъ по овладѣнію Дарданеллами, Ставка поставила Черноморскому флоту третью задачу, а именно: демонстративныя дѣйствія противъ Босфора съ дальнѣйшей перспективой занять Босфоръ, въ случаѣ успѣха союзниковъ подъ Дарданеллами.

Нарушеніе морскихъ сообщеній противника въ теченіе всей кампаніи 1915 года являлось главной задачей Черноморскаго флота. Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ января и февраля кампаніи 1915 года Черноморскій флотъ дѣйствовалъ на морскихъ сообщеніяхъ противника, придерживаясь тѣхъ же способовъ, что и въ кампанію 1914 года. Черноморскій флотъ продолжалъ свои походы въ море, выходя для дѣйствій на морскихъ сообщеніяхъ противника въ полномъ составѣ. Райономъ его дѣйствій были прибрежныя морскія сообщенія противника вдоль центральной и восточной частей анатолійскаго побережья отъ мыса Керемпе до Трапезунда. На самомъ восточномъ участкѣ этихъ путей дѣйствовали суда Батумскаго отряда, въ началѣ февраля усиленнаго четырьмя миноносцами типа «Строгий», а также еще и миноносцами «Жаркій» и «Живой».

Въ соотвѣтствіи съ директивами Ставки, Черноморскій флотъ повысилъ интенсивность дѣйствій, сокративъ свое пребываніе въ базѣ до одного двухъ дней. Такъ, въ январѣ и фев-

ралѣ 1915 года флотъ совершилъ семь походовъ, пробывъ въ морѣ 38 сутокъ и покрывъ 7838 миль плаванія. Этотъ способъ использованія личного состава и кораблей и ихъ механизмовъ приводилъ къ крайнему напряженію силъ, но не достигалъ непрерывности воздѣйствія на морскія сообщенія противника.

За время январь-февраль 1915 года дѣйствій на морскихъ сообщеніяхъ противника, Черноморскій флотъ имѣлъ три встрѣчи съ германо-турецкими силами, окончившіяся безрезультатно. Германо-турецкіе крейсера во всѣхъ трехъ случаяхъ, какъ и въ кампанію 1914 года, уклонялись отъ рѣшительнаго боя съ русскими и, пользуясь своимъ преимуществомъ въ скорости хода, уходили въ свою базу.

Умѣстно привести мнѣніе офіціального германскаго морского историка контръ-адмирала Лорей о русскомъ Черноморскомъ флотѣ того періода времени войны на этомъ морскомъ театрѣ. На страницѣ 58-ой своего капитальнаго труда, озаглавленнаго «Война въ морѣ. Война въ турецкихъ водахъ», этотъ авторъ пишетъ: «Командующимъ русскимъ Черноморскимъ флотомъ былъ адмиралъ Эбергардъ. Боевое обученіе флота было хорошее. Русскіе стрѣляли на очень большихъ дистанціяхъ. Они чрезвычайно много плавали, всегда соединенно, поэтому «Гебену» никогда не удавалось использовать свое преимущество въ скорости хода и превосходство въ артиллеріи для успѣшнаго дѣйствія противъ части ихъ силъ...».

Это мнѣніе, конечно, совершенно справедливо. Командующій флотомъ адмиралъ Эбергардъ чрезвычайно искусно, всегда и неизмѣнно держалъ силы подчиненнаго ему флота, образно выражаясь, «въ кулакѣ»; осуществляя очень умѣло на практикѣ изрѣченіе — «въ единеніи — сила».

Въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ «Морскомъ Журналѣ» № 103 іюль 1936 года, нашъ морской офицеръ старшій лейтенантъ Робертъ фонъ Виренъ пишетъ: «...Послѣ ревлюціи, за рубежомъ, мнѣ пришлось на нейтральной почвѣ встрѣтиться съ германскимъ морскимъ офицеромъ, состоявшимъ во время первой міровой войны въ Штабѣ германскаго адмирала Сушонъ. Вспоминая прошлое, этотъ капитанъ 2-го ранга мнѣ сказалъ: «Многіе изъ насъ считаютъ лучшимъ командующимъ изъ числа всѣхъ русскихъ адмираловъ во время великой войны — адмирала Эбергарда.

Говоря откровенно, по всѣмъ даннымъ мы должны были въ началѣ войны господствовать и полностью владѣть Чернымъ моремъ, и какія возможности изъ этого вытекали... А на дѣлѣ вышло иное; — такіе люди, какъ вашъ адмиралъ, величины исключительныя...».

Послѣ 5-тисуточного похода Черноморскаго флота, длившагося съ 23-го по 28-ое января 1915 года, по возвращеніи въ Севастополь на судахъ былъ полученъ слѣдующій приказъ Командующаго адмирала Эбергарда за № 75 отъ 28-го января 1915 года, помѣченный «въ морѣ».

«По истеченіи трехъ мѣсяцевъ войны съ Турціей, я съ глубокимъ удовлетвореніемъ долженъ отмѣтить огромную и тяжелую, хотя мало замѣтную и мало понятную со стороны работу, которую выполнилъ Черноморскій флотъ за этотъ періодъ. Устарѣвшими, тихоходными судами, онъ несъ блокадную службу въ суровое, зимнее время, преимущественно у непріятельскихъ береговъ. Въ бою съ вошедшими въ Босфоръ, наканунѣ войны, современными, быстроходными крейсерами, являющимися послѣднимъ словомъ кораблестроительнаго искусства, онъ очистилъ себѣ возможность такой блокады. Доблестью своего личного состава, онъ сдѣлалъ врагу небезопасными подходы и стоянки въ собственныхъ его портахъ. Условія морской войны не даютъ обнаружиться безстрашію, хладнокровію, выдержкѣ и тому неуклонному исполненію каждымъ своего долга, благодаря коимъ флотъ несетъ успѣшно свою боевую службу, обеспечивающую не только безопасность южныхъ границъ Россіи отъ высадки на нихъ непріятельскаго десанта, но и преграждающую подвозъ подкрѣпленій и снабженія турецкой анатолійской арміи. Разсчитывая въ началѣ войны на морскіе пути, какъ для своей анатолійской арміи, такъ и для высадки десанта на наши берега, Турція теперь принуждена удерживать крупныя силы у Константинополя для защиты его отъ нашего удара и подвозить подкрѣпленія къ Эрзеруму долгимъ и труднымъ сухопутнымъ путемъ. Одновременно съ этимъ, полнымъ напряженіемъ силъ моего Штаба разработана и вылилась въ отчетливыя формы организація боевой службы флота, а также связи съ флотомъ крѣпостей, частей войскъ и другихъ учрежденій, подчиненныхъ Командующему флотомъ только съ началомъ войны. Значеніе выполненной Черноморскимъ флотомъ работы многимъ теперь неясное, будетъ, я увѣренъ, оцѣнено безпристра-

стной исторіей. Горячо благодаря моихъ ближайшихъ помощниковъ — флагмановъ и чиновъ моего Штаба, а также всѣхъ командировъ, офицеровъ и молодецкія команды судовъ, я долженъ выдѣлить особо труды инженеръ-механиковъ и машинныхъ командъ: при постоянныхъ походахъ со стоянками въ порту только для пріема запасовъ, всѣ исправленія и переборки механизмовъ успѣшно производятся ими въ морѣ, во время походовъ. Способностью нести столь напряженную службу и поддерживать въ полной боевой готовности матеріальную часть своихъ судовъ, ограниченный въ своемъ составѣ, флотъ обязанъ въ значительной степени знаніямъ, опыту и упорному труду инженеръ-механиковъ и машинныхъ командъ. Приказъ этотъ прочесть при собраніи офицеровъ и командъ. Адмиралъ Эбергардъ».

На другой же день 29-го января 1915 года произошелъ нижеслѣдующій характерный эпизодъ. Въ этотъ день въ Севастополѣ ожидался Высочайшій пріѣздъ Государя Императора. — 28-го января вечеромъ, находившійся уже въ Севастополѣ, Морской Министръ Генералъ-Адъютантъ адмиралъ Григоровичъ, пригласилъ адмирала-Командующаго къ себѣ въ Великокняжескій дворецъ. Морской Министръ сообщилъ, что въ сферахъ и въ Ставкѣ недовольны дѣятельностью Начальника Штаба Черноморскаго флота и флагъ-капитана по оперативной части, и дружески совѣтовалъ адмиралу Эбергарду согласиться на ихъ замѣну, указывая, при этомъ, даже имъ замѣстителей. Адмиралъ Эбергардъ наотрѣзъ отказался исполнить подобный совѣтъ, подчеркнувъ, что если существуетъ недовольство дѣятельностью флота, то замѣнѣ подлежатъ только онъ одинъ — Адмиралъ-Командующій, какъ единственное отвѣтственное за руководство флотомъ лицо. При этомъ адмиралъ прибавилъ, что въ этомъ же духѣ онъ будетъ завтра докладывать и Государю.

Морской Министръ совѣтовалъ обдумать это рѣшеніе и не докладывать его Государю. Разговоръ окончился ничѣмъ. — Флагъ-капитану по оперативной части капитану 2-го ранга Кетлинскому, состоявшему ранѣе въ должности флагманскаго артиллерійскаго офицера флота съ 1906 по 1909 годъ, Черноморскій флотъ былъ многими обязанъ по доведенію имъ до большой степени совершенства организаціи артиллерійской службы и стрѣльбъ флота.

Въ новой должности, флагъ-капитана, если во время войны у капитана 1-го ранга Казимира Филипповича Кетлинскаго и обнаружился недостатокъ рѣшительности, налагавшій извѣстный отпечатокъ на нѣкоторые оперативные планы имъ составляемые, то этотъ недостатокъ вытекалъ изъ директивъ Ставки въ первый періодъ войны, предписавшей: «Не рисковать ядромъ нашего флота, тремя кораблями типа «Евстафій», до вступленія въ строй двухъ крупныхъ кораблей типа «Императрица Марія», дабы не утратить достигнутого нами владѣнія Чернымъ моремъ...».

Весьма возможно, что адмиралъ Эбергардъ и самъ замѣнилъ бы своего флагъ-капитана, но сдѣлалъ бы это только по своей личной инициативѣ, вполне правильно считая, что за флотъ и его дѣятельность отвѣчаетъ только онъ одинъ — адмиралъ-Командующій, не являющійся, какъ адмиралъ это часто высказывалъ, только выѣской флота, — хорошей при одномъ составѣ своего Штаба, и неудовлетворительной — при другомъ.

На слѣдующій день — 29-го января 1915 года, послѣ Высочайшаго посѣщенія судовъ Черноморскаго флота, Государь Императоръ прибылъ на линейный корабль «Георгій Побѣдоносецъ», гдѣ въ присутствіи флагъ-капитана Е. И. В. генераль-адъютанта Нилова и, испросившаго у Государя разрѣшенія присутствовать на докладѣ Морского Министра, адмиралъ Эбергардъ сдѣлалъ всеподданнѣйшій докладъ о боевой дѣятельности флота за истекшіе три съ половиною мѣсяца войны. Государь Императоръ, внимательно выслушавъ докладъ и ни разу не возразивъ, остался вполне доволенъ, спросивъ лишь, что адмиралъ-командующій предполагаетъ дѣлать въ будущемъ. Адмиралъ доложилъ, и докладъ былъ оконченъ. Государь, какъ Онъ часто это дѣлалъ, спросилъ адмирала-Командующаго, есть ли у него еще какіе-нибудь вопросы. Адмиралъ Эбергардъ отвѣтилъ, что у него есть просьба частнаго характера, и на разрѣшеніе Государя говорить, со свойственной ему прямою, лишенной царедворческаго лицепріятія, въ присутствіи оставшагося въ адмиральскомъ салонѣ Морского Министра доложилъ слѣдующее: «Я имѣю свѣдѣнія, что въ Ставкѣ недовольны дѣятельностью моего Начальника Штаба и флагъ-капитана и мнѣ предлагаютъ ихъ смѣнить. Но за боевую дѣятельность флота, Вашимъ Величествомъ мнѣ ввѣреннаго, отвѣчаю я одинъ; и если это недовольство дѣй-

ствительно существуетъ, я всеподданѣйше прошу Ваше Величество замѣнить меня, и ради блага Россіи и пользы флоту, буду это считать Высочайшей мнѣ милостью». — Государь былъ удивленъ и спросилъ адмирала откуда у него эти свѣдѣнія. Адмиралъ Эбергардъ отвѣтилъ: «Мнѣ сообщилъ это генераль-адъютантъ Григоровичъ». — Государь, обернувшись къ адмиралу Григоровичу, спросилъ Морского Министра, откуда онъ это знаетъ, и прибавилъ: «Я только что самъ былъ въ Ставкѣ, и Великій Князь мнѣ ничего по этому поводу не говорилъ». Адмиралъ Григоровичъ отвѣтилъ, что объ этомъ много говорятъ въ Петроградѣ. На это Государь возразилъ: «Иванъ Константиновичъ, нельзя же всякому слуху вѣрить. — И обращаясь къ адмиралу Эбергарду, прибавилъ — Я вполне вамъ довѣряю и доволенъ вами и дѣятельностью Черноморскаго флота, о чемъ можете объявить въ приказѣ».

Этотъ эпизодъ свидѣлствуетъ о томъ, что какая-то часть безотвѣстныхъ, такъ называемыхъ, общественныхъ круговъ въ Петроградѣ съ ея явной неосвѣдомленностью о возможности выполненія тѣхъ или иныхъ операций флота, и ея непониманіемъ задачъ, ставившихся къ исполненію флоту, выражала свое неудовольствіе его дѣятельностью.

Однако Государь Императоръ совершенно вѣрно указалъ Морскому Министру, какое значеніе слѣдуетъ придавать подобнымъ слухамъ и выразилъ свое справедливое Монаршее благоволеніе адмиралу Командующему.

Адмиралъ Эбергардъ въ упорной борьбѣ съ противникомъ своими устарѣвшими кораблями провелъ кампанію критическаго 1914 и начала 1915 года на этомъ морскомъ театрѣ исключительно успѣшно. Этой успѣшной борьбой было достигнуто господство русскаго Черноморскаго флота въ этомъ морѣ и владѣніе имъ, признанное и противникомъ.

Составилъ и читалъ капитанъ 2-го ранга

Н. С. Чириковъ.

Парижъ. 9-го мая 1961 г.

60 ЛѢТЪ ВЪ КОМПАСНОМЪ ДѢЛѢ

Проживъ счастливо съ Божіей помощью много лѣтъ и пройдя благополучно черезъ много передѣлокъ, я все же не собираюсь писать общихъ воспоминаній ни о счастливомъ дѣтствѣ и юности, ни объ увлекательной службѣ на флотѣ. Да и въ эмиграціи жизнь дала мнѣ много интереснаго и въ смыслѣ коммерческой работы, и въ связи съ созданіемъ дружественныхъ отношеній въ самыхъ разнообразныхъ странахъ. Многіе мои сверстники пережили то же, и навѣрно кто-нибудь съ литературнымъ талантомъ лучше меня повѣдаетъ о жизни моряковъ нашего поколѣнія. Но есть одинъ специальный вопросъ, съ которымъ я былъ связанъ всю свою жизнь и во флотѣ, и по сей день «на волѣ», именно компасное дѣло. Врядъ ли кто-нибудь изъ моихъ сверстниковъ стоялъ такъ близко и такъ долго къ девиации какъ я, и потому я попробую вспомнить что могу по этому дѣлу.

На общемъ фонѣ всей теперешней техники и космического шума вопросъ этотъ совсѣмъ маленькій, но глупъ будетъ тотъ мореплаватель, кто совсѣмъ откажется отъ простого магнитнаго компаса. Все сложное можетъ сломаться, а магнитный компасъ не можетъ сломаться, такъ какъ его прототипъ на-

магнитная (какъ то, чемъ то) стальная игла. И она «вывезетъ», когда все остальное можетъ быть разбито. Можетъ быть кто-нибудь изъ молодого поколѣнія заинтересуется этимъ простымъ чудомъ и не дастъ сложнымъ приборамъ исключить магнитный компасъ изъ общаго обязательнаго снаряженія всякаго корабля.

Какъ ни странно, я познакомился съ девиацией очень рано, въ 4-мъ классѣ реального училища. Мы жили въ Ригѣ, и мы съ моей старшей сестрой любили бѣгать на набережную Двины и осматривать пароходы. Большею частью это были довольно затрепанные англійскіе купцы, грузившіе лѣсъ, кожу или жмыхи. Но вотъ появился вдругъ большой пароходъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли по пути изъ Одессы въ Петербургъ, и мы, конечно, отправились осматривать его. Добрались мы и до мостика и видимъ, что кто-то дѣлаетъ что-то съ компасомъ. Мы стали внимательно слѣдить за непонятной намъ работой, и это удивило штурмана. Онъ сталъ намъ съ увлеченіемъ рассказывать про свойство магнитнаго компаса, про девиацию, про то, какъ важно, чтобы подъемныя стрѣлы лежали на своихъ мѣстахъ и проч. и добавилъ, что онъ готовится къ капитанскому экзамену. Этотъ маленькій случай я, конечно, скоро забылъ и вдругъ теперь — больше чѣмъ черезъ 60 лѣтъ всплыла передо мной эта картинка на Двинѣ и этотъ первый урокъ компаснаго дѣла.

Въ корпусѣ теорію девиации преподавалъ въ нашемъ классѣ Михаилъ Васильевичъ Никитинъ. Онъ говорилъ замѣчательно покойно, низкимъ красивымъ басомъ и излагалъ эту науку, которая для большинства была жупеломъ. Но М. В. мы любили за ровный характеръ, за ясность изложенія и за справедливость. Его кличка была «приборъ Э-э-ри». М. В. пользовался корпусными записками по девиации, составленными нашимъ преподавателемъ по астрономіи Анатолиемъ Михайловичемъ Кудиновичемъ. Этотъ «Куди Муди» былъ замѣчательный и всѣми любимый преподаватель, и мы съ удовольствіемъ вспоминаемъ его уроки и его записки. Обычно онъ появлялся въ классѣ съ опозданіемъ, встрепанный и отъ него всегда несло плохой сигарой. Собственно онъ не входилъ въ классъ, а влеталъ и сразу начиналъ что-то чертить. Про него пѣли, что это дѣлалось подъ вліяніемъ двухъ силъ:

«сила первая — стремление все скорѣе рассказать, а вторая — есть сомнѣнье, смогутъ ли его понять». Девіація давалась мнѣ легко и все компасное дѣло казалось очень интереснымъ. Мы съ благоговѣніемъ ходили иногда въ подвальный этажъ, гдѣ помещался девіаціонный классъ слушателей Академіи и смотрѣли на платформы и на подлодку. Но и у насъ были девіаціонныя платформы и мы, при желаніи, могли многому научиться, хотя сдавали только теорію девіаціи и практическаго экзамена при мнѣ не было. Такъ какъ мы кончили корпусъ безъ экзаменовъ, то трудно сказать, кто что зналъ, но для большинства изъ насъ лямда была понятіемъ довольно туманнымъ.

Выйдя изъ корпуса прямо въ Артуръ, я былъ назначенъ третьимъ штурманомъ на «Цесаревичъ». Старшимъ штурманомъ былъ академикъ М. В. Драгишевичъ-Никшичъ, а младшимъ штурманомъ Александръ Николаевичъ Сполатбогъ. У обоихъ было чему поучиться, но не было ни плаванія, ни компасной практики, т. к. мы стояли въ ремонтѣ. Въ бою 28/7 Драгишевичъ-Никшичъ былъ убитъ, его замѣнилъ Сполатбогъ и довелъ насъ благополучно до Цингтау. По пути произошелъ маленькій анекдотъ не компасный, но педагогическій. Когда было рѣшено, что мы идемъ на югъ, вѣроятно, въ Цингтау, то Сполатбогъ послалъ меня достать соотвѣтственные карты. Это было срочно. Я понесся въ каюту, гдѣ у насъ лежали всѣ 11 секцій картъ и сталъ яростно все перебирать, чтобы найти какой-то Цингтау. Наконецъ появился Сполатбогъ, обругалъ меня, досталъ перечень картъ, о которомъ я не имѣлъ никакого понятія, и сразу же досталъ нужныя карты. Оказалось, что этому-то насъ Вагнеръ и недоучилъ. А. Н. Сполатбогъ скоро уѣхалъ изъ Цингтау въ Россію, и я оказался старшимъ штурманомъ на кораблѣ 1 ранга, но у стѣнки. Компасы были убраны, но хронометры заводились и астрономическія наблюденія для вывода поправокъ производились аккуратно. Послѣ заключенія Портсмутскаго мира къ намъ былъ назначенъ старшимъ штурманомъ Сергей Матвѣевичъ Поливановъ, а я сдѣлался опять младшимъ штурманомъ, но уже на ожившемъ кораблѣ. Походъ домой со штурманской точки зрѣнія не представлялъ ничего интереснаго, но плаваніе это было замѣчательно пріятно, съ заходами во многіе порта съ долгими стоянками и съ полной независимостью отъ далекаго начальства. Въ концѣ концовъ мы пришли въ неу-

ютную сѣрую Либаву. Никто намъ не обрадовался и всѣ мы разѣхались по разнымъ мѣстамъ. Я лично послѣ перваго же приѣзда въ Петербургъ подалъ рапортъ съ просьбой о командированіи меня на спеціальный курсъ компаснаго дѣла при главномъ Гидрографическомъ Управленіи и былъ откомандированъ туда.

Въ Зданіи Главнаго Адмиралтейства, въ нижнемъ этажѣ со стороны Зимняго дворца помѣщались компасныя мастерскія, а при нихъ двѣ комнаты, гдѣ царствовали Николай Николаевичъ Оглоблинскій и отчасти В. Я. Павлиновъ. Н. Н. былъ конечно «магнитный богъ», создавшій вмѣстѣ съ гр. Ридигеромъ самый полный классическій трудъ по девіаціи. Н. Н. держалъ въ своихъ рукахъ все компасное дѣло, т. е. снабженіе судовъ компасами, ихъ ремонтъ, уничтоженіе девіаціи и проч., но полагаю, что новые типы компасовъ (спиртовые или съ прозрачнымъ днищемъ) были выработаны при помощи В. Я. Павлинова. Н. Н. къ сожалѣнію не зналъ электричества и побаивался всякаго проводника около компаса. В. Я. наоборотъ былъ широко образованъ по вопросамъ физики и электричества и пытался вводить новые приборы, которые строилъ и испытывалъ въ компасномъ отдѣленіи къ ужасу Оглоблинскаго. В. Я. былъ настолько живой человѣкъ, что успѣвалъ даже «подрабатывать» уничтоженіемъ девіаціи на коммерческихъ судахъ, уходящихъ изъ Петербурга. Выходя морскимъ каналомъ, онъ производилъ уничтоженіе на одномъ курсѣ по девіаціи и по силѣ (большинству это было совсѣмъ непонятно и это требовало большого навыка въ употребленіи дефлектора на компасахъ разнаго типа). Въ результатѣ В. Я. приходилъ на большой Кронштадтскій рейдъ уже съ оконченной работой по уничтоженію девіаціи и тутъ описывалъ восьмиугольникъ для опредѣленія остаточной девіаціи. За эту работу давали обыкновенно четвертную (25 рублей), но никто за-границей не могъ такъ быстро выполнить всю работу, и капитаны были счастливы, когда могли заполучить Павлинова. Третьимъ лицомъ въ компасной части былъ только что списавшійся со флота капитанъ 2 ранга Константинъ Николаевичъ Оглоблинскій, братъ Н. Н. подъ прозвищемъ Костенька. Это былъ прекрасный штурманъ со «Штандарта», но совсѣмъ незамѣтный въ научномъ отношеніи человѣкъ. Онъ занимался главнымъ образомъ текущими провѣрками компасовъ и другими неинтересными работами.

При компасной части были еще два или три мастера, которые посылались каждую весну въ объѣздъ всѣхъ судовъ для исправленія мелкихъ поврежденій компасовъ, замѣны котелковъ и проч. Надо еще прибавить, что, кромѣ компасной части, при Гл. Гидрогр. Управленіи были инструментальныя камеры въ Кронштадтѣ, Либавѣ, Севастополѣ, но это были исключительно небольшія учрежденія техническаго характера, подчиненныя Оглоблинскому и не имѣвшія ни малѣйшаго научнаго значенія. Само помѣщеніе компасной части было темное, неудобное и сырое, и приходилось часто топить огромныя старинныя печи. Покуда передъ окнами проходила конка съ Невского на Дворцовый мостъ, все было хорошо, но когда провели электрической трамвай, то магнитное поле въ компасной части испортилось. Компасы стали «шалить», и всю компасную часть пришлось перевести на Охту, гдѣ эта мастерская потомъ развилась въ заводъ точныхъ мореходныхъ инструментовъ. «Посторонніе» т. е. отдѣльные офицеры флота, попадали на курсъ въ компасную часть какъ-то случайно, и никакихъ правилъ или положеній не существовало. Одновременно со мною были прикомандированы еще два слушателя: лейт. Сакеллари изъ юнчеровъ съ Университетскимъ образованіемъ и поручикъ по Адмиралтейству (фамиліи не помню). Никакихъ курсовъ собственно не было, а мы производили по указаніямъ Н. Н. разныя работы на одной изъ трехъ девиационныхъ платформъ. Кромѣ различныхъ способовъ уничтоженія полукруговой девиации, Оглоблинскій напиралъ на болѣе трудные вопросы, на четвертую девиацию, на высшіе коэффиціенты (въ судовой практикѣ собственно не нужны), и на индукцію стрѣлокъ — очень важный вопросъ. Въ это же время В. Я. улучшилъ дефлекторъ де-Колонга, введя верньеръ для легкаго и точнаго передвиженія измѣрительнаго магнита и зеркальца для отсчета силъ, т. к. соответственная шкала была выгравирована на боковой стѣнкѣ дефлектора. Это послѣднее измѣреніе не оправдало себя, и зеркальце было опять снято. Примѣрно въ это же время или годомъ позже, надо было сдѣлать какой-то политическій жестъ итальянцамъ, и Государь приказалъ подарить имъ нашъ новѣйшій пятидюймовый компасъ съ нижнимъ освѣщеніемъ, съ дефлекторомъ и т. п. Но никто за-границей не оцѣнилъ этихъ чудныхъ инструментовъ. Сейчасъ, когда я пишу это, т. е. больше чѣмъ черезъ 50 лѣтъ послѣ появ-

ленія за-границей Де-Колонгскаго дефлектора, все же никто не интересуется имъ. Передо мной письмо старшаго инженера компасной фирмы съ міровымъ именемъ. Я писалъ ему о желательности улучшения стараго Томсонскаго дефлектора на основаніи принципа Де-Колонга, а онъ мнѣ отвѣчаетъ, что дефлекторъ Де-Колонга ему совсѣмъ не знакомъ.

Пробывъ около 6 недѣль въ компасной части намъ сказали: «ну, теперь будетъ съ Васъ» и насъ откомандировали въ «первобытное состояніе». Для меня это означало отправку въ какой-то Либавскій экипажъ, но только номинально (я никогда въ жизни не служилъ ни въ одномъ экипажѣ), т. к. я сразу былъ зачисленъ въ штурманскіе офицеры втораго разряда и назначенъ на крейсеръ 2 ранга «Казанецъ». Командиромъ былъ капитанъ 2 ранга Балкашинъ (б. старшій офицеръ «Океана»). Типъ до-цусимскаго капитана, который съ удовольствіемъ разыгрывалъ роль командира судна 2 ранга и изводилъ своего старшаго офицера Коку Вурма (прекраснаго повара) и насъ, молодыхъ офицеровъ. Въ первую очередь меня стали вызывать на другіе корабли на уничтоженіе девіаціи, т. к. обычно судовые офицеры не справлялись съ этимъ дѣломъ. Изъ драматическихъ гастролей вспоминаю «Украину». Мы возвращались въ Либавскій портъ и надо было пройти подъ разведеннымъ мостомъ черезъ каналъ. Я стоялъ недалеко отъ главнаго компаса и слѣдилъ за управленіемъ (это очень поучительно, и я это дѣлаю по сей день, когда попадаю на какой-нибудь корабль) и вотъ «Украина» подходитъ къ не совсѣмъ разведенному мосту и вмѣсто того, чтобы срочно застопорить или даже дать задній ходъ, она продолжаетъ продвигаться въ едва замѣтную щель между концами разводныхъ частей моста надъ нашими головами. Въ этотъ моментъ слышится страшный трескъ и сломанная стеньга летитъ внизъ, къ счастью между мною и главнымъ компасомъ на мостикѣ. Въ этотъ довольно трагическій моментъ вдругъ слышенъ голосъ командира по адресу мостового сторожа: «Такъ вы всѣ корабли переломаете!» Эту фразу долго помнили либавцы того времени. Имя командира неважно: оно и такъ было бы предано забвенію, какъ и цѣлый рядъ именъ другихъ командировъ до-цусимскаго періода, кончавшихъ свою карьеру на этихъ корабляхъ «такъ сказать втораго ранга».

Проплававши двѣ кампаніи штурманомъ на первой дивизіи, я поступилъ въ Академію. Вмѣстѣ со мной поступилъ нашъ фельдфебель Б. П. Хлюстинъ. Послѣднее лѣто передъ Академіей я плавалъ штурманомъ на «Ригѣ» у Д. В. Ненюкова и готовился тамъ въ верхней рубкѣ, какъ на дачѣ. Хлюстинъ плавалъ на «нѣмкѣ» и обстановка на миноносцѣ вообще не способствовала теоретическимъ занятіямъ. Какъ-то встрѣчаю я на Либавскомъ вокзалѣ С. З. Балка (онъ меня зналъ немного по Артуру) и говоритъ онъ мнѣ: «Вотъ и пріятель вашъ у меня зубритъ. Дѣло хорошее, занимайтесь, не смотрите на мою сѣрость. Я цѣню науку и всячески помогу вамъ, а что я самъ не доучился, это другое дѣло». Вотъ почти подлинныя слова этого легендарнаго богатыря, любимаго своими подчиненными, какъ атамана своей шайки, честность и смѣлость котораго не забудутся тѣми, кто встрѣчали его на своемъ пути.

За два года въ Академіи у меня мало компасныхъ воспоминаній. На фонѣ такихъ блестящихъ преподавателей, какъ напримѣръ докторъ астрономіи генераль Н. Я. Цингеръ или изящный физикъ, кн. Б. Б. Голицынъ («Бобо») или всегда корректный математикъ Савичъ, лекціи Н. Н. Оглоблинскаго были безцвѣтны и скучны. И въ дальнѣйшей моей службѣ эта академическая программа компаснаго дѣла дала мнѣ очень мало. Кто изъ насъ полюбилъ магнитныя силы, тотъ почувствовалъ это на дѣлѣ во флотѣ, а не въ Академіи. Но одно воспоминаніе все же осталось у меня — это выпускной экзаменъ. Я вывелъ какую-то (ненужную какъ я теперь бы сказалъ) формулу не такъ, какъ ее выводилъ Н. Н. Оглоблинскій. Онъ не понялъ сразу моего вывода и «вкатилъ» мнѣ 2. Четверокъ въ Академіи не ставили и это была моя единственная 2. Вообще нашъ первый царскій выпускъ (онъ же японскій) не сплеховалъ: изъ четырехъ человѣкъ, поступившихъ въ Академію, трое попали на мраморную доску. — Первымъ и въ Корпусѣ, и въ Академіи былъ Б. П. Хлюстинъ. Злые языки иногда говорили, что мы съ нимъ рѣзались изъ за первенства. Но это невѣрно, и на практическихъ занятіяхъ мы работали съ нимъ въ парѣ, и многіе теоретическіе вопросы, разбирали съ нимъ вмѣстѣ, сличая наши лекціонныя записки. Мы занимались то въ меблированныхъ комнатахъ у Хлюстина на Николаевской набережной, то у насъ на квартирѣ въ Андреевскомъ переулкѣ. Лучшаго товарища по работѣ мнѣ

было бы не найти и я всегда признавалъ его первенство. Онъ былъ способнѣе меня и ему было легче учиться, такъ какъ онъ былъ холостой, а у меня были уже дѣти. Четвертымъ кончилъ Академію и попалъ на доску Адамъ Фридриховичъ фонъ-Гернетъ или какъ всѣ мы его звали Адамъ Адамычъ. Это былъ благороднѣйшій человѣкъ, чудный товарищъ и работникъ и настоящій «магнитчикъ». Послѣ революціи онъ остался въ Ревелѣ и сталъ работать въ Эстонскомъ Гидрографическомъ Управленіи. Когда я попадалъ на какой-нибудь яхтѣ въ Ревель, то я всегда останавливался у него, и онъ рассказывалъ про свои работы и наблюденія. Въ это время выяснилась желательность обследовать магнитныя силы на пространствѣ самага Балтійскаго моря, такъ какъ до этого времени ограничивались только береговыми наблюденіями. А. Гернетъ разыскалъ въ Килѣ дубовый баркасъ на мѣдныхъ заклепкахъ и купилъ его. Этотъ баркасъ былъ построенъ для германской императорской яхты «Гогенцоллернъ», но почему-то не былъ принятъ и остался въ порту. А. Г. привелъ баркасъ въ Ревель, перестроилъ и вооружилъ его, причемъ всѣ металлическія части были мѣдныя или бронзовыя, затѣмъ онъ досталъ нужные инструменты, частью изъ Потсдамской магнитной обсерваторіи и началъ, какъ частный предприниматель, производить измѣренія магнитныхъ силъ въ Балтійскомъ морѣ. Въ числѣ инструментовъ былъ нашъ новый 8-дюймовый спиртовой компасъ съ магнитными стрѣлками въ два ряда (по высотѣ). Этотъ чудный инструментъ былъ установленъ только на нѣкоторыхъ изъ нашихъ новыхъ кораблей, но Потсдамская обсерваторія знала про этотъ компасъ, считала его лучшимъ изъ существующихъ инструментовъ и просила А. Г. разыскать такой компасъ и пользоваться имъ при работахъ. А. Г. написалъ мнѣ въ надеждѣ, что тутъ что-нибудь можетъ найтись въ бывшей инструментальной камерѣ. Камера оказалась пустой, но зато я нашелъ въ складѣ лома желѣза совершенно исправный 8-дюймовый компасъ и купилъ его за гроши для А. Г. Явно, что это былъ компасъ, свезенный съ одного изъ большихъ кораблей и затѣмъ пропитый на берегу. Если не ошибаюсь, компасъ этотъ попалъ потомъ въ Потсдамъ. Яхта Гернета называлась «Сицилія» и была приписана къ Ревельскому яхтъ-клубу. Прибрежныя государства приглашали А. Г. на одну или двѣ лѣтнихъ кампаній, давали указанія, какіе районы должны быть

изслѣдованы и А. Г. уходилъ въ свое научное плаваніе. Обычно у него плавалъ помощникъ, студентъ физико-математическаго факультета и иногда матросъ. Но весь внутренній уютъ на яхтѣ создавался прелестной старшей дочерью Гернета, которая была и приборщицей, и кухаркой, и вмѣстѣ съ тѣмъ могла нести вахту до выхода на работу въ открытое море. Каждый годъ «Сицилія» приходила въ Гельсингфорсъ для сличенія своихъ инструментовъ съ нормальными инструментами финляндской магнитной обсерваторіи. Затѣмъ яхта уходила въ свой районъ, и какъ только погода позволяла, она ложилась въ дрейфъ и производила свои измѣренія. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ такой лѣтней работы яхта была разоружена, и я помогъ Гернету продать ее финляндскимъ морскимъ скаутамъ. Послѣ занятія Эстоніи совѣтчиками, А. Г. переехалъ въ Гамбургъ, былъ немедленно приглашенъ въ Зееварте и работалъ тамъ до своей смерти. Онъ былъ изъ юнкеровъ и много старше всѣхъ насъ, его товарищей по Академіи. Это былъ рѣдкостный человѣкъ.

Послѣ Академіи я гдѣ-то числился до назначенія ранней весной 11-го года флагманскимъ штурманомъ 2-ой Минной дивизіи въ Гельсингфорсѣ. Въ это время я жилъ главнымъ образомъ въ Петербургѣ и началъ составлять руководство по уничтоженію девіаціи. Уже довольно давно мнѣ стало ясно, что съ компаснымъ дѣломъ на флотѣ что-то неладно, и что это стыдъ, что офицеры въ большинствѣ случаевъ не могли сами уничтожать девіаціи, т. е. не справлялись съ главнымъ изъ мореходныхъ инструментовъ и были въ зависимости отъ какихъ-то береговыхъ девіаторовъ. Все это дѣло было въ рукахъ компасной части Г. Г., и она ревниво охраняла свою монополію, хотя таковая никакихъ реальныхъ выгодъ ей не давала. Мнѣ было ясно, что надо раскрыть «тайны Мадридскаго двора» (комп. части) и дать возможность каждому строевому офицеру слѣдить за своими компасами. Значитъ надо было написать не учебникъ, а руководство по уничтоженію девіаціи и написать такъ, чтобы всякій (у нѣмцевъ есть обычное установленное выраженіе: «написать: какъ для болвана») могъ бы, строго слѣдуя инструкціи, получить совершенно надежный результатъ. Въ Академіи мнѣ было не до этого, а окончивъ ее, я былъ довольно свободенъ и принялся большимъ ходомъ за это дѣло. Я рѣшилъ не говорить ни одного слова о теоріи. Дать чисто рецептурное руковод-

ство, чтобы каждый офицеръ, ни во что не вдумываясь, могъ бы рядомъ точно опредѣленныхъ дѣйствій получить требуемый результатъ. Какъ въ поваренной книжкѣ, но не допускающая никогда понятія «по вкусу», а всюду давая какія-то (иногда совсѣмъ условные) числовыя указанія. Это было возможно сдѣлать, потому что всѣ наши компасы были однотипы и былъ одинъ образецъ дефлектора — Де-Колонговскій. Къ этому времени за-границей было уже 3-4 разныхъ дефлектора, но всѣ они были хуже нашего. Когда я засѣлъ за работу, то выяснилось, что я толкомъ ничего не знаю, кромѣ уничтоженія по четыремъ силамъ, а что разныхъ способовъ и частныхъ случаевъ, которые могутъ быть полѣзны, очень много. Мнѣ приходилось разбираться по книжкамъ, и не такъ, чтобы только отвѣтить у доски, а чтобы сдѣлать самому и безъ ошибки. Когда работа была готова, я напечаталъ ее, какъ частное изданіе, но выпустить безъ провѣрки я, къ счастью, не рѣшился, а пошелъ на поклонъ къ Сергѣю Ивановичу Фролову. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ, какъ опытный штурманъ и академикъ, былъ привѣтливымъ человекомъ и начальникомъ классовъ черныхъ гардемаринъ. Сергѣй Ивановичъ очень охотно взялся прочесть мою работу, но, когда я пришелъ за ней, то она оказалась до того исчерканной, что объ ее распространеніи безъ исправленій, не могло быть и рѣчи. Но я не сдалъ, такъ какъ любилъ это дѣло, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ выпустилъ «второе изданіе», на которое по существу не сдѣлали ни одного замѣчанія, но разразилась гроза другого характера.

Я послалъ первые экземпляры Г. Г. У., въ Штабъ флота и, вѣроятно, прямо въ компасную часть. Во всякомъ случаѣ, когда мое руководство попало въ руки Н. Н. Оглоблинскаго, онъ возмутился безъ мѣры (Раскрытіе тайны Мадридскаго двора!) и официально обвинилъ меня чуть не въ раскрытіи военныхъ тайнъ. Дѣло было вотъ въ чемъ: къ тексту о девиации придратъся было невозможно, но я приложилъ къ книжечкѣ схематическіе планы портовъ съ указаніемъ створовъ и пеленговъ, по которымъ можно было опредѣлить девиацию. Это было, конечно, необходимо, такъ какъ сказать: «а затѣмъ опредѣлите девиацию по створамъ береговыхъ предметовъ» было бы нелѣпо (при принятой системѣ) и надо было точно показать гдѣ и какіе створы были удобны. Много данныхъ можно было получить съ обычныхъ картъ, а плана Крон-

штадтскаго рейда не было. Поэтому я самъ начертилъ схематическій видъ Кронштадта съ моря съ указаніемъ разныхъ направлений на трубу пароходнаго завода. Этого нигдѣ еще не было дано, но всякій грамотный штурманъ могъ бы, подходя къ Кронштадту, составить такую схему. Къ этому-то чертежу и придрался Н. Н. Оглоблинскій, доказывая высшему начальству, что это военная тайна, что книгу надо изъять, а меня судить. Когда запросъ обо мнѣ и моей работѣ дошелъ до адмирала Н. О. Эссена, то его флагманскій штурманъ, мой бывшій соплаватель по «Цесаревичу» и большой пріятель Б. А. Вилькицкій, понялъ сразу въ чемъ дѣло. Меня вызвали по телеграфу въ Либаву, разобрались въ тайнахъ книжки и благословили, но Н. Н. Оглоблинскій не могъ мнѣ простить этой обиды, потерявъ свой ореолъ единственнаго девиатора. Въ ту же осень Г. Г. У. предписало всѣмъ кораблямъ флота имѣть для руководства мою книжечку и купило у меня почти все изданіе. Черезъ годъ мнѣ пришлось выпустить и третье изданіе. Самой пріятной оцѣнкой моей работы былъ слѣдующій случай въ Либавѣ. Я шелъ по стѣнкѣ вдоль кормъ миноносцевъ и вижу кто-то дѣлаетъ береговыя наблюденія, а рядомъ стоитъ А. В. Развозовъ. Поравнявшись съ ними, я услыхалъ голосъ Развозова: «Спасибо Вамъ за книжечку — теперь мы можемъ сами справляться съ компасами». Я всю свою жизнь высоко цѣнилъ и уважалъ А. В., и эта похвала была мнѣ лучшей наградой. Мнѣ говорили, что большевики перспечатали мое руководство — я самъ не видалъ ихъ изданія — но если это такъ, то тѣмъ лучше. Эта работа не была написана для заработка, а во славу штурманскаго дѣла.

Мое дѣло, какъ флагманскаго штурмана 2-ой Минной дивизіи при такомъ спокойномъ и довѣряющимъ своимъ офицерамъ адмиралѣ какимъ былъ Вильямъ Николаевичъ Ферзень, было живое и благодарное. Объ изученіи шхеръ и т. п. я говорить тутъ не буду, а остановлюсь только опять на компасной части. У насъ было три дивизиона всякой мелочи (по теперешнимъ понятіямъ), но всякій корабль, независимо отъ размѣра, имѣлъ два компаса и долженъ былъ быть увѣреннымъ въ нихъ, т. к. мы въ это время уже плавали «по курсамъ» днемъ и ночью, а не «отъ вѣшки до вѣшки». На трехъ четвертяхъ изъ этихъ миноносцевъ судовые офицеры не могли надежно уничтожать девицію, и для этого вызывался или дивизионный штурманъ, или мнѣ приходилось идти на такую

«неприличную» для флагманскаго штурмана работу. Я доказалъ адмиралу, что «надо учить» и для этого создать на берегу классъ практическаго уничтоженія девіаціи и достать откуда-то девіаціонныя платформы. Адмиралъ со всѣмъ согласился и отпустилъ меня въ Петербургъ къ начальнику Г. Г. У. А. И. Вилькицкому. Это былъ высокообразованный гидрографъ и умный администраторъ. Онъ меня зналъ, какъ пріятеля своего сына (Бобочки — впоследствии открывшаго Землю Императора Николая II) и видалъ меня на Академическихъ экзаменахъ. А. И. сполслова понялъ въ чемъ дѣло и спрашиваетъ меня: «Сколько Вамъ надо денегъ на платформы?» Я доложилъ, что мнѣ нужно 600 р. на двѣ платформы. Онъ вызвалъ кого-то и приказалъ отпустить въ мое распоряженіе для 2-ой Минной дивизіи 600 р. на девіаціонныя платформы. На слѣдующій день платформы академическаго типа были заказаны у фирмы Однеръ и тутъ мнѣ много помогъ В. Я. Павлиновъ. Черезъ мѣсяць платформы были въ Гельсингфорсѣ. Командиръ Свеаборгскаго порта Е. К. Небольсинъ (самъ академикъ) тоже отнесся очень сочувственно къ этому вопросу, и намъ была предоставлена комната въ одномъ изъ деревянныхъ зданій порта на Скатудденѣ. Затѣмъ все пошло очень просто. Всѣ мы, штабные, почти не спрашивая адмирала, писали циркуляры: «Штабъ по приказанію начальника дивизіи предлагаетъ . . .» И вотъ наши молодые люди, во дни простоя своихъ миноносцевъ въ Гельсингфорсѣ, являлись на практическія занятія и очень скоро и съ удовольствіемъ охватили это дѣло. Можно было даже создавать соревнованіе, кто скорѣе закончитъ работу, т. е. представить окончательную таблицу съ поправками, не превышающими нѣкоторое число градусовъ. Какъ только у слушателей, вѣрнѣе практикантовъ, создавалась увѣренность въ своей работѣ, они начинали заботиться о своихъ компасахъ и становились автономными. Когда адм. Ферзенъ перешелъ на бригаду крейсеровъ, то онъ взялъ меня съ собой и занятія по компасному дѣлу съ офицерами, къ сожалѣнію, прекратились. Но вотъ что интересно: когда послѣ революціи, тюрьмы и т. п. я оказался безработнымъ въ Гельсингфорсѣ, то я разыскалъ наши девіаціонныя платформы въ какомъ-то портовомъ складѣ и увелъ ихъ въ частное помѣщеніе. Тамъ организовались платныя занятія по навигациі, на которыя приходили штурмана коммерческаго флота. Эти моряки съ огромнымъ ин-

тересомъ учились обращенію съ компасами, но, къ сожалѣнію, это продолжалось недолго, т. к. большинство большихъ судовъ скоро покинуло Гельсингфорсъ. Но на этомъ дѣло не кончилось: нашелся одинъ богатый яхтсменъ, увлекающійся навигаціей, и мы съ нимъ «плавали» по его большой квартирѣ «по суху аки по морю». Былъ составленъ планъ помѣщенія, компасъ былъ поставленъ на деревянную табуретку (корабль) и это судно скользило по полу, но строго по курсамъ. Девіація создавалась магнитомъ на днѣ табуретки, потому уничтожалась, сколько возможно и опредѣлялась по извѣстнымъ пеленгамъ. Мы рѣшали головоломки, какъ у Пети Вагнера въ корпусѣ. Яхтсменъ наслаждался чистой наукой и прикармливалъ меня. (Случай этотъ былъ мною описанъ въ нѣмецкомъ морскомъ сборникѣ съ нѣсколькими чертежами, показывающими, какъ можно въ большомъ залѣ воспроизвести практическое плаваніе кораблей). Однако, исторія настоящихъ платформъ и на этомъ не кончилась. Когда послѣ разныхъ странствованій я опять попалъ въ Гельсингфорсъ въ 20-ыхъ годахъ, я нашелъ случайно одну изъ нашихъ платформъ на чердакѣ какого-то склада на Свеаборгѣ. Какъ увелѣ туда «мою» платформу, совсѣмъ непонятно. вмѣстѣ съ тѣмъ Финляндское Мореходное Училище было очень бѣдно оборудовано, и я сталъ доказывать разнымъ властямъ, что безъ девіаціонныхъ платформъ никого ничему не научишь. Въ концѣ концовъ мнѣ удалось получить отъ Финляндскаго Мореходнаго Управленія заказъ на чѣтыре платформы, но ихъ надо было еще создать. Къ счастью, одинъ знакомый инженеръ согласился снять точные чертежи всѣхъ частей платформы на Свеаборгскомъ чердакѣ, и намъ удалось возсоздать старыя платформы. Къ сожалѣнію, это не дало никакихъ ощутительныхъ результатовъ, и компасная сѣрость царить въ коммерческомъ флотѣ и по сей день. Недавно я зашелъ изъ любопытства въ качествѣ финляндскаго девіатора на американскій пароходъ и попросилъ показать мнѣ ихъ таблицу девіаціи. Старшій офицеръ показалъ мнѣ, не смущаясь, листикъ бумажки, приколотый къ переборкѣ. Это была таблица девіаціи, составленная полтора года тому назадъ и состоявшая изъ 6 столбцовъ. Курсы отъ 0 до 180 черезъ 30°, а затѣмъ девіаціи путевого и главнаго компасовъ. Слѣдующіе три столбца — были повтореніемъ того же для курсовъ 180-360. Сама девіація доходила до 9 1/2°, и штурманъ сов-

семь не понималъ ни нелѣпности формы таблицы, ни того, что можно плавать безъ девіаціи и что достигъ этого очень легко. А вотъ еще случай, подтверждающій мой взглядъ. После установки одного изъ первыхъ радаровъ на финляндскомъ пассажирскомъ пароходѣ, я сталъ упрекать капитана, что у него очень неудобный трапъ на верхній мостикъ, въ результатъ чего берется меньше пеленговъ, чѣмъ было бы надо. Онъ посмотрѣлъ на меня какъ-то таинственно и говоритъ: «Мнѣ это не надо! У меня есть свой ручной компасъ и я имъ пользуюсь на мостикѣ!» Возражать нельзя было. т. к. мой отвѣтъ былъ бы нецензурный. Ручной компасъ прекрасно разработанный инструментъ, въ которомъ 3" спиртовой компасъ съ хорошими діоптрами и призмой укрѣпленъ на вертикальной ручкѣ и позволяетъ легко брать пеленги на деревянныхъ яхтахъ, становясь на качкѣ тамъ, откуда пеленгуемый предметъ лучше видѣнъ. А что получится на желѣзномъ суднѣ съ разной девіаціей въ каждой точкѣ мостика?

Въ связи съ моей педагогической дѣятельностью, хотя и не по компасной части, а по астрономической, вспоминается такой инцидентъ. Бригада линейныхъ кораблей выходила осенью въ заграничное плаванье (Брестъ), и я, какъ обычно при баронѣ Ферзенѣ, выпустилъ циркуляръ: Штабъ по приказанію... предлагаетъ всѣмъ подвахтеннымъ офицерамъ утренней вахты дѣлать опредѣленные астрономическія наблюденія, вычислять результатъ и въ ближайшемъ порту доставлять работы въ штабъ для провѣрки. Но самое важное требованіе было, чтобы давался такъ сказать черновикъ. Это было важно вотъ почему: мнѣ нужно было провѣрить не результатъ работъ офицеровъ, а правильность метода работы; кромѣ того, это давало возможность найти и указать ту или другую ошибку въ самомъ исчисленіи. Въ какомъ-то порту я получилъ отъ кого-то съ «Цесаревича» очень чисто и красиво исписанный листъ съ довольно подходящимъ отвѣтомъ, но это меня нисколько не удовлетворило. Я перечеркнулъ листъ и написалъ — «Переписано». Когда работы были возвращены наблюдателямъ съ моими замѣтками, то Цесаревскій офицеръ оскорбился и не разобравши, что переписано не значитъ списано, пошелъ жаловаться на меня командиру, В. К. Пилкину. Владиміръ Константиновичъ былъ мой старшій товарищъ по «Цесаревичу», и я его очень ува-

жалъ. Онъ сразу вызвалъ меня къ себѣ и сталъ упрекать, что я «перехватилъ» и напрасно обидѣлъ офицера. Я объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, что я никогда не подозрѣвалъ, что его наблюдатель списалъ съ кого-то задачу, а что переписанная работа бесполезна, т. к. я не могу дать ему никакого совѣта, а бѣльшее или мѣньшее отклоненіе полученнаго имъ мѣста никакой роли не играетъ. В. К. согласился со мной и умиротворилъ своего офицера.

Въ началѣ 20-хъ г.г. я былъ совсѣмъ безработнымъ, а командующимъ Финляндскимъ военнымъ флотомъ былъ нашъ бывшій лейтенантъ Г. Я. Хеккертъ. Вотъ онъ и предложилъ мнѣ заняться ремонтомъ всѣхъ компасовъ, доставшихся финляндскому флоту по наслѣдству послѣ ухода русскихъ судовъ изъ Гельсингфорса. Собственно у меня не было никакой практики въ этомъ дѣлѣ, но надо было жить, и я принялъ его предложеніе. Мнѣ отвели комнату въ подвальной этажѣ портового управленія, завалили ее самыми разнообразными компасами отъ 3" до 10" и дали двухъ молодыхъ воиновъ въ подручные. Ни я, ни они никогда ни слесарями, ни малярами не были, и пришлось ошупью подойти къ этому дѣлу. Зная кое-что про магнетизмъ картушекъ, плотность жидкости въ компасахъ и опасность растворить краску неправильнымъ составомъ жидкости, мы какъ-то разобрались въ этомъ вопросѣ и стали выпускать старые компасы «почти какъ новые». Я кормился этимъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и моя работа и заработокъ кончились. Совсѣмъ недавно, на какомъ-то финляндскомъ пароходѣ ко мнѣ обратился капитанъ съ вопросомъ, помню ли я его. Мнѣ пришлось въ вѣжливой формѣ дать отрицательный отвѣтъ, а онъ мнѣ говорить: «Да вѣдь я былъ у васъ подручнымъ, когда вы чинили компасы». Тогда я вспомнилъ его, но это было 40 лѣтъ тому назадъ, и мы оба были тогда молоды.

Въ 21-мъ году я, наконецъ, получилъ постоянное мѣсто въ маленькой агентурной конторѣ, но это были очень тяжелые годы въ экономическомъ отношеніи, и мнѣ было не до девіаціи.

Прослуживъ такимъ образомъ 8 лѣтъ, я научился агентурному дѣлу, иностранной корреспонденціи на четырехъ языкахъ и, главное, научился обращенію съ пріятными и непріятными покупателями и поставщиками. Вотъ мы и рѣшили

рискнуть, т. е. отказаться отъ постояннаго жалованія и начать свое агентурное дѣло практически безъ всякихъ средствъ. Я отправился на купцѣ за границу и вернулся, имѣя за собой, т. е. своими поставщиками двѣ хорошихъ фирмы по морской части и еще кое-что по колоніальной. Съ этого началась наша успѣшная работа: я уходилъ на промыселъ утромъ и днемъ, а вечерами и я, и жена писали заграничныя письма. Черезъ годъ мы обзавелись маленькой конторой, и за слѣдующіе 5 лѣтъ я смогъ объѣхать всѣ главныя европейскія фирмы, строящія мореходные инструменты. Конечно, я не работалъ со всѣми ими одновременно, но я зналъ, что и какъ онѣ дѣлаютъ и съ какой конкуренціей надо считаться. Большинство покупателей и моихъ конкурентовъ агентовъ этого не знали.

Войдя въ связь съ главными фабрикантами, Англіей, Германіей и Франціей, и продавая тутъ ихъ инструменты, я старался, между прочимъ, побудить ихъ создать хорошій дефлекторъ, основанный на принципѣ Де-Колонга съ перпендикулярнымъ магнитомъ, но приспособленнымъ къ установкѣ на компасы любого типа. Фабриканты отказывались, не понимая смысла нашего дефлектора — и не имѣя спроса на этотъ инструментъ. Около 30 лѣтъ бился я съ этимъ дѣломъ и ничего не добился. Я раздобылъ русскій дефлекторъ и посылалъ его и нѣмцамъ, и англичанамъ — всѣ возвращали, даже не оцѣнивъ его. На разныя статьи о дефлекторѣ Де-Колонга въ иностранныхъ журналахъ, ни одинъ человѣкъ никогда не откликнулся. Такимъ образомъ, главное свойство дефлектора, дающее возможность уничтожать девіацію на **компасныхъ** курсахъ никѣмъ не используется. Да и вообще только нѣкоторые англійскіе девиаторы «что-то» дѣлаютъ, очень неудовлетворительнымъ старомоднымъ дефлекторомъ Томсона.

Другой моей *idée fixe* были таблицы девіаціи. Тутъ творится что-то невѣроятное. Чуть не каждый девиаторъ имѣетъ свой образецъ: кто въ одну колонну, кто въ двѣ, кто въ четыре. Есть таблицы съ градусами и съ румбами, а есть и до сихъ поръ только съ румбами! А вѣдь корабли уничтожаютъ девіацію часто въ чужихъ портахъ и каждый разъ могутъ получить таблицу другого типа. Сколько тутъ возможностей къ ошибкамъ при выборѣ девіаціи на заданный курсъ! Нашъ штатный образецъ былъ тоже неважный, но въ 1909 г. талантливый и богатый блестящими идеями (не доводимыми

обычно до конца) Б. А. Вилькицкий предложил таблицу девиации, где курсы располагались, какъ на картушкѣ, т. е. лѣвая колонна сверху внизъ была отъ 360 до 180, а правая отъ 0 до 180 градусовъ. Сами девиации вносились соответственно слѣва и вправо отъ курсовъ. При такомъ расположеніи графъ вѣроятность невѣрной выборки дѣлалась минимальной. Это была замѣчательная мысль, и въ 1911 г., съ разрѣшенія Вилькицкаго я отпечаталъ такую таблицу въ своемъ руководствѣ. Тогда дѣло на этомъ было и кончилось, но въ эмиграціи я опять сталъ писать объ этомъ — все безнадежно! Наконецъ, два года тому назадъ я подалъ докладную записку директору самага большаго финляндскаго пароходнаго общества и рѣшилъ, что теперь пора кончать донкихотствовать. Прошло полгода и вдругъ меня вызываютъ и говорятъ: «Это намъ нравится. Составьте окончательную форму бланка». Таблица была составлена, принята, напечатана и я получилъ въ благодарность 10 бланковъ (!) Но это не важно — это опять-таки во славу русскаго штурманства. Но теперь эта форма стала расплзаться, и я видѣлъ уже у здѣшнихъ девиаторовъ такія таблицы. При уничтоженіи девиации на совѣтскихъ судахъ въ 46 г. (объ этомъ я уже писалъ раньше) я отпечаталъ русскія таблицы типа Вилькицкаго и всегда пользовался ими, т. е. оставлялъ такія таблицы на судахъ.

Хотя у меня было финское свидѣтельство на право уничтоженія девиации, мнѣ сравнительно мало удавалось зарабатывать, т. к. приходилось считаться съ конкурирующими мѣстными девиаторами. Бывали случаи, что моя заграничная фирма телеграфировала съ просьбой привести въ порядокъ ея компасы на такомъ-то кораблѣ или знакомый капитанъ настаивалъ на томъ, чтобы я былъ приглашенъ на работу, которую я выполнялъ много скорѣе моихъ конкурентовъ. Но это не всѣмъ нравилось: и многіе говорили: «беретъ столько же, а работаетъ только половину времени».

Съ компасной точки зрѣнія уничтоженіе девиации на купцахъ не представляло ничего интереснаго, но самымъ труднымъ и длительнымъ было лечь на нужный магнитный курсъ. Мелко сидящія суда и не слишкомъ длинныя подходили къ палу, и обычно все обходилось довольно хорошо. Судно лежало крѣпко подтянутымъ къ палу, примѣрно противъ мостика, и при самомъ маломъ ходѣ впередъ можно было удер-

живать корабль рулемъ на любомъ курсѣ. Большіе корабли шли на бочку. Тутъ все зависѣло отъ налаженности службы на кораблѣ, отъ опытности капитана и проч. Иногда проходилъ часъ и болѣе, покуда всѣ перлиня были поданы и обтянуты. Но на этомъ дѣло не кончалось, т. к. держаться на курсѣ было труднѣе, чѣмъ стоя у пала. А если судно при поворотѣ проскакивало черезъ нужный курсъ, то вернуть его бывало очень трудно, особенно при вѣтрѣ. Зимой приходилось предварительно самимъ или буксиру разламывать ледъ и возвращаться на бочкѣ съ большимъ трудомъ. Иногда судно катилось только въ одну сторону и тогда, проскочивъ нужный курсъ, приходилось дѣлать полный поворотъ. Всѣ ругались, мерзли и девицію уничтожали или опредѣляли «кое-какъ». На совсѣмъ большихъ корабляхъ, или когда бочка была занята, или снята, приходилось работать просто стоя на одномъ якорѣ, съ мало вытравленнымъ канатомъ и управляясь очень малымъ ходомъ и рулемъ. При этомъ компасъ описывалъ вмѣстѣ съ кораблемъ довольно большой кругъ, и пеленги створовъ или дальняго предмета все время измѣнялись. Это была изводящая и не точная работа. И все это кажется такимъ нелѣпымъ, т. к. имѣя дефлекторъ, который могъ бы приспособиться къ котелкамъ разнаго размѣра, вся работа сводилась бы къ четыремъ компаснымъ курсамъ на свободной водѣ или во льду безъ всякой надобности въ береговыхъ створахъ.

Я предлагалъ двумъ большимъ европейскимъ фирмамъ заняться этимъ вопросомъ, но всѣ отказывались. Мотивировка была простая: нѣтъ спроса на дефлекторы. А спроса не было потому, что въ мореходныхъ училищахъ этому не учили и никто не умѣлъ самъ уничтожать девицію. Дѣло вольныхъ девиаторовъ въ разныхъ заграничныхъ портахъ было иногда довольно туманнымъ. Девиаторы являлись какими-то магами и дѣлали, что хотѣли. Таблицы иногда составлялись почти на глазокъ, но конечно такъ, чтобъ ошибка не превосходила «возможную неточность». При довольно мужицкомъ плаваніи купцовъ не было обычно никакой возможности обнаружить небольшія ошибки таблицы. Бывали, конечно очень добросовѣстные девиаторы, но видѣлъ я одного кудесника, который даже съ какими-то пассаами въ присутствіи капитана устанавливалъ шары, рѣшительно безъ всякихъ

предварительныхъ измѣреній. Теперь это дѣло поставлено на много надежнѣе; официальные требованія, предъявляемыя девиаторамъ большія, и во многихъ странахъ девиаторы объединены въ союзы, заинтересованные въ репутаціи своихъ членовъ.

Всѣ выходы на девицію были, конечно, связаны съ управленіемъ кораблей, включая отходъ и подходъ къ стѣнкѣ при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ погоды. Эти маневрированія были очень поучительны съ морской точки зрѣнія и было интересно сравнивать разные способы, примѣняемые капитанами въ трудныхъ условіяхъ. Въ общемъ коммерческіе капитаны на своихъ одновинтовыхъ корабляхъ продѣлывали то, что многіе изъ насъ не могли бы сдѣлать на двухвинтовыхъ корабляхъ. Но это было совсѣмъ понятно, принимая во вниманіе отсутствіе у насъ практики при постоянныхъ стоянкахъ на якорѣ или у привилегированныхъ стѣнокъ.

Вотъ еще маленькій анекдотъ по компасной части. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣкоторые англійскіе лоцманы не признавали другихъ компасовъ, какъ только съ румбами, а норвежскіе — на тѣхъ же линіяхъ — уже привыкли къ градусамъ. Въ результатѣ на нѣкоторыхъ корабляхъ было два котелка и посреди моря производилась смѣна путевого компаса въ зависимости отъ того, къ какому берегу шли.

Желая нѣсколько наладить компасный вопросъ на малыхъ судахъ (яхты, рыболовные бота и пр.) я написалъ около 40-го года карманную книжечку (издана по фински), но мнѣ не повезло: книжка вышла наканунѣ того дня, что Финляндское мореходное Управленіе запретило по военнымъ обстоятельствамъ всякое движеніе мелкихъ судовъ вдоль побережья, но въ принципѣ нѣсколько поддержало меня, заказавъ мою книжечку для всѣхъ своихъ мелкихъ судовъ и для лоцманскихъ станцій.

Въ 54 г. я прекратилъ всѣ свои наружныя работы на судахъ, т. к. мнѣ стало тяжело таскать треногу и проч. и на корабли, и по ихъ трапамъ, т. к. вся работа производилась самымъ примитивнымъ образомъ. Свои инструменты я распродалъ, но продолжаю немного сотрудничать въ заграничныхъ морскихъ журналахъ, главнымъ образомъ по навигаціоннымъ инструментальнымъ вопросамъ.

Д. О. Дараганъ

ПАМЯТИ БОРИСА АНДРЕЕВИЧА ВИЛЬКИЦКАГО

Когда скончался Б. А. Вилькицкій, мнѣ захотѣлось написать нѣсколько словъ о немъ, но я убоился своего стиля. Я мысленно помянулъ его, а скоро затѣмъ прочелъ въ М. З. некрологъ контръ-адмирала, бывшаго флигель-адъютанта Б. А. Вилькицкаго. Конечно, все что написано вѣрно, но все это для постороннихъ, мы же, его сверстники и соплаватели, знали другого человѣка — милаго Бобочку Вилькицкаго. Это былъ прелестный, капризный ребенокъ, баловень судьбы, страшно талантливый, съ блестящими, но, обычно, непроработанными проектами. Бобочка былъ милый, интересный собесѣдникъ, съ дѣтскимъ, открытымъ взглядомъ и порывистыми движеніями, напоминавшій иногда добраго сенъ-бернара. Я хорошо зналъ Бобочку еще съ корпуса: онъ былъ годомъ старше меня по выпуску, но на полгода моложе по возрасту. Учился онъ всегда плохо, т. е. не занимался, но ему это и не надо было, все какъ-то само давалось ему. Очень часто на корпусные приемы приходила строгая «генеральша» посмотреть на своего баловня, а съ ней появлялись двѣ на рѣдкость красивыя молодыя дѣвушки — старшія сестры Вилькицкаго. Онѣ были такъ хороши, что нѣкоторые гардемарины проникали незаконно на приемъ, только чтобы искоса посмотреть на этихъ барышень. А когда наступали экзамены, то эти же сестры сидѣли надъ Бобочкой и заставляли его, хоть разъ прочесть учебники соотвѣтственныхъ предметовъ.

Кончивъ кропусъ, Вилькицкій назначается на «Цесаревича» въ Тулонъ къ И. К. Григоровичу. Наша красная дѣвица появляется въ Мармарисѣ подѣ Тулономъ, обвораживаетъ всѣхъ и флиртуетъ во-всю. Но вотъ, 22-е іюля, день именинъ Маруси Григоровичъ, дочери командира «Цесаревича» и впослѣдствіи жены адмирала Карцева. За обѣдомъ въ каютѣ-компаніи говорили разные тосты и кто-то вызываетъ Бобочку на тостъ. Онъ встаетъ, улыбается, смущается и начинаетъ: «Я тутъ самый маленькій...». Дальше ему не дали говорить, все было покрыто аплодисментами.

Затѣмъ Артуръ. Я попадаю на «Цесаревичъ», и мы живемъ рядомъ, покуда Григоровичъ не переводитъ Вилькицкаго къ себѣ на берегъ. Хорошо помню такую картинку: группа офицеровъ, въ томъ числѣ Вилькицкій, шла изъ Китайскаго города въ портъ. Началось японское обстрѣливаніе, и снаряды ложились довольно близко отъ насъ. Когда мы проходили мимо какой-то фанзы, гдѣ курица съ цыплятами клевала зерно посреди двора, разорвался недалеко снарядъ, и Вилькицкій вдругъ бросается въ китайскій дворъ. Мы ничего не понимаемъ, но онъ сразу возвращается и сконфуженно улыбаясь говорить: «Надо было прогнать курицъ, ихъ могло вѣдь убить».

Вернувшись съ Востока, Вилькицкій сразу поступаетъ въ Академію, кончаетъ ее и въ 10-11 году флагманскимъ штурманомъ на 1-й мин. див. у Н. О. Эссена. Тутъ онъ вводитъ много хорошаго по организациіи штурманскаго дѣла, строитъ прекрасный оптический пеленгаторъ (монокуляръ съ призмой, приспособленный къ нашимъ компасамъ), «какъ-то», между прочимъ создаетъ рациональный типъ девиационныхъ таблицъ и всюду вноситъ оживленіе. Въ это же время организуется (конечно, съ помощью отца Вилькицкаго) система ремонта морскихъ инструментовъ и издается новый типъ вахтенныхъ журналовъ. Лѣтомъ онъ меня спасаетъ отъ грозящихъ непріятностей въ связи съ опубликованіемъ въ моемъ учебникѣ пеленговъ на Кронштадтскомъ рейдѣ.

Онъ доказываетъ, что эти девиационные пеленги не являются залогомъ взятія Кронштадта нѣмцами, и меня оправдываютъ.

Затѣмъ Сѣверная эпопея. Вилькицкій и мой товарищъ по Академіи Новопашенный командуютъ ледоколами Сѣвер-

ной экспедиціи во Владивостокѣ. Послѣ перваго пробнаго похода начальникъ экспедиціи Сергѣевъ выходитъ изъ строя, и нашъ Бобочка назначается начальникомъ экспедиціи. Ему нуженъ новый командиръ, и онъ телеграфируетъ мнѣ. И хочется, и колется. Если бы старшій по возрасту и болѣе уравновѣшенный Новопашенный остался начальникомъ экспедиціи, я бы сразу пошелъ къ нему, а при всей моей симпатіи къ Вилькицкому, я предвидѣлъ возможность конфликтовъ, т. к. система нашей работы была совсѣмъ иная, и я отказался отъ этого интереснаго назначенія.

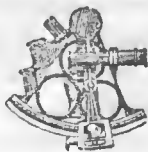
Послѣ торжественнаго возвращенія Вилькицкаго съ Сѣвера въ Петербургъ и его производства въ флигель-адъютанты, онъ женится на сестрѣ нашего моряка Тихменева и поселяется на Пескахъ, недалеко отъ насъ. Помню ихъ маленькую квартиру и огромную шкуру бѣлаго медвѣдя, покрывавшую чуть ли не весь полъ гостиной. Обычно флигель-адъютанты дежурили по очереди при Дворѣ, и т. к. многіе изъ нихъ были на фронтѣ, то тѣмъ, кто жили въ Петербургѣ выпадало счастье чаще назначаться на дежурства въ Царское Село. Дежурный флигель-адъютантъ обѣдалъ вмѣстѣ съ Царской семьей и обычно приглашался и на вечеръ. Вилькицкій рассказывалъ намъ о дружной Царской семьѣ и объ уютныхъ вечерахъ, проводимыхъ частью въ разговорахъ, частью за какой-нибудь игрой съ Великими Княжнами. Вилькицкому было тогда только 30 лѣтъ, держалъ онъ себя часто, какъ милый мичманъ, иногда *enfant terrible*, но умный и много выдавшій за 10 лѣтъ своей сознательной жизни. И Великія Княжны бывали рады дежурствамъ Вилькицкаго, который не походилъ на чопорныхъ старыхъ полковниковъ.

Лѣта проведенныя Вилькицкимъ въ Конго сильно подрѣзали его здоровье. Онъ не могъ больше сдѣлать ничего серьезнаго по полярнымъ вопросамъ и ему приходилось работать не изъ идейныхъ побужденій въ интересующей его области, а для хлѣба насущнаго. Иностранные Географическіе Общества удостоили его высшей награды за географическія открытія, но сытъ ими не будешь. Работы, бухгалтерская и статистическая, которыми занимался Вилькицкій, много не давали, и я знаю, какъ друзья его отца съ большими связями въ Швеціи пробовали получить для Вилькиц-

каго какую-нибудь пенсію, но изъ этого ничего не вышло. *Sic transit gloria mundi* (?) Здоровье Вилькицкаго стало ухудшаться и онъ переехалъ въ домъ для престарѣлыхъ на окраинѣ Брюсселя. Я изрѣдка переписывался съ нимъ, но мнѣ захотѣлось еще разъ повидать Бобочку, и по пути въ Англію я остановился въ Брюсселѣ. Было лѣто, въ саду покойнаго И. И. Полидорова цвѣли розы, я рѣшилъ пойти пѣшкомъ разыскивать Вилькицкаго. Подходя къ Русскому дому, я увидалъ въ дверяхъ на улицу грузную фигуру стараго человека. Узнать въ этомъ человекѣ Вилькицкаго было невозможно, но, когда онъ посмотрѣлъ на меня, то я увидалъ тотъ же знакомый яркій, дѣтскій взглядъ и мы обрадовались другъ другу. Съ внѣшней стороны Вилькицкому жилось хорошо: большая свѣтлая комната, полный уходъ, телефонъ и прочее, но онъ скучалъ и жаловался, что теряетъ связь съ интересующими его людьми. Къ вечеру я покинулъ его и на слѣдующій день поѣхалъ дальше. Полидоровъ писалъ иногда, что Вилькицкій слабѣетъ и когда мнѣ удалось ввести въ Финляндіи девіаціонныя таблицы по его идеѣ, и я послалъ ему окончательно выработанный образецъ, то онъ мнѣ больше не отвѣтилъ, а это было больше чѣмъ за годъ до его смерти.

Семья самого Вилькицкаго не дала ему счастья. Они какъ то разошлись и всю вторую половину своей жизни Вилькицкій прожилъ собственно одинъ. Вилькицкій былъ, конечно, незауряднымъ человекомъ и тѣ, кто сталкивался съ нимъ, не забывали его образъ. Это былъ самородокъ, неотшлифованный, такъ сказать, для проведенія въ жизнь своихъ, иногда изумительныхъ идей, и не унаслѣдовавшій крупныхъ административныхъ способностей, какими отличался его отецъ, академикъ, генералъ-лейтенантъ А. И. Вилькицкій, послѣдній начальникъ Главнаго Гидрографическаго Управленія. Миръ праху обоихъ русскихъ моряковъ, такъ много сдѣлавшихъ для флота и для изученія русскаго Сѣвера.

Д. Дараганъ

РАСЦВѢТЪ И УПАДОКЪ ВОЕННО-МОРСКОГО ИСКУССТВА

Военно-морскимъ искусствомъ называется умѣніе команднаго состава побѣдоносно руководить дѣйствіями морской вооруженной силы, въ согласіи съ основными началами вооруженной борьбы и требованіями обстановки. Въ связи съ этимъ военно-морское искусство проявляется въ дарѣ флотоводцевъ проникновенно оцѣнивать обстановку и примѣнять, соотвѣтствующія требованіямъ этой обстановки, формы основныхъ началъ борьбы.

Такъ же какъ художественное творчество связано съ именами великихъ мастеровъ, военно-морское искусство связано съ именами великихъ флотоводцевъ. Причемъ такъ же какъ и въ художественномъ творствѣ, были въ теченіи времени и въ военно-морскомъ искусствѣ періоды расцвѣта и упадка.

Такимъ образомъ исторія военно-морского искусства состоитъ изъ изученія классическихъ образцовъ военно-морского творчества, оставленныхъ намъ знаменитыми флотоводцами и изъ анализа причинъ, приведшихъ къ упадку этого творчества въ нѣкоторыхъ историческихъ періодахъ.

РАСЦВѢТЪ ВОЕННО-МОРСКОГО ИСКУССТВА ВЪ ДРЕВ- НІЯ ВРЕМЕНА. ФЕМИСТОКЛЪ.

Первый, дошедшій до насъ документъ изъ области исторіи военно-морского искусства, относится къ описанію сраженій у мыса Артемизіума и у острова Саламина во время третьей греческо-персидской войны, въ которыхъ Фемистокль далъ намъ замѣчательные образцы этого искусства.

Въ 480 году до Р. Х. Ксерксъ, во главѣ громаднаго флота и многочисленнаго войска, двинулся въ третій походъ противъ Греціи.

Въ надеждѣ задержать персидское нашествіе, царь Леонидъ занялъ со своими спартанцами Фермопильское ущелье, черезъ которое проходила единственная дорога, ведущая въ Грецію изъ Македоніи. Ущелье это находилось въ непосредственной близости берега длиннаго пролива, образуемаго островомъ Эвбея и восточнымъ берегомъ Греціи. Греческимъ флотомъ командовалъ номинально спартанецъ Эврипидъ, но фактически имъ руководилъ афинянинъ Фемистокль; по его совѣту флотъ занялъ позицію у сѣвернаго входа въ Эвбейскій проливъ, чтобы защищать царя Леонида со стороны моря; позиція эта находилась у мыса Артемизіума на сѣверной оконечности острова Эвбея.

Подойдя къ сѣверному входу въ Эвбейскій проливъ, Ксерксъ послалъ къ южному его входу эскадру силой въ 200 триремъ, которая должна была отрѣзать греческому флоту путь отступленія и запереть его въ Эвбейскомъ проливѣ; самъ же Ксерксъ съ главными силами своего флота остался у сѣвернаго входа, выжидая окончанія маневра обходящей эскадры.

Операція эта была основана на слѣдующемъ замыслѣ: такъ какъ персидскій флотъ былъ больше чѣмъ въ три раза многочисленнѣе греческаго, то Ксерксъ опасался, что греческій флотъ, въ случаѣ нападенія на него столь многочисленнаго персидскаго флота, уклонится отъ сраженія и, чтобы избѣжать уничтоженія, поспѣшитъ отступить въ свои базы на югъ Греціи; заперевъ же ему южный выходъ изъ Эвбейскаго пролива, Ксерксъ намѣревался взять его «въ клещи» и, нападеніемъ съ двухъ сторонъ, уничтожить его въ самомъ

проливъ. Однако, вслѣдствіе большой длины острова Эвбея, маневръ обходящей эскадры долженъ былъ продолжаться отъ двухъ до трехъ дней, и въ теченіе этого времени Ксерксъ долженъ былъ оставаться съ главными силами въ бездѣйствіи передъ сѣвернымъ входомъ, ибо онъ опасался преждевременнымъ нападеніемъ «спугнуть» греческій флотъ прежде окончанія маневра обходящей эскадры, чѣмъ бы весь планъ этой операціи былъ обреченъ на неуспѣхъ.

Фемистокль узналъ отъ своихъ наблюдательныхъ постовъ на Эвбей о посылкѣ персидской эскадры въ обходъ острова и ясно отдавалъ себѣ отчетъ объ опасности, которая угрожала греческому флоту. Однако онъ и не подумалъ о поспѣшномъ отступленіи, чтобы избѣжать эту опасность, а наоборотъ — рѣшилъ остаться на своей позиціи, чтобы до конца исполнить свою стратегическую задачу, которая, — какъ мы знаемъ, — состояла въ защитѣ войска царя Леонида со стороны моря. И, мало того, онъ рѣшилъ использовать ослабленіе главныхъ силъ персидскаго флота, послѣ ухода обходящей эскадры, для того чтобы самому перейти въ наступленіе противъ этихъ главныхъ силъ, которыя — и безъ обходящей эскадры, — были все же еще больше, чѣмъ въ два раза сильнѣе греческаго флота. Для нападенія Фемистокль принялъ слѣдующій планъ: такъ какъ персидскій флотъ держался у входа въ Эвбейскій проливъ въ растянутой фронтальной линіи отъ береговъ Фесаліи до мыса Артемизиума, Фемистокль рѣшилъ со всѣми своими силами напасть передъ самымъ заходомъ солнца на часть персидскаго флота, находящуюся у мыса Артемизиума, рассчитавъ, что до наступленія темноты часть персидскаго флота, находившаяся далеко у береговъ Фесаліи, не успѣетъ подать помощь атакованной части у мыса Артемизиума.

Планъ этотъ отлично удался: персы потеряли 30 триремъ, а греки ни одной. На слѣдующій вечеръ Фемистокль повторилъ нападеніе по тому же плану и съ тѣмъ же успѣхомъ.

На третій день Фемистокль получилъ извѣстіе о паденіи Фермопилъ и гибели всего войска царя Леонида; вслѣдствіе этого греческій флотъ отступилъ черезъ Эвбейскій проливъ къ острову Саламину; отступленіе это было исполнено безпрепятственно, ибо обходящая персидская эскадра была застигнута на открытомъ морѣ сильнымъ штормомъ и вся погибла, такъ что поставленная ей задача — «закупорить» юж-

ный выходъ изъ Эвбейскаго пролива, — оказалась невыполнимой.

Послѣ паденія Фермопиль и отступленія греческаго флота, персидскія войска быстро заняли Афины, а персидскій флотъ сталъ на якорь въ Фалернскомъ заливѣ, напротивъ острова Саламина, у котораго находился греческій флотъ. И вотъ тутъ, въ знаменитомъ сраженіи у этого острова 28 сентября 480 г. до Р. Х., Фемистокль далъ намъ безсмертный образецъ военно-морского искусства, въ которомъ отразился великій даръ его военнаго творчества.

Послѣ того какъ персы заняли Афины, греки рѣшили оказать имъ послѣднее сопротивленіе на узкомъ коринфскомъ перешейкѣ, чтобы спасти отъ ихъ нашествія хотя бы Пелопонезъ, для чего остатки греческаго войска заняли позицію поперекъ этого перешейка.

Эврипиадъ и большая часть командировъ греческаго флота, считали, что флотъ долженъ немедленно перейти отъ острова Саламина къ Коринфскому перешейку для защиты приморскаго фланга греческаго войска. Но Фемистокль рѣшительно этому воспротивился, ибо справедливо полагалъ, что для греческаго флота единственная надежда на успѣхъ въ борьбѣ съ значительно превосходящимъ его въ силѣ персидскимъ флотомъ, состоитъ въ томъ, чтобы принять съ нимъ сраженіе въ узкомъ Саламинскомъ проливѣ, гдѣ персы не могли бы помѣстить въ боевой порядокъ весь свой флотъ и такимъ образомъ не могли бы использовать свое значительное превосходство въ силахъ; между тѣмъ у Коринфскаго перешейка греческій флотъ долженъ былъ бы принять сраженіе въ открытомъ морѣ, гдѣ персы могли бы его легко окружить и уничтожить.

На военномъ совѣтѣ Фемистоклу удалось съ большимъ трудомъ убѣдить Эврипиада и греческихъ командировъ не покидать выгодной позиціи у Саламина и принять здѣсь сраженіе. Однако, позднѣе Фемистокль узналъ, что послѣ его ухода военный совѣтъ все же склонился къ переходу флота къ коринфскому перешейку. Тогда, какъ говорятъ, онъ рѣшился на крайнюю мѣру: когда наступилъ мракъ онъ тайно послалъ своего раба въ станъ Ксеркса, который находился въ непосредственной близости на другомъ берегу Саламинскаго пролива, съ извѣстіемъ что греческій флотъ готовится къ отступленію и что, если персы не атакуютъ его немедленно,

то онъ отъ нихъ ускользнетъ, какъ это уже было въ Эвбейскомъ проливѣ.

Легенда ли это или историческая быль, сказать теперь трудно; но во всякомъ случаѣ само существованіе этого извѣстія въ древнихъ греческихъ лѣтописяхъ свидѣтельству-етъ о томъ, сколь твердо Фемистокль былъ увѣренъ въ точности своей оцѣнки обстановки и сколь выдѣлялся своимъ даромъ изъ всего команднаго состава греческаго флота, что даже рѣшился на такую мѣру, которая — въ случаѣ неуспѣха — должна была неминуемо вызвать обвиненіе его въ измѣнѣ и повлечь за собой смертную казнь.

Получивъ это извѣстіе Ксерксъ приказалъ своему флоту немедленно — тутъ же ночью — начать входить въ Саламинскій проливъ, и на разсвѣтѣ атаковать греческій флотъ на его позиціи. Греки, вынужденные такимъ образомъ принять сраженіе на этой позиціи, мужественно и храбро вступили съ персидскимъ флотомъ въ ожесточенную борьбу, которая кончилась полнымъ его разгромомъ, ибо, какъ и предполагалъ Фемистокль, греки, благодаря своей выгодной позиціи, разбивали персидскій флотъ по частямъ, по мѣрѣ того, какъ эти части появлялись передъ ихъ позиціей. Въ результатѣ разгрома персидскаго флота господство на морѣ перешло въ руки грековъ, и персидскія полчища, лишенные снабженія моремъ, вскорѣ принуждены были покинуть Грецію, и они навсегда были избавлены отъ ихъ нашествія.

Въ операціяхъ у мыса Артемизіума и у острова Саламина Фемистокль показалъ дѣйствительно выдающіеся образцы военно-морского искусства. Въ обоихъ случаяхъ онъ принимаетъ высоко цѣлѣсообразныя рѣшенія, основанныя на точной и проникающей оцѣнкѣ обстановки. У мыса Артемизіума онъ воспользовался для дѣйствія элементомъ обстановки «время», напавъ всѣми своими силами, передъ наступленіемъ темноты, на часть непріятельскаго флота, въ правильномъ расчетѣ, что до полного мрака, остальные части непріятельскаго флота не успѣютъ прійти ей на помощь. При Саламинѣ онъ использовалъ элементъ обстановки «мѣсто», ибо занялъ такую позицію, что противникъ не смогъ ввести въ бой всѣхъ своихъ силъ, и потому былъ разбитъ по частямъ. Въ обоихъ случаяхъ Фемистокль, несмотря на то, что греческій флотъ былъ много слабѣе персидскаго, добился побѣды, разбивая его по частямъ, такъ какъ это единственный способъ для

слабѣйшаго добиться успѣха въ борьбѣ съ сильнѣйшимъ, и именно на этомъ зиждется военно-морское искусство.

Фемистокль постоянно стремился къ тому, чтобы взять инициативу въ свои руки, проявлялъ неутомимую дѣятельность, искусно пользовался элементами обстановки, чтобы бить противника по частямъ и не дать ему возможность сосредоточить свои превосходящія силы для перехода въ контръ-атаку. Этимъ Фемистокль показалъ какъ глубоко и проникательно онъ понималъ военно-морское искусство, ибо инициатива, нападеніе и сосредоточеніе силъ противъ части противника — суть именно главные факторы этого искусства.

Періодъ времени, когда Фемистокль руководилъ операціями греческаго флота, является періодомъ расцвѣта военно-морского искусства въ древнія времена и долго еще послѣ Фемистокла греческій флотъ во время войнъ въ Егейскомъ морѣ и во время пелопонезскихъ войнъ руководствовался данными Фемистокломъ образцами военно-морского искусства.

Вліяніе классическихъ образцовъ военно-морского искусства на руководство морской вооруженной силой мы далѣе паходимъ въ первой Пунической войнѣ въ III столѣтіи до Р. Х. Въ началѣ этой войны карфагенскій флотоводецъ Гамилькаръ проявилъ въ замыслѣ Экомскаго сраженія большое искусство, не уступающее классическимъ образцамъ славной фемистокловой эпохи; въ этомъ сраженіи онъ задумалъ обманнымъ маневромъ раздѣлить римскій флотъ на двѣ части, а затѣмъ сосредоточить превосходящія силы для атаки одной изъ этихъ частей. Замыслъ, однако, этотъ ему не удался, ибо римляне, примѣнивъ новое оружіе борьбы на морѣ «перекидные мосты», побѣдоносно вышли изъ тяжелаго положенія, въ которое ихъ поставилъ искусный маневръ Гамилькара.

Однако это былъ послѣдній, и при томъ неудавшійся, примѣръ военно-морского искусства изъ древнихъ временъ; уже во вторую пуническую войну карфагеняне, вслѣдствіе паденія духа ихъ морской силы и отсутствія талантливыхъ флотоводцевъ, не рѣшились оспаривать у римлянъ господства на морѣ, а въ третьей пунической войнѣ, послѣ разрушенія Карфагена, господство на морѣ окончательно и на долгія времена перешло въ руки римлянъ.

Проф. А. Бубновъ

Контръ-адмиралъ Б. П. Дудоровъ.

ВИЦЕ-АДМИРАЛЪ

А. И. НЕПЕНИНЪ

Опытъ біографіи.

(Продолженіе)

МУЖИЦКІЙ АДМИРАЛЪ *).

Съ вытѣсненіемъ парусовъ паромъ, команды военныхъ судовъ, все болѣе превращавшихся въ сложнѣйшія машины, постепенно стали терять тотъ спортивный духъ, который одинъ только и могъ дѣлать изъ русскаго крестьянина, и особенно изъ фабричнаго рабочаго, подлинную душу корабля — лихого матроса. Даже парусный и гребной шлюпочный спортъ становился, почти исключительно, достояніемъ лишь палубной команды, оставляя техническій персонaлъ копошиться въ нѣдрахъ, круглыя сутки освѣщаемыхъ электричествомъ и дышать хотя и вентилируемымъ, но все же лишеннымъ свѣжести моря, воздухомъ.

Сознаніе необходимости подмѣны здоровой работы на палубахъ и мачтахъ какимъ-либо спортомъ постепенно про-

*) Настоящая глава основана на собственныхъ замѣткахъ Секретаря Футбольной Лиги Балтійскаго Флота "Спортъ на Балтійскомъ флотѣ 1912-1917 г.г. ст. л-та инж.-мех. Н. Волхонскаго, посвященныхъ "Свѣтлой памяти адмираловъ А. И. Непенина, С. В. Зарубаева, М. А. Кедрова и кап. 1 р. В. Е. бар. Гревеница", и написанныхъ специально для настоящей работы. Принося автору глубокую признательность, выражаю свое сожалѣніе, что размѣръ его статьи не позволилъ мнѣ включить ее полностью въ настоящую работу. Б. Д.

никало въ среду наиболѣе вдумчивыхъ представителей команднаго состава и значительная заслуга въ осуществленіи этихъ начинаній на Балтійскомъ флотѣ принадлежала молодому офицеру — старшему лейтенанту инженеръ-механику И. Волхонскому, уже въ стѣнахъ Морского Инженернаго Училища Императора Николая I, организовавшаго изъ его гардемариновъ первую морскую футбольную команду.

По производствѣ въ офицеры имъ же, по желанію командира учебнаго судна «Петръ Великій» кап. 1 р. М. А. Кедрова, организуется въ 1912 г. изъ учениковъ школы юнгъ первая футбольная команда матросовъ, вызвавшая большой интересъ къ этому виду спорта.

Война не остановила его работы и, по назначеніи своемъ во время войны на лин. кор. «Полтава», онъ заинтересовывается въ этомъ направленіи, какъ Старшаго Офицера — кап. 2 р. А. М. Щастнаго, такъ и командира кап. 1 р. бар. В. Е. Гревеницъ, отпустившаго на экипировку футбольной и коньково-хоккейной командъ и др. видовъ спорта значительныя средства. А Командующій Флотомъ вице-адмиралъ В. А. Канинъ пожертвовалъ для сформированной изъ командъ «Полтавы» и б. к-ра «Громобой», переходящій серебряный кубокъ.

Несмотря на всѣ эти единичныя начинанія, всѣ виды спорта прививались мало, и лишь по вступленіи въ командованіе флотомъ Непенина этотъ насущный для поддержанія духа командъ стоявшихъ въ бездѣйствіи кораблей вопросъ получилъ, увы, слишкомъ поздно, должное ему вниманіе.

«Говорю твердо, — пишетъ Волхонскій, — что начало организациіи спорта было связано съ именемъ послѣдняго Командующаго Балтійскимъ Флотомъ Адріана Ивановича Непенина, который и является по справедливости отцомъ его... Счастье сопутствовало организаторамъ. Въ лицѣ его мы получили могучаго союзника».

Вызвавъ Волхонскаго къ себѣ, Непенинъ сказалъ, что все, что дѣлается по организациіи спорта его очень интересуетъ. Онъ считаетъ это крайне необходимымъ съ точки зрѣнія государственной пользы и безопасности... Помимо вопросовъ физическаго здоровья спортъ отвлекаетъ людей отъ разлагающихъ революціонныхъ идей, способствуя поднятію бодрости духа и товарищества, въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Поэтому необходимо немедленно приступить къ его организации въ широкомъ масштабѣ.

Съ этой цѣлью, какъ подлинный организаторъ, Непенинъ прежде всего потребовалъ отъ Волхонскаго представленія ему подробно продуманной докладной записки, предусматривающей не только созданіе отдѣльныхъ спортивныхъ командъ, но и развитіе всякаго рода гимнастическихъ упражненій и игръ, въ которыхъ могли бы принимать участіе не одни спеціалисты, но и каждый желающій матросъ, при чемъ указалъ, что въ числѣ игръ онъ хотѣлъ бы видѣть и игру въ «городки».

Послѣднее требованіе Волхонскому, какъ спеціалисту культурнаго спорта, не могло не показаться, по его собственному выраженію, — «курьезнымъ». Однако нельзя не признать, что оно вполне отвѣчало заданію удовлетворить вкусамъ и рядовой массы, для которой «городки», разумѣется, были болѣе сродни, чѣмъ англійскій футболъ, и не требовали спеціальной тренировки.

При этомъ Непенинъ сообщилъ ему, что его желаніемъ является созданіе въ Гельсингфорсѣ «Морского Дома», который и являлся бы центромъ всякаго рода дѣятельности, имѣющей задачу предоставить командамъ культурный отдыхъ отъ тѣсной корабельной жизни, и что, по его просьбѣ, Городское Управленіе отвело нужный участокъ земли въ предмѣстѣи «Теле». Въ этомъ домѣ предполагалось устроить театръ, кинематографъ, столовую-буфетъ и всѣ необходимыя гимнастическія помѣщенія.

Въ январѣ 1917-го года Волхонскій представилъ подробную докладную записку, и Непенинъ, одобливъ ее, сказалъ, что по его приказанію въ Морскомъ Казначействѣ открыть ему кредитъ въ размѣрѣ 30.000 марокъ на предварительные расходы.

«Горячо благодарилъ я адмирала, — заканчиваетъ свой рассказъ авторъ этихъ воспоминаній, — за его, какъ всегда, мудрое рѣшеніе. Онъ былъ чловѣкъ государственнаго ума, имѣлъ даръ предвидѣнія и благородное сердце и ВЕЛИКОЛѢПНО ЗНАЛЪ МАТРОССКУЮ ДУШУ *).

*) Курсивъ мой. Б. Д.

Покинулъ я его въ большой радости за будущее нашего дѣла. Но Господь судилъ иначе. Вскорѣ вспыхнувшая революція лишила насъ вождя — «МУЖИЦКАГО АДМИРАЛА, КАКЪ ЕГО НАЗЫВАЛА НАША КОМАНДА» *), и опрокинула все то, что медленно, но вѣрно, мы дѣлали».

* * *

Читающему эти страницы можетъ показаться страннымъ, что я такъ подробно остановился на эпизодѣ, рисуящемъ лишь благія намѣренія и неосуществившіеся въ жизни планы Непенина и Волхонскаго. Но для біографіи адмирала, какъ и для характеристики всей душой преданнаго своей идеѣ молодого исполнителя его воли, не столь важно то, чего они, не по своей винѣ, не могли сдѣлать, сколь руководившая ими забота о воспитаніи и сохраненіи духа въ средѣ командъ кораблей, вынужденная бездѣятельность которыхъ его неизбежно разлагала.

А свидѣтельство Волхонскаго, по своей спортивной работѣ близко соприкасававшегося съ представителями всѣхъ слоевъ командъ многихъ кораблей, о томъ, что именно эта среда чуяла въ немъ СВОЕГО ЧЕЛОВѢКА, СВОЕГО РАДѢТЕЛЯ, выразивъ это въ причисленіи его къ своему «МУЖИЦКОМУ» сословію, категорически опровергаетъ всякія инсинуаціи о ненависти ея къ нему, будто бы и вызвавшей, въ конечномъ результатѣ, его трагическую смерть.

СВОЯ СЕМЬЯ.

Я уже говорилъ о томъ глубокомъ чувствѣ, которое еще въ 1914-омъ году захватило Непенина по отношенію къ вдовѣ погибшаго на «Палладѣ» капитана 2 р. Романова — Ольгѣ Васильевнѣ **).

И, хотя уваженіе къ ея горю, а затѣмъ и отѣздъ ея на долгій срокъ изъ Ревеля, препятствовали дальнѣйшему развитію ихъ сближенія, онъ, по всему видимо, не оставлялъ надежды соединить ея судьбу со своею, и, по возвращеніи ея въ

*) Курсивъ мой. Б. Д.

**) Мор. Зап. 1959 г. Т. 17, № 1, кн. 49 стр. 47-49.

1915-омъ году, возобновилъ знакомство, сопровождая ее на катокъ въ Екатеринентаѣ и даже приглашая ее, вмѣстѣ съ общими друзьями, къ обѣду на своей холостой квартирѣ.

Его деликатное вниманіе естественно вызвало теплый откликъ со стороны молодой женщины, но неожиданно встрѣтило ревнивое сопротивленіе со стороны ея маленькой дочурки Люси, своимъ чуткимъ сердечкомъ почуявшей опасность потерять безраздѣльную любовь матери, а, можетъ быть, и ревность къ памяти своего отца. На этой почвѣ въ ней развилась къ нему такая враждебность, что, говоря о немъ съ матерью она не называла его иначе, какъ «гадкій Непенинъ», а онъ, шутя, звалъ ее «маленькимъ чертушкой».

Само собой разумѣется, что въ глазахъ обожавшей ее женщины это являлось непреодолимымъ препятствіемъ для какихъ-либо матримоніальныхъ плановъ. Но для Непенина всякія препоны существовали лишь для того, чтобы ихъ преодолѣвать. Преодолѣлъ онъ и эту.

«Какъ то разъ, — рассказываетъ Ольга Васильевна *), — Адріанъ Ивановичъ заѣхалъ за мной пойти погулять въ Екатеринентаѣскомъ паркѣ. Я пошла одѣться, а онъ въ гостинной поджидалъ меня. Къ нему вышла Люся, и я подумала: «Ну, опять они поссорятся». Но каково же было мое изумленіе, когда я вышла и увидѣла, что они о чемъ-то оживленно говорятъ. Дочурка раскраснѣлась и что-то ему рассказываетъ. Адріанъ Ивановичъ меня даже сразу не замѣтилъ. Когда мы съ нимъ вышли, онъ напалъ на меня: «Какъ Вамъ не грѣхъ портить такую умненькую и прелестную дѣвочку. Нѣтъ — не въ паркъ мы пойдемъ гулять, а ѣдемте въ городъ и купимъ ей книгъ».... Съ этого момента у нихъ началась дружба, да какая. Когда я ей сказала, что собираюсь выйти замужъ, то она мнѣ вдругъ говоритъ: «Ты не выходи замужъ за (такого то) онъ нехорошій, а выйди за Непенина — онъ хорошій».

Чуткое дѣтское сердце за грубоватой корой разыскало въ немъ источникъ неиспользованныхъ силъ отцовства и вызвало на поверхность ихъ горячій ключъ.

Послѣ свадьбы она по собственной инициативѣ стала звать

*) Письмо автору 16-4-56 г.

его «папочкой», и дружба ихъ продолжалась до самой его смерти *).

* * *

Неожиданное назначеніе Командующимъ Флотомъ вынудило отложить свадьбу почти на пять мѣсяцевъ. Работы было такъ много, что, несмотря на наступленіе зимы и затишье въ боевыхъ операціяхъ на морѣ, было некогда думать о личной жизни. Свадьба состоялась лишь 27-го января 1917 года, и жестокая судьба подарила новобрачнымъ всего пять недѣль супружеской жизни, вторично осиротивъ несчастную женщину и ея ребенка.

Но и эти краткіе дни омрачались тревожной военной и, еще болѣе, политической обстановкой, переживаемой Россіей. Революціонныя настроенія, охватывавшія все болѣе широкіе круги русскаго общества и проникавшія въ толщу личнаго состава подчиненнаго ему флота, глубоко его волновали, нарушая душевное равновѣсіе.

Это ярко сказывалось на его настроеніи даже въ кругу его лично жизни.

Случалось, что возвращаясь со службы домой, онъ бывалъ въ столь раздраженномъ состояніи, что малѣйшій капризъ любимой имъ дѣвочки за столомъ, вызывалъ съ его стороны рѣзкій окрикъ и даже замѣчанія женѣ. Но стоило ему немного отдохнуть, какъ онъ раскаивался и звалъ ее прокатиться вмѣстѣ на автомобилѣ, явно стремясь загладить произведенное его поведеніемъ тяжелое впечатлѣніе **).

По древнему мудрому правилу «солнце не заходило во гнѣвъ» его и, будучи вообще по природѣ своей вспыльчивымъ, онъ былъ легко «отходчивъ» и никогда не былъ злопамятнымъ.

А потому и жить съ нимъ и служить подъ его начальствомъ бывало, хотя порой и не легко, но по настоящему хорошо. И друзей вѣрныхъ и искренне его любившихъ до самаго конца было у него не мало, и въ средѣ командъ, которыми онъ командовалъ достаточно долгое для взаимнаго озна

*) Письмо О. В. Непениной автору 16-4-56 г.

**) Письмо О. В. Непениной автору 16-4-56 г.

комленія время, имя «АДРЕЯНЪ» произносилось съ глубокимъ почтеніемъ.

И, какъ ни парадоксальна можетъ казаться мысль, что именно вотъ эта любовь и уваженіе послѣднихъ и были причиною его гнуснаго убійства, такое заключеніе невольно напрашивается при ближайшемъ ознакомленіи съ его обстоятельствами, о которыхъ я буду говорить ниже.

ВЪ ПРЕДДВЕРІИ РЕВОЛЮЦІИ .

По самой природѣ своей, происхожденію и воспитанію Непенинъ являлся яркимъ представителемъ крѣпкой и единоличной власти. И потому естественно строй монархическій былъ въ его глазахъ единственно отвѣчающимъ самому существованію многоликой Россіи, объединившей подъ скипетромъ ея государей множество чуждыхъ другъ другу, и по языку и по религіи и по всему укладу жизни, племенъ и народовъ. А идеаломъ Русскаго Царя былъ для него Императоръ Александръ III.

Все же катастрофическій проигрышъ войны съ Японіей, вызвавшій быстрый ростъ активного революціоннаго движенія и, вскорѣ же по открытіи военныхъ дѣйствій противъ Германіи, вновь выяснившаяся неподготовленность русской арміи къ этой титанической борьбѣ, долженствовавшей рѣшить судьбы Европы и горячо любимой имъ родины, и неспособность бюрократіи справиться съ грандіозными задачами снабженія не только фронта, но и самаго питающаго его тыла, не могли не вызвать въ немъ, какъ человѣкъ въдумчивомъ, глубокихъ сомнѣній въ правильности своихъ собственныхъ убѣжденій.

Помню, какъ разъ, въ частномъ разговорѣ со мною на эту тему еще въ началѣ 1916-го года онъ, вопреки голосу своего сердца, съ тоскою въ голосѣ воскликнулъ: «Неужели же только революція можетъ спасти Россію?».

Отвѣтить на этотъ мучительный вопросъ было невозможно. Но опытъ 1905-06 годовъ, съ его трагедіями «Потемкина», «Памяти Азова» и фортовъ Свеаборга стоялъ грознымъ предостереженіемъ, забыть которое мы не могли.

Какъ глубоко правъ былъ поэтъ въ своихъ пророческихъ словахъ:

«О, бурь уснувшихъ не буди:
Подъ ними хаосъ шевелится» *).

Мы оба инстинктивно это чувствовали, хотя и не умѣли эту мысль такъ ярко тогда оформить.

Между тѣмъ борьба за власть между бюрократіей и законодательными органами все обострялась и, чѣмъ дальше, тѣмъ все яснѣе становилась невозможность ихъ соглашенія мирнымъ путемъ и тѣмъ грознѣе вставалъ передъ мысленнымъ взоромъ Непенина мрачный призракъ революціи.

Умѣвшій изъ доходившихъ до него случайныхъ свѣдѣній читать самыя скрытныя намѣренія нѣмецкаго морского, а подчасъ даже и сухопутнаго военного командованія, онъ и на этомъ внутреннемъ политическомъ фронтѣ стремился получать освѣдомленія о происходящемъ, по возможности, изъ первоисточниковъ. Въ бытность его Начальникомъ Службы Связи освѣдомителемъ его являлся его ближайшій помощникъ капитанъ 1 ранга М. П. Давыдовъ. Военный юристъ по образованію, имѣвшій нѣкоторыя личныя связи въ Думскихъ кругахъ и способный критически разбираться въ оцѣнкѣ получаемыхъ свѣдѣній, Давыдовъ отнюдь не былъ «краснымъ», какъ его окрестили въ нѣкоторыхъ кругахъ за весьма умѣренно-либеральныя взгляды. Призракъ «Махаевщины» **) тяготѣлъ надъ его сознаніемъ, и революція въ Россіи рисовалась ему словами Пушкина, какъ «бунтъ безсмысленный и беспощадный». И именно поэтому Непенинъ такъ и довѣрялъ его информаціи.

По вступленіи въ командованіе флотомъ онъ получаетъ освѣдомленіе о положеніи на политическомъ фронтѣ и непосредственно изъ Морского Генеральнаго Штаба отъ замѣстителя, находившагося въ Царской Ставкѣ адмирала Руси-на контръ-адмирала графа Алексѣя Павловича Капниста, ко-

*) Ф. Тютчевъ. "О чемъ ты вѣшь, вѣтръ ночной".

**) Въ 1905 г. рабочій Махаевъ призывалъ истреблять всю интеллигенцію, потому что она "народъ окрутить". Въ 1917-18 г.г., какъ извѣстно, люди арестовывались за "бѣлыя руки", отличавшія людей "образованныхъ", и тѣмъ самымъ считавшихся "врагами народа". Б. Д.

торымъ онъ, главнымъ образомъ, и руководится въ своей дѣятельности, даже въ мелочахъ.

Какъ извѣстно, въ составѣ Государственной Думы состояли въ это время два близкихъ послѣднему человѣка: двоюродный братъ гр. А. А. Капнистъ 1-й (по старшинству пребыванія въ Думѣ) и родной братъ гр. Димитрій Павловичъ Капнистъ 2-й. Оба они принадлежали къ правому крылу партіи Октябристовъ, представлявшему земско-помѣщичій элементъ, весьма далекій отъ какихъ-либо крайнихъ теченій.

Естественно, что именно изъ этихъ круговъ, въ которыхъ надежда на спасеніе положенія въ странѣ путемъ мѣропріятій свѣше все еще не угасла, и черпалъ по преимуществу свои собственныя свѣдѣнія Помощникъ Н-ка Морского Генеральнаго Штаба, бывая съ этой цѣлью и на частныхъ собраніяхъ ихъ членовъ.

Въ обстановкѣ момента это было прямой его обязанностью. И все же, повидимому, это обстоятельство дало основаніе нѣкоторымъ безотвѣственнымъ кругамъ обвинять его, а съ нимъ и весь Штабъ, не только въ участіи въ планахъ государственнаго переворота, зрѣвшихъ въ общественныхъ кругахъ, но даже и въ разработкѣ своего собственного, получившаго, съ легкой руки С. Мельгунова, зловѣщее имя «Морского Заговора» *).

Конечно, людямъ хорошо знавшимъ умнаго и честнаго адмирала Русина, проявившаго въ должности командира лин. кор. «Слава» большое мужество и вѣрность долгу въ грозные дни готовившагося общаго бунта на судахъ и въ крѣпостяхъ Балтійскаго моря въ 1906-мъ году и лойяльность его помощника, неспособнаго вести какую-либо игру за спиной своего начальника, подобныя предположенія кажутся просто не заслуживающими вниманія. И все же, во избѣжаніе обвиненій въ сокрытіи или искаженіи фактовъ, обойти ихъ полнымъ молчаніемъ невозможно, тѣмъ болѣе, что въ этомъ повѣствованіи о «заговорѣ» упоминаются, хотя и всего лишь косвенно, имена чиновъ Штаба Командующаго Балтійскимъ Флотомъ и даже самого Непенина.

*) С. Мельгуновъ. "На путяхъ къ дворцовому перевороту". Парижъ 1931 г.

МОРСКОЙ ЗАГОВОРЪ .

Сущность этого дѣла, о которомъ по словамъ Мельгунова *), «осенью 16-го года начинаютъ ходить въ обществѣ упорные слухи», заключалась, насколько можно судить изъ его туманнаго разсказа, въ противодѣйствиіе готовившемуся (къмъ именно — совершенно неясно Б. Д.) дворцовому перевороту, при которомъ, съ отреченіемъ Государя, регенство должно было перейти къ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ **). Отсюда возникаютъ слухи о планѣ ареста Императрицы и ссылки Ея въ Крымъ группой военныхъ, въ числѣ коихъ упоминаются имена генераловъ Алексѣева, Крымова, Пустовойтенко и др., находившихся въ связи съ кн. Львовымъ и членомъ Гос. Совѣта Гучковымъ.

«Могъ опираться Алексѣевъ и на другую военную группу, — говоритъ Мельгуновъ, — очертанія которой неясны ***), и которая имѣла непосредственную связь со Ставкой — это ТОТЪ «МОРСКОЙ ПЛАНЪ», о которомъ слышалъ въ свое время Шульгинъ ****). Планъ этотъ, какъ разсказываетъ послѣдній, заключался въ томъ, чтобы пригласить Государыню на броненосецъ подъ какимъ-либо предлогомъ и увезти въ Англію, будто по Ея собственному желанію. По другой версіи ѣхать (!) долженъ былъ Государь, а Наслѣдникъ долженъ былъ быть объявленъ Императоромъ».

Шульгинъ говоритъ, что молва среди флотскихъ офицеровъ (какихъ и гдѣ? Б. Д.) упорно связывала этотъ «Морской планъ» съ замыслами А. И. Гучкова, но, по словамъ Мельгунова, самъ Гучковъ свою «связь съ моряками» отрицаетъ. «Приходится думать, — заключаетъ послѣдній, — что Морской Планъ былъ не одинъ. Скорѣе существовало нѣсколько отдѣльных кружковъ, пожалуй между собой не связанныхъ, отъ которыхъ шли нити къ разнымъ кругамъ общественности — отъ Великокняжеской среды до круговъ думскихъ и земскихъ...» «Моряки въ Ставкѣ могли опираться

*) "На путяхъ дворцоваго переворота" Парижъ 1931.

**) То же, стр. 97-98. Парижъ 1931.

***) То же, стр. 100. Курсивъ мой. Б. Д.

****) В. В. Шульгинъ "Дни".

на ту часть Гвардейскаго экипажа, которая была направлена туда для несенія Императорской охраны *)».

Какъ видно изъ словъ «молва», «приходится думать», «могли опираться» и т. п., — всѣ эти «планы» дальше досужихъ разговоровъ, которыми въ тѣ времена были полны всѣ столичные «салоны», не шли, и мало чѣмъ отъ нихъ отличались, являясь лишь отраженіемъ общихъ настроеній. И судить о серьезности ихъ въ отношеніи всей морской среды въ столицѣ, не говоря уже объ огульномъ обвиненіи Морского Генеральнаго Штаба съ гр. Капнистомъ во главѣ, а тѣмъ болѣе офицерскаго состава на Дѣйствующемъ Флотѣ, было бы болѣе чѣмъ неправильно и несправедливо.

Все же, какъ говорить пословица, нѣтъ дыма безъ огня. И если о всей этой исторіи пламени и не было, то какія-то искры отъ всякихъ политическихъ костровъ, разгоравшихся то тамъ, то здѣсь въ кругахъ русской общественности, неизбежно должны были залетать и въ морскую среду. Примѣромъ этому служатъ два наиболѣе аутентичныхъ источника: опубликованный коммунистами дневникъ кап. 1 ранга И. И. Ренгартена **) и воспоминанія кап. 2 р. Ф. Ю. Довконта ***), — состоявшихъ въ Штабѣ Флота.

«Душою заговора, — говоритъ Мельгуновъ, — называютъ бывшаго редактора «Морского Сборника» капитана 2-го ранга Житкова... Въ его участіи сомнѣваться не приходится... Редакція «Морского Сборника» становилась центромъ оппозиціи — тамъ еще въ ноябрѣ размножались и раздавались копіи запрещенныхъ думскихъ рѣчей».

Велъ Житковъ и пропаганду переворота въ стилѣ указаннаго выше «Морскаго заговора», пытаясь привлечь къ нему и чиновъ Штаба Командующаго Балтійскимъ Флотомъ, но, какъ видно изъ дневника Ренгартена, ему удалось воздѣйствовать только на этого послѣдняго. Въ своемъ дневникѣ отъ 27-го февраля 1917 г. Ренгартенъ записываетъ: «Житковъ

*) С. Мельгуновъ. "На путяхъ дворц. переворота" стр. 159.

**) Февральская Революція въ Б. Ф. (Кр. Архивъ XXXII). Дневникъ опубликованъ въ выдержкахъ и потому къ нему надо относиться съ осторожностью. По словамъ Довконта авторъ велъ его подъ своимъ шифромъ и м. б. коммунисты не смогли его расшифровать полностью, но это маловероятно. Вѣрнѣе видѣть въ этомъ подтасовку фактовъ. Б. Д.

***) Письмо автору.

можетъ совершенно справедливо ругать НАСЪ за то, что МЫ отнесли въло, неэнергично къ ПРИНЦИПІАЛЬНОЙ СТОРОНѢ ВОПРОСА поднятаго имъ. Если были не согласны съ его планомъ, то МЫ ДОЛЖНЫ БЫЛИ НЕ ТОЛЬКО ЕГО ОТВЕРГНУТЬ, НО И ПРЕДЛОЖИТЬ СВОЙ, который и проводить затѣмъ въ жизнь» *). НО ВЪ ШТАБѢ НИКАКИХЪ ПЛАНОВЪ НЕ СУЩЕСТВОВАЛО.

«Мы» — это, кромѣ автора дневника, Начальникъ Оперативнаго Отдѣла Штаба кап. 1 р. кн. Черкасскій и его помощникъ кап. 2 р. Довконтъ. Мельгуновъ говоритъ, что «по одной записи Ренгартена, касающейся бесѣды его съ Непенинымъ, можно заключить, что и Непенинъ имѣлъ КАКОЕ-ТО ОТНОШЕНІЕ КЪ НАМѢЧАВШЕМУСЯ ПЕРЕВОРОТУ... о письмѣ Гучкова къ Алексѣеву, въ которомъ говорилось, Разговоръ шелъ по поводу полученныхъ «документовъ» (?) что «если кто-нибудь, что-нибудь и можетъ сдѣлать, то это вы» (т. е. Алексѣевъ. Б. Д.), о ноябрьскихъ рѣчахъ, обвинявшихъ Александру Феодоровну въ «шпіонажѣ», о совѣщаніи Протопопова съ членами Гос. Думы и т. д.

Ренгартенъ сказалъ Непенину, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ старшихъ начальниковъ, которые МОГЛИ БЫ УКАЗАТЬ МОНАРХУ НА ОПАСНОСТЬ ПОЛОЖЕНІЯ (Курсивъ мой. Б. Д.)... «Адмиралъ ходилъ по каютѣ взадъ и впередъ, видимо задѣтый моими послѣдними словами, записываетъ Ренгартенъ. — Подумавъ онъ отвѣтилъ, что прямой, открытый путь невозможенъ... Извѣстно, точно, что не было, чтобы монархъ, проигравшій большую національную войну, оставался на тронѣ...». Въ заключеніе адмиралъ сказалъ мнѣ «ДУМАНО ОБЪ ЭТОМЪ, МНОГО ДУМАНО, МНОГО НОЧЕЙ **)... Далѣе онъ сказалъ что-то непонятное и отрывочное, что собираетъ къ себѣ людей, которымъ вѣрить что-то о корабляхъ, на которые можно разсчитывать... Я НИЧЕГО НЕ ПОНЯЛЪ — это были отрывки мыслей, произнесенныхъ вслухъ».

«Такъ какъ Ренгартенъ, связанный дружескими узами съ Житковымъ — говоритъ Мельгуновъ, — былъ до нѣкоторой

*) Курсивы мои. Б. Д.

**) Курсивъ мой. Ясно, что никакихъ плановъ вообще въ Штабѣ не существовало и все сводилось лишь къ неизбежному пересуживанію положенія, изъ котораго НЕ БЫЛО ВИДНО ВЫХОДА. Б. Д.

степени посвященъ въ секретные планы, можно думать, что онъ какъ бы испытывалъ Непенина». И, заключаетъ это личное свое предположеніе совершенно неожиданнымъ выводомъ: «Очевидно послѣдній свои организаціонные планы (какіе? И откуда очевидность? Б. Д.) предпринималъ за свой страхъ, или въ связи съ однимъ изъ описанныхъ выше начинаній. ЧУДНОЙ НЕПЕНИНЪ ОТЛИЧАЛСЯ БОЛЬШИМЪ РЕАЛИЗМОМЪ И, ПО МНѢНІЮ ЕГО ЗНАВШИХЪ, ЕДВА ЛИ ПРИНЯЛЪ БЫ УЧАСТІЕ ВЪ НЕСЕРЬЕЗНОМЪ ДѢЛѢ». (Курсивъ мой. Б. Д.). Послѣднее заключеніе поистинѣ справедливо и даетъ точную формулировку его отношенія къ фантазіямъ Житкова и Ренгартена. Но общее впечатлѣніе отъ разсказа и собственныхъ умозаключеній, претендующаго на званіе лѣтописца Мельгунова, невольно вызываетъ въ памяти хохлацкую пѣсеньку: «Въ огородѣ бузина, а въ Кіевѣ дядько. За то жъ тебе полюбила, що на руцѣ перстень».

Между тѣмъ, на основаніи подобныхъ сужденій нерѣдко пишется исторія, уже не могущихъ сказать свое слово изъ поглотившей ихъ могилы, людей.

Необходимо поэтому отмѣтить и показаніе личнаго свидѣтеля всѣхъ этихъ переговоровъ, утверждающаго, что какъ САМИМЪ НЕПЕНИНЫМЪ, такъ и ВСѢМИ ОФИЦЕРАМИ ОПЕРАТИВНОЙ ЧАСТИ ФЛОТА, КАКОЕ-ЛИБО УЧАСТІЕ ФЛОТА ВЪ ПОДОБНОМЪ ДѢЛѢ БЫЛО КАТЕГОРИЧЕСКИМЪ ОБРАЗОМЪ ПРИЗНАНО АБСОЛЮТНО НЕПРИЕМЛЕНЫМЪ». И, когда Житковъ, лично прибывъ затѣмъ въ Гельсингфорсъ, пытался убѣдить Непенина, Черкаскаго и Довконта принять участіе въ упомянутыхъ планахъ «Морского Заговора», ТО ЕМУ БЫЛО КАТЕГОРИЧЕСКИ ВЪ ЭТОМЪ ОТКАЗАНО *). (Курсивъ мой. Б. Д.).

Заслуживаетъ вниманія и слѣдующее воспоминаніе того же свидѣтеля. «Въ декабрѣ 1916 года... насъ агитировалъ Сэръ Бьюкененъ, Посолъ Британіи (онъ не обмолвился объ этомъ въ своихъ мемуарахъ ни слова). Былъ планъ арестовать Царя — это Дума придумала — во время смотра Флота... мы отклонили... думскіе «Дьяки» не могли объяснить, что послѣ ареста они бы дѣлали съ Царемъ. Но было рѣшено поговорить съ Непенинымъ вообще о положеніи... Адми-

*) Кап. 2 р. Ф. Ю. Довконтъ. Письмо автору отъ 17-1-56 и 3-4-56 г.

раль оказался очень вдумчивымъ и озабоченнымъ» *). Къ сожалѣнію, авторъ не даетъ прямыхъ указаній, что именно и черезъ кого предлагалъ Бюкененъ, и какую связь это имѣло съ Государственной Думой, такъ какъ насколько можно судить по приведеннымъ выше разслѣдованіямъ Мельгунова, послѣдняя никакого отношенія къ пресловутому «Морскому Заговору» не имѣла.

Какъ бы то ни было, но изъ всего сказаннаго нетрудно видѣть какое давленіе съ различныхъ сторонъ велось на Непенина съ цѣлью вовлечь его въ активное участіе въ авантюрныхъ планахъ государственнаго переворота. И если, несмотря на это, онъ ни въ одномъ изъ нихъ участія не принялъ, то этому были три главные причины. Первой, вѣдь всякаго сомнѣнія, являлось препятствіе нравственное. Нарушить долгъ присяги значило бы для него измѣнить самому себѣ. Вторымъ, чисто практическимъ соображеніемъ, вызывавшимъ колебанія, было его полное внутреннее согласіе съ мыслью, въ самой категорической формѣ высказанной ген-мъ Алексѣевымъ, посѣтившимъ его во время его отпуска въ Крыму въ концѣ февраля представителямъ нѣкоторыхъ Думскихъ круговъ о НЕДОПУСТИМОСТИ КАКИХЪ-ЛИБО ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ПОТЯСЕНІЙ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ **).

Людямъ, никогда не несшимъ огромной нравственной отвѣтственности передъ всей Россіей за послѣдствія своихъ поступковъ и даже словъ, теперь, когда кровавыя страницы исторіи тѣхъ дней уже прочитаны, легко осуждать тѣхъ, кто, стоя въ тѣ дни во главѣ вооруженныхъ силъ, бывалъ, въ силу обстоятельствъ, вынужденъ дѣйствовать даже вопреки своимъ убѣжденіямъ.

Уйти съ поста, устранившись, пока еще тлѣла хоть одна искра возможности исправленія положенія, было бы недостойнымъ дезертирствомъ. И Непенину не оставалось ничего другого, какъ только наблюдать за теченіемъ событій.

Какія-либо репрессіи съ его стороны противъ даже лишь чина своего штаба за участіе въ какихъ-то политическихъ авантюрахъ, къ тому же не выходившихъ за предѣлы отвлеченныхъ идей, были бы, въ обстоятельствахъ момента, совер-

*) Письмо Довконта автору 17-1-56.

**) Мельгуновъ. "На путяхъ Дворцоваго Переворота", стр. 101. Курсивъ мой. Б. Д.

шенно нецѣлесообразны и только лишили бы его хорошаго источника освѣдомленія, которое могло бы способствовать правильному разрѣшенію возникавшихъ задачъ, возлагавшихъ на его плечи колоссальную отвѣтственность передъ Россіей и врученнымъ ему флотомъ.

Особенно тяжелое впечатлѣніе произвелъ на него быстро ставшій ему извѣстнымъ эпизодъ съ вызовомъ по приказанію Государя Морского Министра адмирала И. К. Григоровича, о которомъ подробно рассказываетъ контръ-адмиралъ А. Д. Бубновъ *).

Предупрежденный адмираломъ Русинымъ о томъ, что вѣроятной причиной его экстреннаго вызова въ Ставку является предстоящее ему предложеніе занять постъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, Григоровичъ былъ изумленъ, когда Государь спросилъ его только: «Имѣете ли вы какіе-нибудь доклады Мнѣ?» — и, не говоря болѣе о какихъ-либо дѣлахъ, отпустилъ его обратно въ Петроградъ.

Въ Морскомъ Штабѣ это ставилось въ связь съ имѣвшимъ въ промежуткѣ разговоромъ Государя съ Императрицей по телефону. И это представляется вполне вѣроятнымъ, т. к. самъ Государь вполне довѣрялъ Григоровичу и очень его цѣнилъ. Объ этомъ свидѣлствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ б. Предсѣдатель Верховной Слѣдственной Комиссіи А. Н. Наумовъ **). Когда по проискамъ ставленника Распутина Начальника Департамента Полиціи Бѣлецкаго, пытавшагося очернить адмирала въ полученіи отъ Нобеля акцій Ноблесснера, Наумовъ собирался начать слѣдствіе, Государь лично приказалъ ему «Григоровича не трогать». А самъ Бѣлецкій, увѣрявшій Наумова будто онъ самъ видѣлъ эти акціи въ сейфѣ банка, окончательно запутался въ своихъ показаніяхъ и на предложеніе представить эти акціи заявилъ, что Григоровичъ отправилъ ихъ въ Америку. Слѣдствіе было прекращено. Но самъ Наумовъ, лично увидя впослѣдствіи, какъ скромно жилъ Григоровичъ во Франціи, продавая картины своей собственной работы, окончательно убѣдился, что вся эта интрига противъ Григоровича была подстроена Распутинской кликой.

*) "Въ Царской Ставкѣ" стр. 195-198. Изд. имени Чехова. Нью Йоркъ.

**) А. Н. Наумовъ — "Изъ уплѣвшихъ воспоминаній", 1868-1917. Кн. 2-я стр. 327-334. Изд. А. К. Наумовой и О. А. Кусевиткой. Нью Йоркъ 1955 г.

Эпизодъ въ Ставкѣ тоже указывалъ на это и, ставъ извѣстенъ Непенину, подорвалъ въ немъ послѣднія надежды на спасеніе положенія свѣше.

ПОСЛѢДНЕЕ СВИДАНІЕ .

Во второй половинѣ февраля настроеніе Непенина замѣтно стало ровнѣе. Повидимому онъ, если и не питалъ уже надежды на мирное разрѣшеніе назрѣвавшаго кризиса взаимоотношеній Правительства съ Думой, то имѣлъ основаніе думать, что, такъ или иначе, предстоящее оперативное вскрытіе этого нарыва принесетъ съ собою благопріятный переворотъ къ оздоровленію страны, а съ этимъ и подчиненнаго ему флота.

Объ этомъ можно судить потому, что долго откладывавшій, даже по затишью военныхъ дѣйствій на морѣ, всякія разрѣшенія отпусковъ команднаго состава, онъ въ эти дни совершенно неожиданно сталъ ихъ давать и начальникамъ боевыхъ частей, и командамъ судовъ.

Совершенно неожиданно это коснулось и меня лично. Слѣдуетъ сказать, что когда Колчакъ получилъ назначеніе Командующимъ Черноморскимъ Флотомъ, онъ, составляя свой штабъ, вызвалъ меня и предложилъ занять должность Начальника предстоящей къ формированію, на основѣ разработаннаго мною проекта для Авіаціи Балтійскаго Моря, Черноморской Воздушной Дивизіи. И такъ какъ при этомъ главной задачей, мнѣ предстоявшей, онъ ставилъ и разработку плановъ участія авіаціи въ операціи противъ Босфора, и личное ихъ выполненіе, то легко понять насколько это было соблазнительно.

Однако Непенинъ, которому я объ этомъ доложилъ, высказалъ рядъ возраженій, главнымъ изъ которыхъ являлось ожидавшееся имъ широкое развитіе весной 1917-го года операцій Германскаго Флота въ Рижскомъ заливѣ, гдѣ и нашей авіаціи предстояла не малая роль.

При этомъ онъ весьма резонно добавилъ, что слѣдуетъ подумать и о томъ, какъ отнесется къ моему назначенію личный составъ Черноморской Авіаціи, имѣющей въ своихъ собственныхъ рядахъ достойныхъ и лучше меня знающихъ мѣст-

ныя условія кандидатовъ. Мнѣ же самому предстоитъ еще провести въ жизнь въ Балтійскомъ морѣ новое положеніе, Высочайшаго утвержденія котораго можно ожидать со дня на день.

Если же Колчаку понадобится моя помощь, то онъ готовъ будетъ дать мнѣ временную командировку поздней осенью, когда Балтійская авіація будетъ почти въ бездѣйствіи.

«Кстати, — добавилъ онъ, — это послужитъ вамъ и за-служеннымъ трехлѣтней работой отпускомъ. Возьмете съ собою супругу и отдохнете въ Крыму». Такъ и было мною условлено съ Колчакомъ.

Само собой разумѣется, что со вступленіемъ Непенина въ командованіе флотомъ, и моего — въ должность Начальника Воздушной Дивизіи Балтійскаго Моря, я не смѣлъ и думать беспокоить его напоминаніемъ объ этомъ, въ особенности ввиду все разгоравшейся политической борьбы, грозившей превратиться во всероссійскій пожаръ.

Однако, никогда своихъ словъ не забывавшій, Непенинъ, въ послѣднихъ числахъ февраля неожиданно вызвалъ меня изъ Ревеля въ Гельсингфорсъ и самъ напомнилъ мнѣ объ этомъ, прибавивъ, что Колчакъ меня ожидаетъ для совмѣстнаго совѣщанія съ контръ-адмираломъ М. О. Федоровичемъ, получившимъ въ командованіе Воздушную Дивизію Чернаго моря.

Когда же я выразилъ сомнѣніе въ своевременности моего отпуска ввиду напряженнаго положенія, онъ съ улыбкой отвѣтилъ, что по свѣдѣніямъ Морского Генеральнаго Штаба, всѣ мѣры къ подавленію какихъ-либо безпорядковъ въ столицѣ генераломъ Хабаловымъ приняты и, по завѣреніямъ подлежащихъ военныхъ властей, опасаться чего-либо серьезнаго не приходится.

Все же, на всякій случай, онъ рекомендовалъ мнѣ по приѣздѣ въ Петроградъ явиться въ Генеральный Штабъ для полученія вализы на имя Штаба Черноморскаго флота, обезпечивающей мнѣ отдѣльное купѣ, и тамъ еще разъ провѣрить свѣдѣнія о положеніи въ городѣ.

Покончивъ съ дѣлами онъ пригласилъ меня къ себѣ на домъ къ обѣду, и мы провели уютный вечеръ въ семейной обстановкѣ до отхода ночного поѣзда. Ничто не подсказало

никому изъ насъ, что это было нашимъ послѣднимъ свиданіемъ.

Сказать откровенно, общее настроеніе столицы показалось мнѣ напряженнымъ. Но, припоминая свои впечатлѣнія, испытанныя здѣсь по возвращеніи изъ плѣна въ 1905 году, когда офицеру въ морской формѣ было рискованно появляться на Невскомъ изъ-за грозившихъ оскорбленій со стороны революціонно настроенныхъ типовъ, общая картина дѣйствительно не казалась грозной. Подъ Адмиралтейскимъ шпицомъ вѣтра въ генерала Хабалова не слабѣла и, получивъ ордеръ на купе и вализу, мы съ женой покатили на благословенный Югъ, наслаждаясь комфортомъ тогдашняго русскаго казеннаго вагона.

Вскорѣ за Москвой поползли тревожные слухи о бывшихъ въ Петроградѣ безпорядкахъ, но ничего опредѣленнаго не было. И, даже когда въ Симферополѣ пассажирамъ было объявлено, что по распоряженію адмирала Колчака поѣздъ дальше не пойдетъ и всякое сообщеніе съ Севастополемъ отрѣзано, то общимъ впечатлѣніемъ было, что это связано съ какими-нибудь оперативными планами флота, и лично у меня вызвало лишь опасеніе опоздать къ участію въ нихъ.

Нанявъ автомобиль мы проѣхали въ Ялту, гдѣ, на посту Службы Связи я узналъ, что всякое, даже телефонное сообщеніе поста, съ Севастополемъ отрѣзано. Оставалось выжидать дальнѣйшихъ извѣстій вмѣстѣ съ находившимся здѣсь въ отпуску моимъ товарищемъ по выпуску капитаномъ 1 р. — княземъ Д. Голицынымъ.

Мирно дремала лишенная туристовъ любимая Царской Семейей «жемчужина Русской Короны». Не было ни газетъ, не доходили письма и, волей-неволей мы мирно наслаждались прогулками по ея побережью и высотамъ Яйлы.

3-го марта, при выходѣ изъ гостинницы «Аріадна» я былъ остановленъ сидѣвшимъ на лавочкѣ у двери старичкомъ. Видъ у него былъ растерянный.

«Капитанъ» — прошепталъ онъ мнѣ на ухо. — «Вы слышали, что жида выдумали? Будто Государь отрекся отъ Престола».

Узнавъ, что онъ видѣлъ выставленный въ окнѣ часового магазина Манифестъ Государя, мы бросились туда.

Въ городѣ царилъ тишина. У окна часовщика стояла группа челоуѣка четыре-пять, въ подавленномъ молчаніи читавшихъ этотъ трагическій актъ русской исторіи. Сомнѣній не было — долго грозившій государственный переворотъ совершился. И тотъ фактъ, что онъ исходилъ свыше, рождалъ надежду, что теперь должно наступить успокоеніе страны.

Но какъ непонятенъ былъ онъ простому русскому челоуѣку свидѣтельствовала реакція стоявшаго невдалекѣ городского. Блюстителя привычнаго порядка даже наша небольшая группа у окна обезпокоила. «Проходите, проходите господа», — укоризненно замѣтилъ онъ намъ. — «Ну чего не видали?»

Поистинѣ отъ трагедіи до комедіи одинъ шагъ. Но никто изъ насъ даже не улыбнулся. Сердце било тревогу. Однако краткіе газетные бюллетени этого дня были настолько оптимистичны, что, даже узнавъ изъ нихъ объ арестѣ своего отца въ Государственной Думѣ, Голицынъ съ облегченіемъ вздохнулъ: «По крайней мѣрѣ онъ теперь въ безопасности».

Впрочемъ тогда не одни только мы, стоявшіе въ сторонѣ отъ политики офицеры, но и большинство тѣхъ, кто революцію дѣлалъ, были далеки отъ сознанія того, что она будетъ не просто политическимъ актомъ, но и кореннымъ социальнымъ переворотомъ, со всѣми присущими таковому кровавымъ послѣдствіями.

Въ тотъ же день постъ Службы Связи сообщилъ, что на слѣдующее утро за мною придетъ автомобиль, и Командующій Флотомъ ожидаетъ видѣть меня.

ГРОЗА РАЗРАЗИЛАСЯ.

Увидѣть Колчака въ тотъ же день не удалось. Онъ былъ перегруженъ работой въ связи съ создавшимся тяжелымъ положеніемъ.

Съ балкона Морского Собранія смотрѣли мы на объявленіе имъ выстроеннымъ на площади командамъ судовъ и гарнизона крѣпости объ отреченіи Государя и сформированіи Временнаго Правительства. Все происходило сурово торжественно, въ полномъ соотвѣтствіи съ грознымъ величіемъ переживаемаго Россіей переломомъ основъ ея многовѣкового

исторического пути, и въ сердцѣ рождалась надежда на безболѣзненное его осуществленіе въ жизнь. Но это длилось не долго.

«НЕПЕНИНЪ УБИТЬ». Этими словами встрѣтилъ меня Колчакъ, когда на слѣдующее утро я былъ вызванъ къ нему на «Георгій Побѣдоносецъ». «БАЛТИЙСКОМУ ФЛОТУ НЕ ПРОСТИТСЯ ЭТО ПРЕСТУПЛЕНИЕ» воскликнулъ онъ съ глубокой горечью въ голосъ и протянулъ мнѣ телеграмму Морского Министра, сообщающую о кровавыхъ событіяхъ на судахъ въ Гельсингфорсѣ и въ Кронштадтѣ. Я былъ потрясенъ. Сердце забило тревогу о моей Воздушной Дивизіи, разбросанной по побережью и островамъ Балтики.

«Я долженъ немедленно возвратиться въ Ревель» — сказалъ я.

«Курьерскій поѣздъ пойдетъ сегодня вечеромъ» — отвѣтилъ онъ. — «Зайдите къ Смирнову за вализой. Распоряженіе о купѣ будетъ дано. Дай Богъ увидѣться снова, когда все наладится. А сейчасъ мнѣ надо объѣхать суда. Счастливаго пути.

Увы, хаосъ грозно зашевелился, и вскорѣ по всему лону Россіи полилась кровь ея лучшихъ сыновъ, виновныхъ лишь въ томъ, что они горячо любили свою Родину и свой народъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Контръ-адмиралъ Б. П. Дудоровъ

ОТЪ АВТОРА.

Въ примѣчаніи на страницѣ 96, Тома XIX № 1/2 — 54 «Морскихъ Записокъ» мною было допущено неподходящее и неточное выраженіе въ отношеніи судьбы двухъ мичмановъ: Н. Н. Крыжановскаго и А. А. Саковича, «ПОЩАЖЕННЫХЪ» бунтовщиками во время возстанія на «Памяти Азова». Бунтовщики не щадили никого, и только протесты кадровой команды принудили членовъ революціоннаго комитета отложить расправу съ молодыми офицерами.

Замѣченныя опечатки — тамъ же — Дата возстанія 1906, а не 1916 годъ; слѣдуетъ читать Н. Н. (а не Н. Е.) Крыжановскій.

Рѣдкій Юбилей

Семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, Высочайшимъ приказомъ по Флоту и Морскому Вѣдомству отъ 14 сентября 1891 г. (с. с.) за № 595 были произведены въ мичманы гардемарины, окончившіе Морской Корпусъ. Въ этомъ выпускѣ, 6-мъ по старшинству былъ младшій ун.-оф. Димитрій Никитинъ. Дальнѣйшая служба Димитрія Владиміровича протекала, главнымъ образомъ, въ заграничныхъ плаваніяхъ, и въ теченіе слѣдующихъ 13 лѣтъ ему пришлось участвовать въ интервенціи въ войнѣ Японіи съ Китаемъ (1894 г.), въ занятіи Портъ-Артура (1898 годъ), въ боксерской экспедиціи и походѣ на Пекинъ (1900) и въ русско-японской войнѣ (1904-5 г.г.). Произведенный въ штабъ офицеры, Димитрій Владиміровичъ, отбывъ цензъ старшаго офицера крейсера «Богатырь», командовалъ миноносцами «Подвижный» и «Сибирскій Стрѣлокъ» въ Минной Дивизіи Балтійскаго моря, а затѣмъ былъ Начальникомъ дивизіона миноносцевъ когда началась 1-ая Міровая война. Въ дальнѣйшемъ Димитрій Владиміровичъ былъ Помощникомъ Начальника Учебно-миннаго отряда, въ каковой должности онъ находился до марта 1917 г. Съ революціей онъ вышелъ въ отставку контръ-адмираломъ и, когда во Владивостокѣ была возстановлена власть бѣлыхъ, принялъ участіе въ гражданской войнѣ на Дальнемъ Востокѣ. Въ 1920 г. Димитрій Владиміровичъ эвакуировался въ Японію, а въ 1923 г. прибылъ въ С.Ш.А. и обосновался въ Сеаттлѣ, гдѣ проживаетъ и въ настоящее время, пользуясь любовью и большимъ уваженіемъ въ русской колоніи.

Адмиралъ Д. В. Никитинъ, подъ псевдонимомъ «Фокагитовъ», уже съ 1900 г. занимается литературной дѣятельностью, и его талантливныя статьи на морскія темы печатаются въ русскихъ газетахъ и журналахъ. Помимо сотрудничества въ периодической печати, перу Димитрія Владиміровича принадлежатъ вышедшія незадолго до 2-ой Мировой войны книги: «Въ отлива часть» и «На берегу и въ морѣ», въ настоящее время являющіяся библиографическими рѣдкостями.

Поздравляя Димитрія Владиміровича съ 70-лѣтнимъ юбилеемъ пребыванія въ офицерскихъ чинахъ, редакція считаетъ необходимымъ отмѣтить заслуги адмирала Д. В. Никитина какъ блестящаго морского офицера, талантливаго писателя и морского историка, передавашаго слѣдующимъ поколѣніямъ красивыя картины былого и интересные эпизоды изъ прошлаго Императорскаго Флота, и, отмѣчая столь рѣдкій юбилей, выразивъ наше глубокое къ нему уваженіе, пожелать ему здоровья, благополучія и продолженія литературной дѣятельности.

Послѣдующая статья Д. В. Никитина-Фокагитова — «Подъ Флагомъ Адмирала Макарова» недавно появилась на страницахъ газетъ «Наше Время» и «Россія» и, съ разрѣшенія автора печатается въ «Морскихъ Запискахъ».

Редакція

Ежемѣсячная военно-національная газета

„ВѢСТНИКЪ“

11-ый годъ изданія

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ А. А. ГЕРИНГЪ

Представитель въ США : Г. В. Мѣсняевъ

Mr. G. V. Mesniaeff:

6-12, 158th Str., Beechhurst 57, N.Y.

Подписная цѣна съ пересылкой
на годъ \$ 2.40 .

«ПОДЪ ФЛАГОМЪ АДМИРАЛА МАКАРОВА»

(Изъ воспоминаній).

Завѣтъ свой намъ въ наслѣдство
Оставилъ адмираль,
Онъ для побѣды средство
Родному флоту далъ.
Онъ насъ училъ: сближаться
Съ врагомъ, вступая въ бой.
Упорно съ нимъ сражаться
И жертвовать собой.

К. Томсонъ.

(«Памяти адмирала Макарова»).

Въ 1895 году эскадренный броненосецъ «Императоръ Николай I», на которомъ тогда служилъ пишущій эти строки, входилъ въ составъ большой русской эскадры въ водахъ Тихаго океана. Наши суда были сосредоточены заблаговременно ввиду надвигавшагося конфликта съ Японіей.

Островная держава эта, закончивъ весной того же года побѣдоносно войну съ Китаемъ, стала выполнять ту самую программу, которую ей, благодаря русской революціи, удалось на время провести сорокъ лѣтъ спустя. Она желала стать твердой ногой въ Маньчжуріи и достигнуть береговъ рѣки Амура.

Въ маѣ этого года, Россія дипломатически поддержанная Франціей и Германіей, предъявила Японіи ультимативное требованіе: убрать свои войска съ материка Азіи. Одновременно съ этимъ, судамъ нашей эскадры приказано было сосредоточиться въ китайскомъ порту Чифу, который долженъ былъ служить базой въ предстоящей войнѣ.

Нашъ броненосецъ былъ подъ флагомъ контръ-адмирала Степана Осиповича Макарова. Онъ вышелъ въ море вмѣстѣ съ другими судами. На переходѣ адмиралъ приказалъ произвести практическую артиллерійскую стрѣльбу, для провѣрки матеріальной части и подготовки корабля къ бою.

Броненосецъ отдѣлился отъ отряда, отошелъ въ сторону, спустилъ на воду плотикъ со щитомъ и открылъ по нему огонь. По судовому росписанію мѣсто мое по боевой тревогѣ, было на верхнемъ продольномъ мостикѣ. Въ рукахъ у меня была записная книжка и обязанностью моей было отмѣчать въ этой книжкѣ результатъ каждаго выстрѣла.

Всплески снарядовъ стали окружать щитъ. Вдругъ выстрѣлъ изъ лѣвой носовой 9-ти дюймовки встряхнулъ броненосецъ какимъ-то необычнымъ образомъ. Снарядъ вылетѣлъ изъ дула, но упалъ въ воду въ самомъ близкомъ разстояніи отъ борта.

Адмиралъ, уже второй мѣсяцъ страдавшій припадкомъ остраго ревматизма, находился на продольномъ мостикѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Онъ помѣстился въ принесенное ему изъ каюты кресло. Больную, забинтованную ногу онъ положилъ на скамейку.

Сразу же послѣ столь необычно прогремѣвшаго выстрѣла, прибѣжалъ унтеръ-офицеръ и доложилъ что-то адмиралу взволнованнымъ голосомъ. Макаровъ не всталъ, а буквально вскочилъ и, хромая, опираясь на палку, но тѣмъ не менѣе быстрымъ торопливымъ шагомъ, направился въ носовую батарею. Прозвучалъ сигналъ. «Прекратить огонь». Стрѣльба приостановилась.

Вслѣдъ за адмираломъ проникъ въ батарею и я. Тяжелая и мрачная картина представилась моимъ глазамъ: палуба тамъ была залита кровью, а окружающіе 9-ти дюймовку, пиллерсы, вентиляторныя трубы и пр. были погнуты и исковерканы. Подволокъ и стѣны, обожженные пламенемъ и покрытые темнымъ пороховымъ нагаромъ, потемнѣли.

При выстрѣлѣ клиновой затворъ орудія былъ выброшенъ внутрь батареи, а вырвавшимися пороховыми газами оторвало голову комендору этой пушки и переранило ее прислугу. Когда я вошелъ, тѣло убитаго матроса было уже унесено, а раненымъ уже давалась помощь въ судовомъ лазаретѣ.

Несчастіе съ орудіемъ произошло въ самый неблагопріятный для насъ моментъ. Мы шли въ обстановкѣ военного времени. На мачтѣ флагманскаго корабля мы уже видѣли развѣвающимся сигналъ: «Приготовиться къ бою». Несчастный случай съ орудіемъ на нашемъ броненосцѣ могъ посѣять сѣмена недовѣрія въ сердцахъ офицеровъ и матросовъ на всемъ нашемъ отрядѣ. Каждый могъ подумать: «А вдругъ какъ наши пушки, вмѣсто непріятели, начнутъ стрѣлять внутрь своего корабля» ...

Обыкновенный средній человѣкъ на мѣстѣ адмирала Макарова, разсудилъ бы такъ: «Въ замкахъ орудій есть очевидно какой-то техническій недостатокъ, стрѣлять изъ нихъ опасно. Поэтому нужно назначить комиссію изъ специалистовъ, пускай они всесторонне изслѣдуютъ это дѣло, а пока стрѣльбу лучше не производить».

Но не таковъ былъ Степанъ Осиповичъ Макаровъ. На нашихъ глазахъ, собравшихся въ батареѣ офицеровъ, онъ взялъ въ руки затворъ — причину несчастія, внимательно его изслѣдовалъ и въ нѣсколько минутъ выяснилъ, что нужно сдѣлать, чтобы такой случай не повторился. Найдя, что самый затворъ совершенно исправенъ, онъ тотчасъ же приказалъ вновь зарядить пушку, и произвести пробный выстрѣлъ.

Навсегда запечатлѣлась въ моей памяти окружавшая орудіе картина разрушенія и смерти. Сама пушка, густо покрытая пороховымъ нагаромъ, имѣла угрожающій, угрюмый видъ. Она казалась въ эту минуту какимъ-то сказочнымъ чудовищемъ, требующимъ новыхъ человѣческихъ жертвъ.

Пушка заряжена, людей всѣхъ отъ нее убрали. «Господа офицеры, прошу отойти въ сторону», — сказалъ Макаровъ.

Около орудія остался только старшій артиллерійскій офицеръ броненосца, лейтенантъ М. Н. Шрамченко и, въ одномъ шагѣ отъ него, С. О. Макаровъ, опирающійся на палку. Адмиралъ былъ въ своей фуражкѣ съ особымъ большимъ козырькомъ и въ длинной двухбортной тужуркѣ съ георгіевской ленточкой въ петлицѣ. Видная фигура Макарова была олицетвореніемъ спокойствія и увѣренности.

Шрамченко взялъ въ руки шнуръ гальванической орудіейной трубки. «Товсъ» скомандовалъ адмиралъ. Пережитая нами минута была жуткая, какая никогда не забудется.

«Пли!» — раздалась команда Макарова. Пушка, на станкѣ Вавассера рѣзкимъ толчкомъ подалась назадъ при громѣ выстрѣла и сейчасъ же плавно накатилась. Все исправно.

«Посылайте запасную прислугу къ орудію и продолжайте стрѣльбу!» — приказалъ Макаровъ. Черезъ минуту броненосецъ уже снова гремѣлъ по циту всѣмъ бортомъ.

Адмиралъ, уже разъ пережившій боевую страду, зналъ психологію военнаго времени. Погибшій матросъ былъ погребенъ въ морѣ, съ отданіемъ всѣхъ полагающихся почестей и въ присутствіи адмирала, но время похоронъ было назначено адмираломъ въ 2 часа ночи. На суднѣ, кромѣ вахтенныхъ и караула, никто не видѣлъ этой печальной церемоніи.

Благодаря Макарову, довѣріе къ своимъ пушкамъ не было потеряно на броненосцѣ въ критическій моментъ ожиданія войны, а на другихъ судахъ эскадры никто и не узналъ тогда о происшествіи съ нашей пушкой. Мы, офицеры, памятуя завѣтъ Макарова, не болтали о томъ, о чемъ лучше промолчать. Почему-то эта тайна не просочилась наружу и черезъ нижнихъ чиновъ.

Войны тогда не произошло. Японцы цѣликомъ выполнили нашъ ультиматумъ.

Д. В. Никитинъ-Фокагитовъ

„ВОЗРОЖДЕНИЕ“

„LA RENAISSANCE“

Литературно-политическія тетради

Редакція, контора, подписка и продажа отдѣльныхъ номеровъ

73, Av. des Champs-Élysée

PARIS, FRANCE.

Представитель въ Нью Йоркѣ :

Mr. Peter E. Stogoff

89-30, 164th St., Jamaica 32, L. I.

New York.

Военно-морскія дѣйствія на Черномъ морѣ во Вторую Мировую войну

Х. ПОСЛѢДНІЕ МѢСЯЦЫ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Остановивъ наступленіе высаженныхъ въ послѣднихъ числахъ декабря 1941 года въ Феодосіи и у Керчи совѣтскихъ войскъ, нѣмецкія части перешли въ контръ-наступленіе и 18 января 1942 года взяли обратно Феодосію, но позиціи 18-ти километроваго Акъ-Манайскаго перешейка, на которыя отошли разбитыя дивизіи совѣтскаго десанта, прорвать имъ не удалось, и нѣмецко-румынское наступленіе остановилось. На этотъ фактъ не могли не повліять контръ-атаки Севастопольскаго гарнизона, потѣснившія въ первой недѣлѣ января въ Мекензевыхъ горахъ и на 4-омъ, приморскомъ, секторѣ обороны оставленныя передъ крѣпостью дивизіи. Дальнѣйшее продвиженіе впередъ севастопольцевъ могло явиться угрозой тылу войскъ, сражавшихся у Керченскаго полуострова, но для этого у гарнизона крѣпости не хватало силъ. 9 января въ Севастополь пришли крейсеръ «Молотовъ» и транспорты «Бѣлостокъ» и «Украина», доставившіе стрѣлковую дивизію и подкрѣпленія общей численностью 14.000 бойцовъ. Во второй половинѣ января сухопутные бои въ Крыму затихли и обѣ стороны, желая опередить противника въ готовности, начали съ поспѣшностью накапливать силы для дальнѣйшихъ дѣйствій.

Суровая зима не благоприятствовала операціямъ; Одесскій районъ, Керченскій проливъ и почти все Азовское море покрылись льдомъ. Ледъ былъ настолько проченъ, что 27 февраля нѣмецкій отрядъ, выйдя изъ Мариуполя совершилъ набѣгъ на кубанскій берегъ. Совѣтскіе саперы оборудовали черезъ Керченскій проливъ ледяныя дороги, по которымъ съ косы Чушка въ Эникале перевозились припасы и шли подкрѣпленія. Но этотъ путь, начинавшійся вдали отъ желѣзныхъ дорогъ, не смогъ замѣнить морского транспорта, который долженъ былъ доставлять главную массу грузовъ.

Въ связи съ образованіемъ новаго фронта на Керченскомъ полуостровѣ, количество транспортовъ, которыхъ флотъ долженъ былъ конвоировать и обеспечивать отъ минной опасности рѣзко возросло. Ввиду частыхъ зимнихъ штормовъ, не позволявшихъ посылать въ открытое море мелкія суда, вся тяжесть конвойной службы ложилась на эскадренные миноносцы, сторожевые корабли и тральщики типа «Мина», при чемъ обыкновенно конвойные корабли, несмотря на опасность пожара, грузили на палубу боеприпасы и перевозили бойцовъ. Практически всѣ находившіеся въ строю миноносцы и частично старые крейсера были все время заняты перевозками и конвоированіемъ транспортовъ, и, въ теченіе перваго полугодья 1942 года у Черноморскаго флота не было возможности предпринять какую-либо операцію въ другихъ районахъ моря.

Для снабженія армій, дѣйствовавшихъ на Керченскомъ полуостровѣ, пунктомъ разгрузки былъ избранъ слабо оборудованный, но глубоководный портъ, вѣрнѣе рейдъ Камышь-Бурну, расположенный южнѣ Керчи. Ледоколъ «Торосъ» и два портовыхъ ледокола непрерывно взламывали на рейдѣ ледъ и проводили транспорта на югъ до его кромки. Бывшій въ Черномъ морѣ до войны большой ледоколъ «С. Макаровъ» (бывш. «Князь Пожарскій») къ этому времени уже погибъ при какихъ-то невыясненныхъ обстоятельствахъ. Въ Камышь-Бурну почти ежедневно приходили конвои изъ Новороссійска и Туапсе и отдѣльные транспорта и танкеры изъ Батума. Но рѣдкій день въ Камышь-Бурну проходилъ безъ бомбежки, и самолеты противника постоянно атаковывали транспорты въ морѣ. Ввиду короткаго перехода, изъ Новороссійска транспорты шли лишь подъ охраной катеровъ и отбивались своей слабой артиллеріей. Не имѣя авіаціоннаго прикрытія, застиг-

нутые засвѣтло въ морѣ пароходы становились легкой добычей авіаціи. Транспорты работали съ большимъ напряженіемъ — напримѣръ «Фабриціусъ» за два мѣсяца совершилъ 39 рейсовъ, но 2 марта, имѣя грузъ и войска на борту у Утриша онъ былъ поврежденъ бомбами. Т/х. «Чапаевъ» снялъ съ него всѣхъ пассажировъ; «Фабриціусъ» же выбросился на берегъ, гдѣ его потомъ еще нѣсколько разъ бомбили самолеты, доносившіе о новыхъ побѣдахъ! Въ слѣдующій рейдъ погибъ и «Чапаевъ». Трагична была судьба танкера «В. Куйбышевъ» (бывш. «Эльбрусъ»). Имѣя пассажировъ на борту и грузъ бензина, въ районѣ Анапы въ него попала пущенная самолетомъ торпеда. Произошелъ колоссальной силы взрывъ, пламя охватило весь танкеръ и горящій бензинъ разлился кругомъ. Не смотря на огненное море, охранные катера бросились къ танкеру, но имъ удалось подобрать изъ воды лишь нѣсколько обожженныхъ людей. Вторымъ заходомъ торпедоносцы атаковали шедшій въ томъ же конвоѣ «А. Сѣровъ». На его верхней палубѣ находилась батарея «Катюшъ», предусмотрительно приготовленныхъ къ залпу. Нѣсколько десятковъ ракетъ съ огненными хвостами полетели въ сторону торпедоносцевъ, летчики которыхъ, ошеломленные небывалымъ пріемомъ, сразу повернули въ море и больше не показывались.

Бомбардировки портовъ отправки, гдѣ были скучены транспорты и лежали грузы, почему-то производились довольно рѣдко. 23 марта, сильной бомбардировкѣ подвергся портъ Туапсе, гдѣ была потоплена въ базѣ подв. лодка и т/х. «Островскій», тяжело поврежденъ миноносецъ и другая подводная лодка. 24 марта былъ новый налетъ на Туапсе; 28 марта большое количество самолетовъ бомбардировало Новороссійскъ, нанеся разрушенія на пристаняхъ и повредивъ нѣсколько транспортовъ. 25 апрѣля былъ снова бомбардированъ Новороссійскъ и другіе порты на Кавказѣ.

Въ началѣ 1942 года корабли флота произвели нѣсколько операций противъ занятаго противникомъ побережья Крыма. Ночью 16 января эскадр. миноносцы 20-ю залпами обстрѣляли Евпаторію; 23-го крейсеръ сильно бомбардировалъ Феодосію, выпустивъ не менѣе 240 снарядовъ. Въ ночь на 19 февраля эск. мин. «Желѣзняковъ» и сторожевой корабль «Штормъ», пользуясь освѣщеніемъ цѣли, сбрасываемыми самолетами ракетами, съ успѣхомъ обстрѣляли нѣмецкій аэродромъ близъ Ев-

паторіи. 23 февраля нѣмецкая авіація обнаружила въ морѣ лин. кор. «Севастополь», но цѣль его похода осталась невыясненной. Со своей стороны, подводныя лодки, при помощи резиновыхъ плотиковъ, многократно высаживали на Крымскій берегъ небольшія партіи для связи съ партизанами.

Опережая противника въ готовности, 27 февраля совѣтскія войска Крымскаго фронта перешли въ наступленіе и, разбивъ 18-ю румынскую дивизію, нѣсколько продвинулись къ западу. Къ 13 марта фронтъ стабилизировался, дѣлая выступъ на сѣверѣ до Сиваша и идя далѣе до Дальніе Камыши, восточнѣ Феодосіи. Съ цѣлью задержать нѣмецкія дивизіи у Севастополя, гарнизонъ произвелъ большую активность. Въ день наступленія крѣпостная артиллерія и отрядъ кораблей, присланный для этой цѣли, открыли ураганный огонь по нѣмецкимъ позиціямъ. Войска мѣстнаго сектора произвели мѣстное наступленіе и заняли важную высоту.

26 марта на Керченскомъ полуостровѣ совѣтскія войска пытались наступать, но, несмотря на численное превосходство, ихъ атаки не увѣнчались успѣхомъ. По совѣтскимъ источникамъ, постоянныя неудачи на Крымскомъ фронтѣ объясняются ошибками сухопутнаго командованія. Боевая подготовка войскъ была тоже не на высотѣ. Въ особенности на скорую руку сформированныя изъ «нацменовъ» Кавказа и Туркестана дивизіи были мало устойчивыми и не имѣли воинскаго духа.

Приступая къ выполненію плана войны на 1942 годъ, нѣмецкое верховное командованіе рѣшило въ первую очередь овладѣть Крымомъ. Это позволило бы освободить сильную 2-ю армію для другихъ задачъ и упрочить положеніе южнаго фланга фронта. Первымъ этапомъ предполагалось ликвидировать все время усилявшуюся Керченскую группу совѣтскихъ армій. Для этой цѣли къ концу апрѣля нѣмцы сосредоточили 7 пѣхотныхъ и одну танковую дивизію, кавалерійскую бригаду и большое количество артиллеріи. Къ этому времени совѣтскій Крымскій фронтъ состоялъ изъ 44-ой, 47-й и 51-й армій, по нѣмецкимъ свѣдѣніямъ общей численностью въ 17 стрѣлковыхъ дивизій и четырехъ танковыхъ бригадъ. Изогнутый совѣтскій фронтъ, на которомъ остановилось мартовское наступленіе, представлялъ слабыя мѣста, чѣмъ не могли не воспользоваться нѣмцы. Совѣтское командованіе совершенно не ожидало нѣмецкаго удара и было застигнуто врасплохъ.

8 мая, при поддержкѣ сильной авіаціи, нѣмецкія дивизіи прорвали фронтъ въ южной его половинѣ и вскорѣ, достигнувъ Азовскаго моря, отрѣзали 8 совѣтскихъ дивизій, находящихся въ выступѣ. Двѣ линіи Акъ-Манайскихъ позицій были прорваны съ ходу, и къ концу дня 14 мая уцѣлѣвшія совѣтскія части занимали лишь прибрежную полосу у Камышь-Бурну и Керчь, откуда на мелкихъ судахъ, бросая матерьяльную часть, переправлялись на Тамань. Посылка транспортовъ для эвакуаціи была невозможна, такъ какъ Керченскій проливъ въ его южной части былъ уже подъ дѣйствительнымъ огнемъ артиллеріи. 16 мая нѣмцы ворвались въ Керчь, но до 23-го шла еще эвакуація отошедшихъ въ районъ Эникале войскъ. Отдѣльныя части, въ надеждѣ быть взятыми на суда, продолжали еще обороняться въ теченіе двухъ дней. По нѣмецкимъ свѣдѣніямъ около 170.000 человекъ было ими взято въ плѣнъ и захвачено свыше тысячи орудій. Корабли флота участія въ этихъ бояхъ не приняли. Нѣмецкое наступленіе было столь стремительно, что флотъ вѣроятно даже не успѣлъ подойти къ Акъ-Манайскимъ позиціямъ.

* * *

Наступившее у Севастополя со второй недѣли января затишье было использовано гарнизономъ для укрѣпленія позицій, пополненія и приведенія въ порядокъ порѣдѣвшихъ во время отраженія декабрьскаго штурма частей. Населеніе города энергично работало на оборону на различныхъ предприятияхъ, возстановливало разрушенія и все больше и больше переходило на подземный образъ жизни и работы. Морской заводъ, который полностью эвакуировать не удалось и былъ разрушенъ, въ февралѣ снова приступилъ къ ремонту мелкихъ судовъ. Но съ конца этого мѣсяца, съ цѣлью дезорганизовать тылъ крѣпости и создать помѣху въ доставкѣ снабженія, нѣмецкая авіація частыми бомбежами начала систематически уничтожать городъ. Налеты производились группами въ два-три десятка самолетовъ, и въ конечномъ результатѣ привели къ большимъ разрушеніямъ. 17 марта авіація потопила южнѣе Севастополя большой танкеръ и 23 марта у Балаклавы подорвала пароходъ въ 4.000 тоннъ, вѣроятно «Чапаевъ». Тѣмъ не менѣе, въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ 1942 года транспорты подъ конвоемъ военныхъ кораблей все же довольно регулярно доставляли въ Севастополь пополненія и снабженіе.

Несмотря на это, продовольственный вопрос усложнялся, и с конца марта хлебные порции населению были уменьшены — 600 грамм рабочим, 400 остальным. Вскорь вышли все запасы угля, которого, после потери Донецкого бассейна, не откуда было достать.

С конца марта немецкая артиллерия с Северной стороны снова начала обстреливать город из более дальнотойных орудий. Не только Южная бухта, но и база сторожевых катеров в Стрелцкой, оказались в действительной сфере огня. 25 марта на базе был потоплен один «М. О.» и вызван пожар; ввиду этого корабли охраны водного района перебазировались в расположенную у Херсонеса Казачью бухту. Апрель и май в Севастополе были сравнительно спокойными; даже деятельность немецкой авиации, занятой у Керченского полуострова, значительно сократилась. Все же, 17 апреля самолеты потопили большой танкер, и через несколько дней взрывом бомбы был убит командующий воздушными силами флота ген. майор Остряков.

В начале мая немцы образовали особую группу авиации численностью в 150 бомбардировщиков и торпедоносцев специально для действия в море. Начавшиеся короткие ночи не позволяли даже быстроходным пассажирским теплоходам проходить всю опасную зону в темноте и, несмотря на сильный конвой несколько транспортов было потоплено в пути. Среди них, 1 июня, к югу от Судака был потоплен небольшой танкер, шедший под конвоем миноносца и сторожевых катеров. После этого случая, ввиду легкой уязвимости судов этого типа, горючее начали перевозить в бочках на других судах и также в цистернах транспортных подводных лодок. Для большей безопасности, в последний месяц осады, войска перевозились, главным образом, на эскадренных миноносцах, а для более крупных перевозок применялись крейсера. Таким образом, до начала последнего штурма в Севастополь была переброшена еще одна стрелковая дивизия *), 2 танковых батальона и минометный батальон из 4-х «Катюш», не считая маршевых пополнений. Но какое-то количество солдат, надо думать несколько тысяч, в особенности в последний месяц

*) 109-я или 386-я. Одна из них прибыла уже 9 января 1942 г.

обороны крымского берега не достигли, и погибли въ морской пучинѣ.

Въ началѣ іюня появилась новая опасность со стороны перевезенныхъ по желѣзной дорогѣ въ Феодосію итальянскихъ торпедныхъ катеровъ и малыхъ подводныхъ лодокъ. Оперативной базой итальянцы избрали Ялту, лежащую всего лишь въ 55-ти миляхъ отъ мыса Херсонесъ и входа въ Севастополь. Ихъ пребываніе тамъ сдѣлалось извѣстнымъ совѣтскому командованію, подвергнутому портъ многочисленнымъ бомбардировкамъ съ воздуха. Во время одной изъ такихъ бомбардировокъ чуть не погибъ командующій войсками «Оси» въ Крыму, генералъ Манштейнъ. Онъ, съ нѣсколькими офицерами штаба вышелъ на рекогносцировку на "MAS", который въ морѣ былъ атакованъ двумя истребителями и половина изъ находившихся на его борту была ранена или убита пулеметнымъ огнемъ. 29 мая бомбой былъ тяжело поврежденъ "MAS-571" и 14 іюня потоплена баржа-база. 13 іюня два торпедныхъ катера подъ командой лейтенанта Кочіева, обманувъ наблюдательные посты фальшивымъ свѣтовымъ сигналомъ, ворвались въ Ялтинскій портъ. Выпустивъ свои торпеды, они потопили подводную лодку «СВ-5». Лишь послѣ взрывовъ, съ разныхъ сторонъ полетѣли разноцвѣтныя трассы пуль и снарядовъ, но катера неслись уже 40-узловымъ ходомъ въ море. Для стѣсненія дѣйствій итальянцевъ, вышедшіе изъ Севастополя минные баркасы поставили загражденіе у мыса юго-западнѣе Ялты. Въ ночь на 18 іюня два торпедныхъ катера снова атаковали Ялтинскій портъ, но выпущенныя ими торпеды безрезультатно взорвались на молу. Катера были встрѣчены сильнымъ пулеметнымъ и орудійнымъ огнемъ и одинъ изъ нихъ загорѣлся. Вѣроятно пользуясь этой атакой, минные баркасы ходили на новую минную постановку и рано утромъ два изъ нихъ у мыса Сарычъ имѣли перестрѣлку съ "MAS-571". Несмотря на эти противодѣйствія, итальянская флотилія, дѣйствуя во флангъ коммуникаціонной линіи, создала большую опасность для совѣтскихъ транспортовъ.

Около 10 іюня стотонные, хорошо вооруженные нѣмецкіе торпедные катера *) перебазировались въ Акъ-Мечеть по

*) Они имѣли дизель-моторы и ихъ горючее не воспламенялось отъ пуль и осколковъ. Въ отличіе отъ нѣмецкихъ, совѣтскіе "ТК" имѣли лишь 17 тоннъ водоизмѣщенія, одинъ пулеметъ и двѣ торпеды, сбрасываемыя съ кормы. Два бензиномотора давали имъ ходъ до 42 узловъ, но бензинъ легко воспламенялся даже отъ пуль.

другую сторону Севастополя; вскорѣ къ нимъ присоединились моторные тральщики и вооруженныя баржи. 25 іюня на линію Севастополь-Новороссійскъ вышла въ операцію подводная лодка "Delfinul", но ея походъ остался безъ результата. Нѣмецкіе самолеты и затѣмъ катера-тральщики изъ Акъ-Мечети постоянно засоряли бухты и подходы къ Севастополю минами; на одной изъ нихъ 15 іюня взорвался эск. мин. «Дзержинскій» (бывш. «Калиакрія»). Узелъ блокады все больше и больше затягивался у Севастополя, но угроза авіаціи съ близлежащихъ аэродромовъ не позволяла совѣтскимъ крейсерамъ произвести дневную операцію для радикальнаго уничтоженія артиллерійскимъ огнемъ этихъ осиныхъ гнѣздъ. Севастополь началъ задыхаться! Съ катерами и подводными лодками боролись корабли охраны воднаго района; тральщики постоянно очищали фарватеры и неоднократно забрасывали бомбами итальянскія лодки, дежурившія у Херсонеса.

Въ ночь на 3-е іюня у Сарыча произошла первая атака итальянскаго катера на шедшій подъ конвоемъ двухъ миноносцевъ большой теплоходъ, но торпеды прошли мимо. Въ ночь на 10-е уже пять катеровъ оперировало у Севастополя. Одинъ изъ нихъ выпустилъ торпеду въ «Ташкентъ», но промахнулся. Катера были обнаружены и сильно обстрѣляны береговой батареей, что помѣшало имъ атаковать входившій въ бухту подъ конвоемъ трехъ «МО» небольшой теплоходъ. На слѣдующую ночь "MAS-573" между Сарычемъ и Херсонесомъ выпустилъ двѣ торпеды по большому теплоходу, одна изъ которыхъ взорвалась въ носу. "MAS-570" безрезультатно атаковалъ шедшій въ Севастополь небольшой теплоходъ. Три миноносца (или тральщика типа «Мина») погнались за катерами, но, пользуясь преимуществомъ хода, они благополучно ушли. Въ ночь на 12-е произошла первая атака двухъ нѣмецкихъ катеровъ, выпустившихъ безрезультатно торпеды по вышедшему изъ Севастополя эск. мин. типа «С», который, съ тремя катерами, конвоировалъ средней величины пароходъ. Вечеромъ того же дня въ Севастополь пришелъ крейсеръ «Красный Крымъ» въ сопровожденіи миноносца и большой теплоходъ подъ конвоемъ шести сторожевыхъ судовъ. Высадивъ войска, крейсеръ и миноносецъ ушли и на разсвѣ-

*) Плохо переведа образную нѣмецкую фразу **Conrady**, Вьюченко сообщаетъ о потопленіи этого катера. На самомъ дѣлѣ онъ былъ потопленъ 8 августа.

тѣ у Сарыча они были атакованы подводной лодкой, выпустившей съ разстоянія 1200 метровъ двѣ торпеды. На слѣдующую ночь, шедшій въ охранѣ тральщика и двухъ «МО» пассажирскій теплоходъ «Грузія», въ двухъ миляхъ западнѣе Херсонеса былъ подорванъ малымъ итальянскимъ катеромъ. При помощи буксировъ «Грузія» смогла дойти до южной бухты, но утромъ была потоплена двумя авіаціонными бомбами по 500 клг. каждая. Всѣ эти дни портъ и городъ подвергались массивнымъ бомбардировкамъ, особенно сильной 12 іюня. Разрушенія въ городѣ и въ порту были ужасающія. Не считая мелкихъ судовъ, въ эти дни у Павловскаго мыса былъ потопленъ эск. мин. «Бодрый» и у Сухарной балки еще не разгруженный пассажирскій теплоходъ «Абхазія» и отъ прямого попаданія погибла канонерская лодка. Теплоходъ «Сванетія» былъ потопленъ торпедами самолетовъ на обратномъ пути съ эвакуированными. Погибла также и «Украина». Днемъ 16 іюня у Сарыча итальянская лодка двухторпеднымъ залпомъ потопила подв. лодку «Д-6». Другая лодка «Щ-206» была потоплена лодкой «СВ-2» на разсвѣтѣ 18 іюня въ 30 миляхъ южнѣе Сарыча. 17-го вечеромъ, въ сопровожденіи миноносца въ Севастополь благополучно пришелъ пароходъ «Бѣлостокъ». Это былъ послѣдній транспортъ, доставившій крѣпости снабженіе. Въ ночь на 19-е нѣмецкій катеръ "S-102" подорвалъ миной транспортъ, уходившій изъ Севастополя. Столь малые результаты нѣмецкое командованіе объясняетъ тихой погодой, во время которой слѣдъ торпеды очень замѣтенъ. Итальянцы добились лучшихъ результатовъ и, кромѣ теплоходовъ 19 іюня "MAS-571" потопилъ у Ай-Тодора подв. лодку «Щ-214».

Ввиду потери почти каждого изъ направляющихся въ Севастополь транспортовъ, посылка пароходовъ была прекращена; лишь миноносцы безостановочно ходившіе по линіи Новороссійскъ-Севастополь, лидеръ «Ташкентъ», приходившій почти черезъ день и подводныя лодки продолжали въ послѣднія двѣ недѣли осады доставлять Севастополю самое необходимое. Было также усилено снабженіе при помощи транспортныхъ самолетовъ, садившихся на аэродромъ среди непрерывно рвавшихся снарядовъ.

* * *

Покончивъ съ Керченской группой совѣтскихъ армій, нѣмцы, готовясь къ рѣшительному штурму, сосредоточили

подъ Севастополемъ 7 нѣмецкихъ, 3 румынскихъ дивизіи, и болѣе 400 танковъ. Уже въ предыдущія недѣли къ линіи обороны было подвезено большое количество артиллеріи включая тяжелыя гаубицы и мортиры до 42-хъ сантиметровъ, два орудія въ 60 см. и одну гигантъ-пушку въ 80 см. съ линіи Мажино. На 35-ти километровомъ фронтѣ было сосредоточено 780 орудій и 700 минометовъ, что являлось наибольшей концентраціей нѣмецкой артиллеріи въ теченіе всей войны! Въ воздухѣ дѣйствовалъ 8-ой корпусъ Luftwaffe, насчитывавшій 450 бомбрадировщиковъ и штурмовиковъ и 150 истребителей. Общая численность нѣмецко-румынскихъ войскъ при началѣ третьяго штурма совѣтскими источниками опредѣляется въ 200.000 бойцовъ.

Къ 20 мая гарнизонъ Севастополя состоялъ изъ 7 стрѣлковыхъ дивизій, 4 бригадъ и 2 отдѣльныхъ полковъ морской пѣхоты; на-лицо имѣлось лишь 18 исправныхъ танковъ и пятьдесятъ три самолета. Включая батареи береговой обороны, всего имѣлось 606 орудій и довольно большое количество минометовъ. Изъ-за тяжелыхъ потерь въ предыдущихъ бояхъ въ стрѣлковыхъ дивизіяхъ былъ большой некомплектъ, доходившій до 45 % личного состава. Въ морской пѣхотѣ, которая легче пополнялась за счетъ службъ флота и экипажей кораблей, некомплектъ доходилъ до 20 %. Всего въ пѣхотѣ числилось 50.000 стрѣлковъ и 12.000 моряковъ. Такимъ образомъ, къ началу штурма, нападающіе имѣли двойное превосходство въ живой силѣ, многократное въ артиллеріи и абсолютное въ танкахъ и авіаціи.

Послѣ крушенія Крымскаго фронта перспективъ на возможность долго защищать Севастополь было мало, но совѣтское верховное командованіе подтвердило приказъ оборонять Севастополь до послѣдней возможности. Кромѣ морально-политическихъ причинъ это рѣшеніе диктовалось желаніемъ возможно дольше задержать сильную нѣмецкую 11-ю армію въ Крыму и не допустить ея переброски на главные участки фронта или въ направленіи черезъ Керченскій проливъ на Кубань.

Послѣ январскихъ контръ-атакъ совѣтскихъ войскъ, линія фронта обороны начиналась восточнѣ Балаклавы, проходила у селенія Комары и западнѣ Чоргунъ, затѣмъ шла по Мекензевымъ горамъ черезъ Камышлы и поворачивала къ морю, огибая съ сѣвера селенія Бельбекъ и Любимовку. Не счи-

тая все увеличивавшіяся затрудненія въ снабженіи, слабой стороной обороны являлась ее малая глубина. Съ сѣверной стороны и съ востока позиціи отстояли лишь въ 8-ми километрахъ отъ города, что давало возможность нѣмецкой артиллеріи прострѣливать почти весь плацдармъ и входной фарватеръ въ бухту.

По плану генерала Манштейна главный ударъ должны были произвести четыре дивизіи при поддержкѣ ста танковъ съ сѣверо-востока въ стыкъ 3-го и 4-го секторовъ въ районѣ Камышлы и долины Бельбека, черезъ полустанокъ Мекензевы Горы въ направленіи на Сѣверную бухту. Одновременно три дивизіи, при 60-ти танкахъ должны были сдѣлать вспомогательный ударъ съ юго-востока по направленію на городъ. Главнымъ козыремъ Манштейна была авіація и тяжелая артиллерія, которыя должны были разрушить укрѣпленія, подавить батареи и обстрѣломъ тыловъ и города дезорганизовать оборону.

Съ 20 мая началась систематическая артиллерійская и авіаціонная подготовка штурма. Въ первые десять дней бомбардировкѣ подвергались, главнымъ образомъ, портъ, городъ и Херсонесскій аэродромъ. 2 іюня произошла особенно сильная воздушная бомбардировка города во время которой, не считая зажигательныхъ, было сброшено 3500 фугасныхъ бомбъ. Разрушенія были колоссальны; вездѣ горѣли пожары, которые не было возможности тушить, т. к. водопроводъ прекратилъ дѣйствовать. Телефонная связь нарушилась, электрическая станція была повреждена бомбами и тока больше не давала. Съ темнотой бомбардировка пріостановилась и въ это время въ Севастополь пришелъ крейсеръ «Красный Крымъ», эскадренный миноносецъ и теплоходъ, доставившіе маршевыя роты, боезапасъ и продовольствіе. Крейсеръ, вставъ на бочку, обстрѣлялъ нѣмецкіе тылы. Съ 3 іюня нѣмцы начали переносить тяжести своихъ бомбардировокъ на батареи и затѣмъ на укрѣпленія, главнымъ образомъ 3-го и 4-го секторовъ обороны. Сила ихъ огня превосходила все, что наблюдалось до сихъ поръ, и лишь за первые дни іюня авіація въ 9.000 вылетовъ сбросила 4.800 бомбъ крупнаго калибра, а артиллерія произвела 126.000 выстрѣловъ!

Съ разсвѣтомъ 7 іюня нѣмецкія части, подъ прикрытіемъ ураганнаго огня перешли въ наступленіе отъ Камышлы вдоль

желѣзной дороги, но несмотря на большія потери имъ удалось продвинуться лишь на полтора километра. Съ утра слѣдующаго дня артиллерійскій огонь достигъ апогея и надъ полемъ битвы кружились сотни самолетовъ. Вся Сѣверная сторона покрылась густой пылью разрывовъ, дымомъ и пожарами, мѣшавшими совѣтской артиллеріи различать цѣли. За стѣной разрывовъ лавиной двинулись танки и пѣхота. Волна за волной шли атаки, но уцѣлѣвшіе защитники полуразрушенныхъ позицій косили нѣмцевъ изъ пулеметовъ. Все же, къ исходу дня 95-я и 345-я стрѣлковыя дивизіи, потерявъ много людей, были оттѣснены за полустанокъ Мекензевы горы.

9 и 10 іюня кровопролитные бои продолжались, но нѣмцамъ продвинуться дальше не удалось, и на слѣдующій день, снявъ съ неатакованныхъ участковъ 25-ю стрѣлковую дивизію и соединенія морской пѣхоты, при поддержкѣ береговой артиллеріи, концентрированнымъ ударомъ нѣмцы были выбиты изъ полустанка и отброшены въ горы. На юго-восточномъ 2-омъ секторѣ наступленіе тоже имѣло лишь незначительные результаты. Такимъ образомъ, пятидневные кровопролитные бои все же не позволили нѣмцамъ прорвать оборону, но силы гарнизона и запасы быстро изсякли. Расходъ боеприпасовъ въ три раза превышалъ подвозимое моремъ. Мѣстныя предпріятія одно за другимъ разрушались и работавшіе на нихъ, какъ послѣдній резервъ, были посланы на фронтъ. Непрерывная бомбардировка прекратила дневное движеніе какъ по бухтамъ, такъ и на сушѣ, и подвозъ снабженія къ передовой линіи производился лишь по ночамъ.

Не достигнувъ результата фронтальными атаками, съ 12 іюня нѣмцы измѣнили тактику и начали методически прогрызать позицію. Отдѣльные узлы обороны бомбардировались штурмовиками и артиллеріей до ихъ полного разрушенія и затѣмъ занимались танками и пѣхотой. Но севастопольцы защищались съ большимъ упорствомъ. Напримѣръ 130 м/м. батарея, которую обслуживали моряки съ потопленной «Червонной Украны», оказавшись въ передовой линіи 3-го сектора, отбивала танковыя атаки въ теченіе двухъ дней, даже послѣ того какъ оба орудія вышли изъ строя. Нѣмцы, атакуемая на сравнительно узкихъ участкахъ фронта, замѣняли свои потрепанныя дивизіи свѣжими, тогда какъ у защитниковъ этой возможности не было. Лишь вечеромъ 12

іюня въ Севастополь опять пришелъ крейсеръ «Красный Крымъ», миноносецъ и теплоходъ, доставившіе боеприпасы и нѣсколько батальоновъ пѣхоты, которая была высажена на Сѣверную сторону. Корабли успѣшно обстрѣляли нѣмецкія позиціи въ наиболѣе угрожаемыхъ направленіяхъ. Въ слѣдующіе дни нѣмцы продолжали прогрызати линію обороны Сѣверной стороны. Къ исходу дня 16 іюня почти всѣ огневые средства 4-го сектора были ими уничтожены и оборона дезорганизована. Нѣмецкой пѣхотѣ и танкамъ удалось прорваться къ морю между башенной батареей № 30 и старой Константиновской батареей на мысу. Батарея № 30 была окружена. Несмотря на сотни прямыхъ попаданій снарядовъ и бомбъ, ея орудія не были повреждены и, разстрѣлявъ послѣдніе снаряды, прислуга взорвала башни. 19 іюня нѣмцы заняли Братское кладбище и селеніе Бартеневку напротивъ города въ двухъ километрахъ отъ бухты. Къ вечеру этого дня танки и пѣхота достигли Сѣверной бухты въ районѣ дачи Голландія и заняли зданія бывшаго Морского Корпуса, но когда передовыя части нѣмцевъ, распространяясь по берегу въ глубину бухты, подошли къ Сухарной балкѣ, земля разверглась отъ колоссальной силы взрыва подземнаго боезапаса флота, подбросившаго вверхъ цѣлыя скалы. Выйдя на берегъ бухты нѣмцы получили возможность обстрѣливать весь рейдъ и городъ прямой наводкой артиллеріи и минометнымъ огнемъ. На Сѣверной сторонѣ защищалась еще расположенная близъ мыса 130 м/м. береговая батарея, нѣсколько сотъ бойцовъ 95-й дивизіи отошли къ старой Михайловской батарее и другія группы находились у Инженерной пристани; личный составъ охраны рейдовъ занялъ построенную сто лѣтъ тому назадъ Константиновскую батарею. 21 іюня для эвакуаціи защитниковъ Сѣверной стороны были посланы катера и шлюпки, но они были встрѣчены сильнымъ огнемъ, и часть ихъ погибла, а уцѣлѣвшимъ удалось снять нѣкоторое число раненыхъ. Константиновскую батарею, съ которой открывался весь видъ на входъ въ бухту, было приказано держать возможно дольше. 74 моряка держались въ ея каменныхъ казематахъ до вечера 23-го, а ночью, четыре моторныхъ сайнера подошли къ батарее и, подъ минометнымъ огнемъ, взяли изъ воды бросившихся къ нимъ вплавъ послѣднихъ защитниковъ Сѣверной стороны. Въ эту же ночь, подъ артиллерійскимъ огнемъ и не безъ потерь, шла эвакуація шхунъ, катеровъ и

прочихъ пловучихъ средствъ изъ Южной бухты въ Камышевую. Въ послѣдующія ночи эти суденышки развозили по прифронтовымъ бухточкамъ доставленные къ Херсонесу моремъ боеприпасы и ходили разгружать полузатопленную въ Сѣверной бухтѣ «Абхазію».

Послѣ прорыва фронта на Сѣверной сторонѣ участь Севастополя была рѣшена. Въ серединѣ іюня командующій сухопутной обороной генераль-майоръ Петровъ донесъ въ Ставку о безвыходномъ положеніи и предложилъ, въ цѣляхъ сохраненія дивизій, находившихся на южномъ берегу, начать планомѣрную эвакуацію. Въ отвѣтъ Верховное Командованіе приказало держать Севастополь до послѣдняго солдата и вмѣсто эвакуаціи предложило всѣми возможными средствами посылать защитникамъ подкрѣпленія. Въ связи съ этимъ приказаніемъ, во второй половинѣ іюня на миноносцахъ и подводкахъ, малыми отрядами было доставлено въ Севастополь еще нѣсколько тысячъ бойцовъ, которые никакого существеннаго вліянія на оборону оказать уже не могли. Боезапасъ приходилъ къ концу, продовольствіе было на исходѣ и, ввиду разрушенія хлѣбопекаренъ, вмѣсто хлѣба выдавалась мука, изъ которой населеніе пекло лепешки. Остро стоялъ вопросъ съ водой, которую доставали изъ возстановленныхъ старыхъ колодцевъ. На Херсонесскомъ аэродромѣ оставался лишь десятокъ самолетовъ, летчики которыхъ, несмотря на обстрѣлъ, дѣлали по нѣсколько вылетовъ въ день.

Съ 17 іюня, еще до окончанія боевъ на Сѣверной сторонѣ, нѣмцы усилили свои атаки съ юго-востока, вдоль Ялтинскаго шоссе и къ 20 іюня образовали выступъ, создавшій угрозу сосѣднимъ участкамъ обороны. Не имѣя больше резервовъ для контръ-атакъ, въ ночь на 21-ое, войска 2-го сектора были отведены къ Сапунъ горѣ и Федюхинымъ высотамъ. На разсвѣтъ 23-го іюня, выходившій изъ Камышевой бухты эск. миноносецъ «Свободный» былъ потопленъ самолетами-пикеровщиками. Съ 24-го нѣмцы начали атаки въ районѣ Инкерманской долины и къ 26 іюня отбросили совѣтскія части до станціи Инкерманъ. Вечеромъ того же дня въ Камышевую бухту пришелъ лидеръ «Ташкентъ», имѣвшій на борту 900 человекъ подкрѣпленія. Его спутникъ, «Безупречный», былъ потопленъ въ пути авіаціей. Это былъ послѣдній походъ крупнаго корабля въ Севастополь.

Уходя, онъ взялъ на бортъ 2.000 раненыхъ и группу инженеровъ, техниковъ и специалистовъ. На него была также погружена спасенная курсантами при пожарѣ большая часть извѣстной «Севастопольской панорамы».

Съ 22 по 26 іюня «Ташкентъ», «Бдительный» и «Безупречный» совершили каждый по три рейса въ Севастополь.

27 іюня, ввиду безцѣльности пребыванія судовъ охраны воднаго района у Херсонеса, гдѣ они постоянно обстрѣливались, командованіе приказало всѣмъ болѣе крупнымъ судамъ идти въ Новороссійскъ. Взявъ на бортъ сколько можно было раненыхъ и гражданскихъ лицъ, два небольшихъ транспорта, (вѣроятно базы), два большихъ тральщика, канонерки типа «Елпидифоръ» и нѣкоторое количество портовыхъ и прочихъ мелкихъ судовъ покинули Херсонесъ и видимо благополучно достигли Новороссійска; въ это время нѣмецкая авіація сконцентрировала свои усилія противъ возвращающагося «Ташкента», котораго послѣ четырехъ часовыхъ атакъ ей почти удалось потопить.

Несмотря на недостатокъ снарядовъ и даже ружейныхъ патроновъ, севастопольцы продолжали упорно защищать каждый опорный пунктъ. Но въ ночь на 29-ое, подъ прикрытіемъ ураганнаго огня и дымовой завѣсы, нѣмецкія части переправились на штурмовыхъ шлюпкахъ черезъ Сѣверную бухту въ районъ Килень балки и образовали плацдармъ въ тылу совѣтскихъ войскъ, находившихся подъ Инкерманомъ. Для отвлеченія вниманія защитниковъ, нѣмецкіе и итальянскіе катера произвели демонстрацію высадки въ районъ Георгіевскаго монастыря и пустили въ берегъ самовзрывающійся катеръ. Катера были обстрѣляны береговой батареей № 18, и эта операція никакого вліянія на ходъ событій не имѣла. На слѣдующее утро нѣмцамъ удалось наконецъ завладѣть ключемъ позицій на юго-востокъ — Сапунъ горой. Въ теченіе этого дня авіація совершила 1500 вылетовъ и сбросила около десяти тысячъ бомбъ.

Обезкровленные части 2-го сектора не могли уже больше оказывать серьезнаго сопротивленія и медленно отходили. Наконецъ, 30 іюня было получено распоряженіе изъ Ставки объ эвакуаціи Севастополя, и совѣтскія части, вѣрнѣе, что еще оставалось, начали отходъ въ сторону Херсонеса. Къ исходу дня они занимали позиціи отъ Малахова Кургана по восточ-

ной сторонѣ города и далѣе до Георгіевскаго монастыря у мыса Фіолента. Балаклава была оставлена. Въ дивизіяхъ оставалось по 300-400 бойцовъ, люди были совершенно измотаны многодневными боями. Къ ночи нѣмцы заняли Корабельную сторону Южной бухты и вокзалъ.

Исполнить запоздалый приказъ объ эвакуаціи войскъ не было возможности. Это сознавала и Ставка, предписавшая въ первую очередь вывозить командный составъ и кадры. Но и это сдѣлать было трудно, такъ какъ въ Камышевой и Казачьей бухтахъ оставалось лишь нѣсколько катеровъ, малыхъ тральщиковъ и моторныхъ шхунъ. По опыту послѣдняго рейса «Ташкента», посылка въ Севастополь кораблей была признана невозможной. Изъ Новороссійска былъ посланъ лишь 1-ый дивизіонъ сторожевыхъ катеровъ и всѣ свободныя лодки. вмѣстѣ съ тѣмъ, 1 іюля нѣмцы заняли развалины многострадальнаго города, но оставшіеся боеспособные отряды, прикрывая аэродромъ, держались еще два дня на линіи Стрѣлечкой бухты. Ихъ поддерживала находившаяся у Херсонеса башенная батарея № 35 и береговая батарея № 18 на Фіолентѣ. Весь плацдармъ подвергался обстрѣлу множества нѣмецкихъ батарей и непрерывнымъ бомбежкамъ съ воздуха. Все же, на аэродромѣ продолжали приземляться транспортные самолеты, которые эвакуировали вице-адмирала Октябрскаго, генераль-майора Петрова и членовъ военнаго совѣта. Ушедшая одной изъ послѣднихъ, подв. лодка «Щ-209» взяла штабъ арміи и членовъ армейскаго совѣта. Нѣмецкая авіація и катера дѣлали все возможное чтобы помѣшати эвакуаціи. Напримѣръ, пять подв. лодокъ, подошедшихъ къ Херсонесу въ теченіе первыхъ четырехъ дней іюля были атакованы 36 разъ и на нихъ было сброшено самолетами и катерами около 4.000 бомбъ, но, какъ это ни странно, причинившихъ лишь мелкія поврежденія. Катеръ-тральщикъ «Ревоенсовѣтъ» въ три налета былъ изрѣшетенъ пулями, и изъ бывшихъ на борту 50-ти эвакуированныхъ, многіе были убиты и ранены. 1 іюля итальянскій катеръ уничтожилъ большой моторный боть, сѣвшій на мель у мыса Ая. На переходѣ изъ Новороссійска въ теченіе свѣтлаго времени 1-ый дивизіонъ сторожевыхъ катеровъ многократно подвергался атакамъ самолетовъ, причинившихъ поврежденія и потери въ личномъ составѣ. Около полуночи 2 іюля семь катеровъ дивизіона подошли къ Херсонесу. Маякъ и Камышовая бухта оказались уже въ рукахъ

нѣмцевъ, но въ Казачьей были еще совѣтскія войска. Часть катеровъ зашла въ эту бухту, большинство было направлено къ 35-й батарее и сняло ея прислугу, только что взорвавшую орудійныя башни. Это были послѣднія суда покидавшія Севастополь. Два изъ нихъ вскорѣ встрѣтили четыре нѣмецкихъ катера и, въ упорномъ двухчасовомъ бою были потоплены; съ нѣмецкой стороны "S-40" получилъ тяжелыя поврежденія. Среди поднятыхъ изъ воды людей оказался командиръ 1-го сектора обороны, генераль-майоръ Новиковъ, замѣнившій Петрова послѣ его отлета. Флагманскій катеръ лейт. Глухова изъ-за перегрузки людьми сѣлъ на грунтъ въ Казачьей бухтѣ и, замѣшкавшись, ушелъ послѣднимъ. Съ разсвѣтомъ его атаквали самолеты и буквально изрѣшетили пулями. Вся команда, за исключеніемъ легко раненаго начальника дивизиона и механика, вышла изъ строя. Для спасенія катера, потерявшаго ходъ, Глуховъ приказалъ при приближеніи самолетовъ огня больше не открывать и притворяться всѣмъ убитыми. Хитрость удалась и подлетавшіе нѣсколько разъ самолеты катера больше не трогали. Передвигаясь скачками, катеръ добрался до траверза Феодосіи, гдѣ былъ встрѣченъ другими катерами.

Ободряемые надеждой, что съ минуты на минуту на горизонтѣ покажется спасительный флотъ, прижатые къ береговымъ скаламъ южнаго берега, севастопольцы продолжали защищаться и лишь 5 іюля бой въ этомъ районѣ прекратился. Послѣдней пала 9 іюля берговая батарея № 18 на Фіолентѣ. Нѣсколькимъ группамъ бойцовъ удалось прорваться вдоль берега въ горы на соединеніе съ партизанами; иные еще пытались спастись моремъ, и 6 іюля итальянскій катеръ захватилъ моторный ботъ съ бѣглецами.

Героическая восьмимѣсячная оборона Севастополя закончилась. Не считая раненыхъ и населенія, эвакуированныхъ въ маѣ, лишь нѣсколько сотъ бойцовъ достигло Кавказа. Нѣмцы сообщили о плѣненіи 97.000 человекъ, изъ нихъ около 30.000 въ районѣ Херсонеса. Эту цифру можно считать преувеличенной, такъ какъ нѣмцы считали военноплѣнными всѣхъ, носившихъ какую-либо форму, до учениковъ старшихъ классовъ включительно. За время іюньскихъ боевъ нѣмецкая 11-я армія понесла очень тяжелыя потери, и ея дивизіи до сентября не смогли принять участія въ бояхъ.

Успѣхъ нѣмцевъ былъ достигнутъ небывалой до того времени концентраціей огня. На небольшую территорію оборонительнаго района съ 2 іюня по 3 іюля Luftwaffe въ 23.751 вылетовъ сбросила больше 20.000 тоннъ бомбъ, тогда какъ артиллерія произвела 1.360.000 выстрѣловъ. Необходимо отмѣтить, что пока морскія коммуникаціи Севастополя были свободны для подвоза флотомъ всего необходимаго, гарнизонъ успѣшно защищался, и лишь послѣ того какъ нѣмецкой авіаціи удалось ихъ прервать, Севастополь довольно скоро палъ. Можно считать, что Черноморскій флотъ сдѣлалъ все возможное для оказанія помощи осажденному городу, но не имѣя прикрытія съ воздуха, борьба была не равна. Флотъ не смогъ защитить линіи коммуникаціи и уступилъ владѣніе моремъ авіаціи!

П. А. Варнекъ.

НЕОБХОДИМОЕ РАЗЪЯСНЕНИЕ

Нѣкоторые изъ читателей обвинили автора въ пристрастіи, систематическомъ восхваленіи совѣтскаго командованія и въ предпочтеніи совѣтскихъ источниковъ иностраннымъ.

Замѣчанія эти удивили автора и онъ предполагаетъ, что ввиду большихъ перерывовъ черезъ который выходитъ журналъ, его оппоненты забыли о содержаніи 1-ой главы этого труда («М. З.» № 52), гдѣ говорится о неподготовленности флота, чисткахъ, отсутствіи опыта и преступнаго вмѣшательства коммунистическихъ заправиль въ руководство военными дѣйствіями. Естественно, что замѣчанія, сдѣланныя въ 1-ой главѣ, распространяются на всю войну и не требуютъ повторенія въ каждомъ номерѣ. Можно также напомнить о сдѣланномъ сравненіи двухъ операцій у Констанцы въ первую и вторую войну («М. З.» № 52, стр. 45) и другіе неслестные отзывы о совѣтскомъ командованіи, какъ, напримѣръ, при подготовкѣ Азовскихъ десантовъ («М. З.» № 54), и т. д.

Авторъ, откидывая въ сторону политическія симпатіи и антипатіи, пытается дать описаніе военныхъ дѣйствій лишь съ исторической точки зрѣнія, что не такъ легко дѣлать ввиду отсутствія точныхъ данныхъ. Но его работа была бы однобо-

кой если бы онъ, въ профессиональномъ морскомъ журналѣ, не отмѣтилъ бы факта хорошо продуманной и проведенной операціи, какъ, скажемъ, десантъ въ Феодосію. Но, не имѣя достаточно документальныхъ данныхъ, авторъ, какъ историкъ, а не пропагандистъ, не будетъ разбирать стратегическихъ вопросовъ и избѣгаетъ критики, не обоснованной на фактахъ, или высказывать лишь предположенія.

Серьезныхъ иностранныхъ источниковъ почти нѣтъ, и авторъ будетъ очень благодаренъ всѣмъ читателямъ, которые могутъ ему ихъ указать и, попутно, отмѣтить его пропуски и ошибки. Обратное тому, что нѣкоторые предполагаютъ, не имѣя полного изложенія операцій съ совѣтской стороны, канвой труда служатъ повседневныя нѣмецкія донесенія о дѣйствіяхъ въ Черномъ морѣ, которыя, кстати сказать, сильно разнятся, какъ по духу такъ и по фактамъ, отъ официальныхъ сообщеній сообщавшихся всѣмъ по радіо. Авторъ также широко использовалъ единственный извѣстный ему серьезный трудъ по этому вопросу: J. Meister "Der Seekrieg in der ost-europaischen Gewasseren", рядъ статей (Conrady и др.), опубликованныхъ въ нѣмецкомъ офиціозѣ "Marinerundschau", воспоминанія участниковъ войны серіи "Der Landser" въ которыхъ война въ Черномъ морѣ, между прочимъ, описывается далеко не въ розовыхъ тонахъ, итальянскую книжку о дѣйствіи флотиліи "MAS", и т. д.

Здѣсь будетъ уместно указать, что силы и возможности совѣтскаго флота систематически преувеличиваются нѣмецкими авторами, включая швейцарца Meister который совершенно не учитываетъ положеніе флота безъ базы и его отрѣзанность отъ центровъ снабженія, сопряженная съ отсутствіемъ запасныхъ частей, угля и затрудненій съ боеприпасами. Для примѣра можно указать, что даже въ сводкахъ нѣмецкаго командованія 18-тиузловымъ тральщикамъ типа «Мина» и сторожевымъ кораблямъ присвоенъ классъ эскадренныхъ миноносцевъ, отчего ихъ число почти удвоилось! Зная это, и доискиваясь исторической правды, приходится иногда дѣлать иные выводы, чѣмъ у другихъ писателей и автору кажется, что именно въ этомъ заключается весь интересъ его труда.

Не всѣмъ совѣтскимъ, какъ и иностраннымъ источникамъ можно вѣрить. Къ примѣру, авторъ отбрасываетъ всѣ

опубликованныя однимъ «невозвращенцемъ» свѣдѣнія, въ которыхъ, за малыми исключеніями, нѣтъ ни одного правильно названнаго судна. Но, съ другой стороны, авторъ воспользовался нѣкоторыми разсказами бывшихъ военнопленныхъ, получившихъ подтвержденія и изъ другихъ источниковъ.

Упрекъ, что въ трудѣ упоминаются фамиліи совѣтскихъ адмираловъ и генераловъ совершенно непонятенъ. За всю его многолѣтнюю практику, авторъ не встрѣчалъ исторической книги, кромѣ совѣтскихъ Сталинскаго періода, въ которой не были упомянуты фамиліи военнначальниковъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не имѣя номеровъ дивизіоновъ или названія судовъ, авторъ для болѣе понятнаго изложенія замѣняетъ ихъ фамиліями командировъ.

Высказывается также удивленіе, что въ то время какъ десятки и сотни тысячъ солдатъ бросали оружіе, авторъ указываетъ на упорную защиту моряковъ и даже жертвенность. Чтобы объяснить эту аномалію надо напомнить, что духъ флота во всѣ времена разнился отъ духа арміи. Совѣтскій флотъ имѣлъ большой процентъ комсомольцевъ и партійцевъ и при мобилизаціи былъ мало разбавленъ запасными. Какъ и въ Гражданскую войну, морскія части были самыми стойкими и на этомъ сходятся всѣ нѣмецкія и румынскія свѣдѣнія. Указанные же авторомъ геройскіе поступки совсѣмъ не ставятся въ заслугу совѣтской власти, но отдаются должное русскимъ людямъ, защищавшимъ до конца свою родину.

П. А. Варнекъ.

РУССКІЙ МАГАЗИНЪ

РУССКІЯ КНИГИ ВСѢХЪ ИЗДАТЕЛЬСТВЪ

Покупаетъ новыя и старыя книги,
комплекты старыхъ газетъ и журналовъ

Высылаетъ свои каталоги по требованію

THE BOOK HOUSE

304 State Street, Bridgeport, Conn., USA.

ИЗЪ ПРОШЛАГО

Въ связи съ переходнымъ періодомъ паруснаго флота къ паровому, слѣдуетъ вспомнить одного изъ выдающихся Генераль-адмираловъ — великаго князя Константина Николаевича, благодаря усиліямъ и энергіи котораго созданъ нашъ паровой флотъ.

Вступивъ на престолъ 19 февраля 1855 г., Императоръ Александръ II назначилъ своего младшаго брата, великаго князя Константина Николаевича Главнымъ Начальникомъ Флота и Морского Вѣдомства (23 февраля 1855 г.) поручивъ ему реорганизацію и модернизацию флота. Вступивъ въ управленіе флотомъ, великій князь энергично взялся за выполненіе этой трудной задачи и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ произвелъ рядъ важнѣйшихъ реформъ, касавшихся какъ личнаго состава, такъ и техническихъ, относящихся къ созданію парового флота. Несмотря на затрудненія, чинимыя адмиралами-парусниками, за восемь лѣтъ на отечественныхъ верфяхъ былъ построенъ цѣлый рядъ большихъ и малыхъ паровыхъ судовъ.

Однако, другія важныя государственныя дѣла потребовали вниманія великаго князя и, оставаясь Генераль-Адмираломъ, онъ въ 1862 году былъ назначенъ Намѣстникомъ Царства Польскаго. Не имѣя больше возможности лично руководить реорганизаціей флота и судостроенія, онъ передалъ это дѣло своимъ ближайшимъ сотрудникамъ, въ числѣ которыхъ были адмиралы Краббе и Поповъ. Помимо вышеупомянутыхъ назначеній великій князь принялъ большое участіе въ освобожденіи крестьянъ какъ Предсѣдатель Комиссіи по разработкѣ этого проекта, а затѣмъ былъ назначенъ Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Все это не мѣшало ему зорко слѣдить за развитіемъ парового флота.

Адмиралъ П. К. Краббе съ 1860 года замѣнилъ великаго князя и продолжалъ намѣченную судостроительную программу, будучи въ должности Управляющаго Морскимъ Министерствомъ.

Адмиралъ А. А. Поповъ, извѣстный парусникъ, такъ хорошо описанный Станюковичемъ въ разсказѣ «Безпокойный Адмиралъ» съ 1861 года командовалъ Тихоокеанской эскадрой. Въ сентябрѣ 1863 г. эскадры адмирала Лессовскаго и адмирала Попова прибыли одновременно въ Нью-Йоркъ и въ Санъ-Франциско, получивъ инструкціи въ случаѣ возможнаго разрыва съ Англіей, направиться въ порты С.Ш.А.

Адмиралъ Поповъ былъ широко образованный и начитанный офицеръ, много плававшій заграницей. Онъ прослушалъ полный курсъ кораблестроенія въ Гринвичѣ и настолько хорошо зналъ эту науку, что читалъ лекціи въ нашей Академіи и участвовалъ въ разработкѣ чертежей строящихся военныхъ кораблей. Ему были обязаны постройкой: первый безпарусный броненосецъ «Петръ Великій», прекрасные для того времени корабли «Генераль-Адмиралъ» и «Герцогъ Эдинбургскій», мониторы и поповки, а также царская яхта «Ливадія», построенная по его чертежамъ.

Адмиралъ Поповъ часто бывалъ у моего отца и настоялъ, чтобы я поступилъ въ Морское Инженерное Училище. Помню, что въ послѣдній разъ я видѣлъ адмирала въ Павловскѣ, гдѣ онъ жилъ въ 1894 году. Я представлялся ему въ формѣ Инженернаго Училища, сразу по поступленіи въ мою *Alma Mater*. Тогда онъ былъ бодръ и гулялъ со мною въ паркѣ, держа фуражку въ рукѣ, объясняя это тѣмъ, что благодаря контузій Государь далъ ему право не одѣвать трехуголки и носить фуражку въ рукѣ. Даже тогда у него сохранились прекрасные сѣдоватые волосы, безъ всякаго намека на лысину, которые онъ стригъ подъ гребенку.

Всѣмъ, включая моего отца, онъ обращался на «ты», и не любилъ, чтобы къ нему обращались иначе, какъ «Ваше Высочайшее». Его всѣ у насъ побаивались, такъ какъ онъ часто выходилъ изъ себя, если ему не отвѣчали кратко и ясно на его вопросы. Помню, что у моего отца на письменномъ столѣ лежало большое пресспапье въ видѣ борзой собаки, лежавшей на широкой линейкѣ. Адмиралъ подошелъ къ столу и спросилъ: «Что это?» — а отецъ ему отвѣтилъ: «Собака».

— «Глупый отвѣтъ, — сказалъ адмиралъ, — я вижу, что собака, но спрашиваю для чего этотъ предметъ».

Въ общемъ, онъ былъ добрымъ и всѣми любимымъ членомъ, а мы, дѣти, радовались его приходу, т. к. онъ часто наполнялъ свою фуражку конфетами и давалъ намъ эти сладости. Скончался онъ 6 марта 1898 года.

Адмиралъ Поповъ изучалъ стальное судостроеніе (по тому времени — желѣзное) и особенно интересовался «непоплаемостью», т. е. системой внутреннихъ переборокъ судна (отсѣки). Я помню, когда въ 1898 году, передъ производствомъ, я плавалъ на Практической эскадрѣ подъ флагомъ адмирала Макарова, котораго такъ любилъ и выдѣлялъ адмиралъ Поповъ, то адмиралъ Макаровъ приказалъ изготовить въ машинномъ отдѣленіи модель корпуса броненосца «Петръ Великій», въ которую вставляли коробочки подобныя отсѣкамъ. Модель съ отсѣками плавала въ бассейнѣ, а адмиралъ предлагалъ намъ наполнять соответствующія коробочки водой, давая заданный кренъ и объяснялъ, что эти отсѣки спроектированы адмираломъ Поповымъ.

Адмиралъ Поповъ очень критически относился къ образовательной программѣ того времени въ нашемъ училищѣ и, до увеличенія ея, посылалъ инженеръ-механиковъ въ Англію, въ Гринвичъ, до тѣхъ поръ, пока программа не была расширена.

Инж. Мех. кап. 1 р. В. В. Саксъ.

Вышла и поступила въ продажу книга

контръ-адмирала И. А. Коионова

„Пути къ Голгоѣ Русскаго флота“

печатана въ типографіи «Владимірскаго Вѣстника»
въ Санъ-Пауло, Бразилія.

Цѣна \$ 2.25 съ пересылкой

Книгу можно получить отъ:

G. C. Dvorjitsky:

634 West 135th Street, New York 31, NY. USA.

МОРСКІЯ ЗАМѢТКИ

Въ статьѣ «На подводной лодкѣ «Тюлень» (Томъ XVIII, № 3/53) авторъ упоминаетъ о страшной, до сихъ поръ необъяснимой катастрофѣ — гибели лин. кор. «Императрица Марія».

Необъяснимыми были и пожары на рядѣ угольщиковъ на пути изъ Америки въ Европу до тѣхъ поръ, какъ причину ихъ не установила англійская развѣдка. Ихъ вызывали нѣмецкія «сигары», которыя нѣмцамъ, очевидно имѣвшихъ своихъ агентовъ проникавшихъ въ среду «грузчиковъ», удавалось подбрасывать при погрузкѣ. Этотъ сигарообразный дьявольскій приборъ заключалъ въ себѣ и горючее, и воспламенитель, зажигавшійся токомъ отъ электроэлемента, приходившаго въ дѣйствіе какъ только была развѣдена кислотой металлическая мембрана, преграждавшая доступъ кислоты элемента. Въ зависимости отъ толщины пластинки это случалось черезъ нѣсколько часовъ или даже черезъ нѣсколько дней послѣ того какъ сигара была установлена или подброшена. Я не видѣлъ чертежа этой чортовой игрушки, помню только что говорилось о выходившей изъ острія сигары струѣ пламени, на манеръ Бунзеновской горѣлки.

Довольно было одной, «съ толкомъ» поставленной въ подбашенное отдѣленіе «сигары», чтобы прожечь мѣдный корпусъ полузаряда. На «Маріи» работали заводскіе мастеровые, но, надо думать, провѣрка и контроль надо всѣми допускавшимися на лин. кор. рабочими былъ поставленъ хорошо. Тѣмъ не менѣе мысль о нѣмецкой «сигарѣ» сверлила мозги ... И не у меня одного ...

Черезъ 15-20 лѣтъ послѣ этого памятнаго дня мнѣ пришлось сотрудничать въ одномъ коммерческомъ дѣлѣ съ нѣмцемъ, милымъ человѣкомъ. За бутылкой вина мы вспоминали старое, времена, когда мы были врагами. Онъ былъ уланскій ротмистръ и въ серединѣ войны былъ тяжело раненъ, послѣ

чего онъ сталъ неспособенъ къ строевой службѣ и работалъ въ штабахъ въ Берлинѣ. Слово за слово онъ разсказалъ мнѣ о любопытной встрѣчѣ. «Знаете ли вы того, кто только-что вышелъ отсюда?» — спросилъ его однажды сослуживецъ. «Нѣтъ, а что?» — «Это замѣчательный человѣкъ! Это тотъ, кто организовалъ взрывъ русскаго броненосца на Севастопольскомъ рейдѣ!». «Я, — отвѣтилъ мой собесѣдникъ, — слышалъ объ этомъ взрывѣ, но не зналъ, что это было дѣло нашихъ рукъ». «Да, это такъ, но это очень секретно и никому не говорите о томъ, что вы отъ меня услышали. Это герой и патриотъ! Онъ жилъ въ Севастополѣ, и никто не подозрѣвалъ, что онъ не русскій. Когда война кончится я, можетъ быть, разскажу вамъ больше — сейчасъ же не могу...». «Я больше не встрѣчался съ моимъ пріятелемъ, — прибавилъ онъ, — и кажется сегодня первый разъ говорю объ этомъ».

Да, для меня послѣ этого разговора сомнѣній больше нѣтъ — «Марія» погибла отъ нѣмецкой сигары! Не одна «Марія» погибла въ ту войну отъ не объяснимаго взрыва. Погибъ также и итальянскій броненосецъ «Леонардо де Винчи», если память не измѣняетъ мнѣ.

Сообщилъ кап. 2 р. В. Р.

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКАГО ОБЪЕДИНЕНІЯ
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ А. А. ГЕРИНГЪ

ЖУРНАЛЬ

„ВОЕННАЯ БЫЛЬ“

10-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Подписная цѣна на 1961-ый г.

6 номеровъ — \$ 4.50 съ пересылкой.

Представители въ США :

В. А. Высоцкій: 410 Riverside Drive, Apt. 103-A,
New York 25, N. Y.

Г. А. Куторга: 272, 2-nd Ave., San Francisco 18, Calif.

КЪ СТАТЬѢ ”ЖУТКІЕ ДНИ...”

«Морскія Записки», Томъ XIX, № 1/2 - 54

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ, НЕТОЧНОСТИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ

Послѣ выхода іюньскаго номера «Морскихъ Записокъ», я получилъ рядъ писемъ отъ читателей, выражавшихъ одобренія моей статьѣ и указывавшихъ мнѣ замѣченныя неточности и ошибки, вкравшіяся въ мои воспоминанія.

Не претендуя на документальную точность описываемаго, я въ первыхъ строкахъ статьи отмѣтилъ, что вслѣдствіе давности и пробѣловъ памяти въ моемъ изложеніи могутъ быть неточности и ошибки.

Описывая событія «Жуткихъ дней . . .», я ставилъ себѣ цѣлью передать то напряженно-нервное состояніе и чувства полнѣйшей беспомощности и безнадежности, въ которыхъ находился офицерскій составъ Черноморскаго флота въ описываемый періодъ революціи. Въ детали, не имѣвшія существеннаго отношенія къ описываемому, я не вникалъ, такъ какъ для выясненія ихъ понадобилась бы кропотливая работа и значительное время.

Я приношу свою благодарность читателямъ, указавшимъ мнѣ неточности, и ниже сего привожу исправленіе опечатокъ, неточностей и дополненія къ моей статьѣ.

Стр.	Строка	Напечатано	Слѣдуетъ читать
46	22	З. Г. Полянский	З. М. Полянский
46	22	мичманъ А. А. Томашевичъ	лейтенантъ А. А. Томашевичъ
47	20	вице-адм. П. И. Новицкій — Нач. див. лин. кор.	— Глав. К-рь Севастополь- скаго Ports и Портовъ Чернаго моря
47	28	кап. 1 р. Коломейцевъ	кап. 1 р. Карказъ
47	30	ст. лейт. Н. Д. Каллистовъ — ст. офиц. эск. мин. "Деракій"	— к-рь эск. мин. "Прон- зительный"
47	32	лейт. Г. П. Тевяшевъ — вахт. нач. эск. мин. "Деракій"	— стар. офиц. эск. мин. "Пронзительный"
47	37	подполк. п /А. В. Н. Мула- ровъ	подполк. п /А. В. Н. Му- ляровъ
51	8	мичманъ Димитрій Мертваго	мичм. Сергій Мертваго
68	2	лейт. Н. Н. Макаровъ	лейт. Анатолий Макаровъ
69	18	кап. 1 р. Резенкампфъ	кап. 1 р. Резенкампфъ былъ арестованъ и разстрѣлянъ вмѣстѣ со своимъ племян- никомъ, подпор. п /А.

Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ упоминается Минная Дивизія, слѣдуетъ считать, что рѣчь идетъ о Минной Бригадѣ, т. к. миноносцы Черноморскаго флота всегда были объединены въ одну тактическую единицу, наименованіе которой нѣсколько разъ мѣнялось. Въ 1912-13 г.г. она называлась Минной Дивизіей; въ 1914 г. она была переименована въ Минную Бригаду. Въ 1915 г. Минная Бригада вошла въ составъ Минной и Противолодочной Обороны. Начальникомъ Обороны былъ назначенъ тотъ же адмиралъ Саблинъ на правахъ Начальника Дивизіи.

Существенную поправку надо внести въ описаніе разстрѣла офицеровъ на Малаховомъ Курганѣ (стр. 47). Разно-

рѣчивыя версіи объ этомъ событіи проникли въ Севастополь-городъ со словъ самихъ убійцъ и возможны искаженія и преувеличенія происходившаго, или же они относятся къ другому случаю разстрѣла. Уже послѣ напечатанія моей статьи мнѣ справедливо указали, что протестъ ген. Кетрица — «я не морской офицеръ!» — не могъ имѣть мѣсто, т. к. Кетрицъ въ молодости былъ морскимъ офицеромъ и даже носилъ знакъ Офицерскаго Миннаго Класа. Слова адмирала Новицкаго: «Умѣли жить, умѣйте и умирать»!, — вѣроятно относились къ кому-нибудь другому изъ разстрѣливаемыхъ. Никто не можетъ сказать, какъ онъ будетъ реагировать передъ казнью, чувствуя себя безвинно-обреченной жертвой. Тотъ или другой офицеръ могъ упасть духомъ и ничего позорнаго въ этомъ нѣтъ.

«Пусть будетъ стыдно тому, кто дурно объ этомъ думаетъ»!

Я. В. Шрамченко

ИСПРАВЛЕНІЯ КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ

О КАП. 1 р. КИТИЦЫНЪ :

«М. 3.» Томъ XIX, № 1/2 - 54

Стр. 13, строка 9 сверху — Учебный отрядъ вышелъ изъ Владивостока 12 ноября, а не 6 декабря 1917 года.

Стр. 28, строка 17 — въ отрядѣ былъ миноносецъ «Грозный», а не «Громкій»

Стр. 30, строка 24 — слѣдуетъ читать «Бойкій», а не «Громкій»

